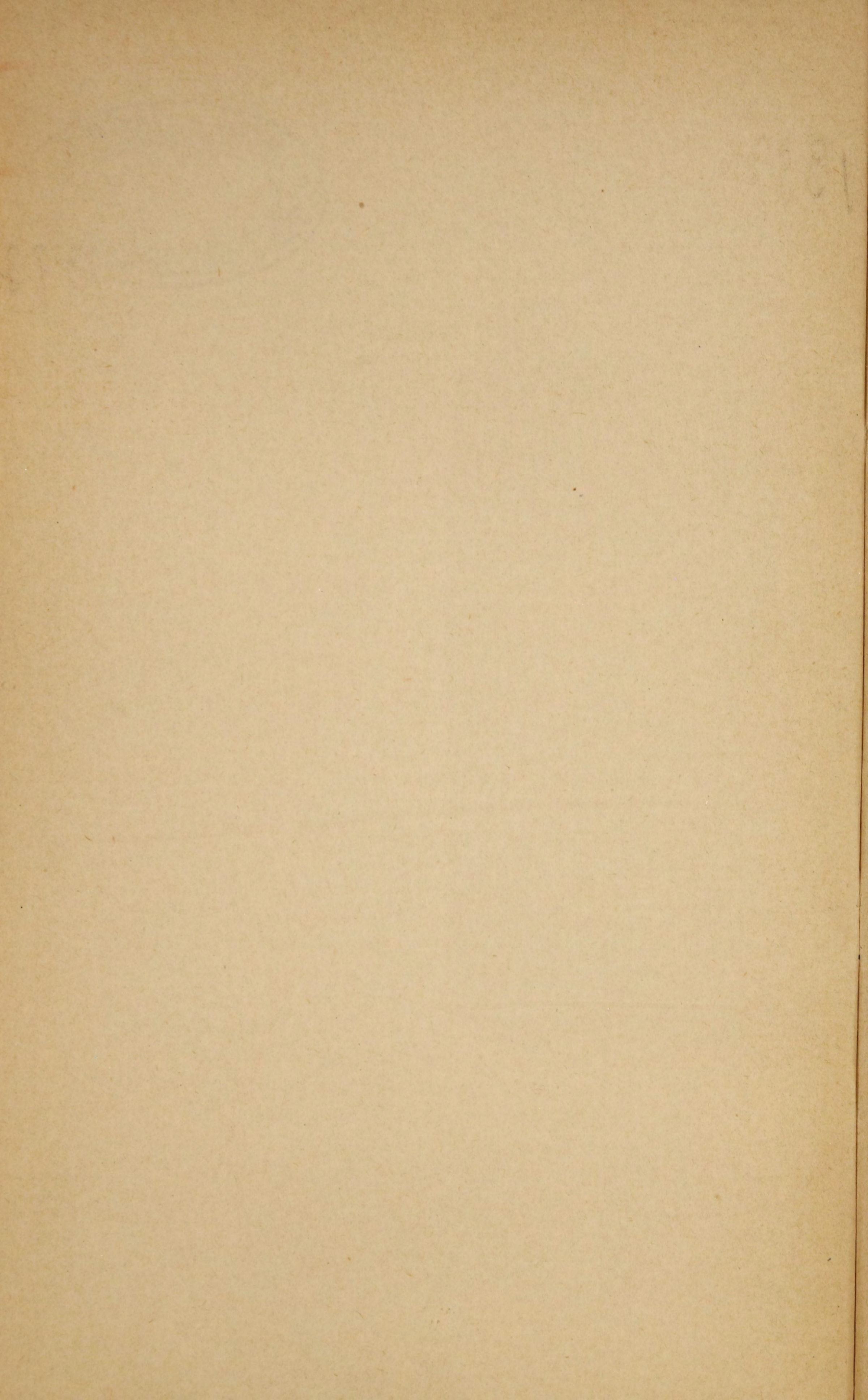

13936

13936. метикъ и геометріи; въ Соломбальской части Архангельска была школа матросскихъ дѣтей „весьма порядочная до пятисотъ числомъ“, изъ которыхъ почти ежегодно выходило по пятнадцати штурмановъ. Въ Бѣлозерскѣ существовало малое народное училище, въ которомъ обучалось сто мальчиковъ и шесть дѣвочекъ; другое училище помещалось въ присоединенномъ къ городу Крохинскомъ посадѣ. Успѣхами учениковъ Бѣлозерскаго народнаго училища Челищевъ остался очень доволенъ. Но эта школа составляла, по видимому, исключеніе и обязана была своимъ хорошимъ состояніемъ личнымъ качествамъ учителя. Въ другихъ городахъ Тихвинѣ, Онегѣ учениковъ было не много, около тридцати человѣкъ, а Великоустюжское народное училище числилось только на бумагѣ. При своемъ посѣщеніи, о которомъ заранѣе было дано знать, Челищевъ не нашелъ здѣсь не только учителя, но даже и сторожей; двери оказались запертыми, а окна выбитыми; очевидно, что никакого ученія не происходило. Малочисленность учениковъ въ Тихвинѣ авторъ объясняетъ раскольничьимъ составомъ населенія этого города.

Въ Архангельскѣ, Вологдѣ, Новгородѣ, Тихвинѣ, Кирилло-Бѣлоозерскомъ монастырѣ были, кромѣ того, семинаріи для обученія дѣтей духовенства, а, быть можетъ, и другихъ сословій. Въ нихъ преподавались богословіе, піитика, риторика, нѣмецкій, латинскій и греческій языки (стр. 83). Нѣкоторыя изъ семинарій были переполнены учащимися: въ Вологдѣ, на примѣръ, обучалось до 800 человѣкъ. Другія, какъ, на примѣръ, въ Кирилло-Бѣлоозерскомъ монастырѣ, напротивъ пустовали.

Изъ сдѣланнаго нами бѣглаго обзора „Дневника“, обзора далеко не исчерпывающаго всего содержанія его, читатель можетъ видѣть, какой цѣнный вкладъ въ историко-статистическую литературу составляетъ эта книга. Не смотря на обиліе путешествій по Россіи, о которыхъ мы сказали въ началѣ статьи, для изученія сѣвернаго края книга Челищева представляетъ самый полный и надежный источникъ, далеко превосходящій по богатству содержанія извѣстные труды Шторха. Во многомъ можно не согласиться съ авторомъ, когда онъ предлагаетъ мѣры къ поднятію экономическаго положенія края или когда касается нравственнаго состоянія населенія, особенно раскольниковъ, но факты и наблюденія, приводимые имъ, на сколько можно судить изъ сопоставленія съ другими современными изслѣдованіями, останутся навсегда въ высшей степени цѣннымъ и совершенно достовернымъ матеріаломъ. Какъ важны нѣкоторыя данныя, собранныя Чели-

щевымъ, видно изъ того, что о многихъ сторонахъ быта населенія, какъ, на примѣръ, о цифрѣ женскаго населенія въ городахъ и уѣздахъ, нельзя найти нигдѣ свѣдѣній, кромѣ „Дневника“, куда они внесены были изъ сказокъ. На сколько недоступны были эти свѣдѣнія, въ первый разъ собранныя въ ревизію 1782 г., можно судить потому, что Шторхъ, не смотря на всѣ старанія, никакъ не могъ добыть ихъ.

Къ изданію „Дневника“ приложены указатели 1) именъ личныхъ, 2) мѣстныхъ названій и 3) предметовъ, а также списокъ мѣстныхъ словъ, составленные съ большою тщательностью и облегчающіе пользованіе разнообразнымъ матеріаломъ „Дневника“. Къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ текста приложены также рисунки и чертежи двухъ крестовъ, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ, креста, поставленнаго въ память этого государя Челищевымъ, портрета Ломоносова и карты мѣстности, гдѣ онъ родился, плана крѣпости Петра Великаго близъ Архангельска и др. Рисунки эти исполнены на основаніи подлинной рукописи Челищева.

Ш. С—скій.

Гревс и

Новое изслѣдованіе о колонатѣ.

Fustel de Coulanges. RECHERCHES SUR QUELQUES PROBLÉMES d'HISTOIRE. — I. Le colonat Romain. Paris. 1885.

I.

Извѣстный ученый авторъ разбираемой книги, профессоръ Сорбонны и членъ Французскаго института, Фюстель де Куланжъ, завоевалъ себѣ почетную извѣстность первымъ большимъ сочиненіемъ — „La cité antique“¹⁾, въ которомъ онъ, пользуясь давно всѣмъ знакомымъ матеріаломъ, сумѣлъ создать новую, остроумную, правда, одностороннюю, но стройную и во многомъ вѣрную теорію происхожденія, развитія и паденія древнихъ государствъ²⁾. Вслѣдъ за тѣмъ онъ по-

¹⁾ Первое изданіе вышло въ 1865 году.

²⁾ Сочиненіе это стало извѣстно во всей Европѣ и сдѣлалось почти классическимъ. На русскомъ языкѣ есть два перевода его: 1). Древнее общество. Обзоръ культа, права и учрежденій Греціи и Рима. С.-Пб. 1867. изд. Н. Ламанскаго. (неполный) и 2) Е. Корша. Гражданская община античнаго міра. Москва. 1867. (полный и хорошій).

Библиотека НИИ СССТ

78481

святилъ себя изученію происхожденія общественнаго строя своего отечества и въ 1875 году напечаталъ второе крупное сочиненіе — „Histoire des institutions politiques de l'ancienne France“. Книга эта представляетъ только первый томъ задуманнаго авторомъ обширнаго изслѣдованія по исторіи учрежденій средне-вѣковой Франціи. Изложеніе доведено до половины VII вѣка и обнимаетъ завоеваніе Галліи римлянами, Римскую имперію, германское нашествіе и франкское королевство Меровинговъ. Смѣлостью основной идеи, оригинальностью метода и выдающимися достоинствами языка книга Фюстель де Куланжа произвела большое впечатлѣніе. Во Франціи ею восторгались, въ литературѣ другихъ странъ часто оспаривали, но вездѣ отмѣчали, какъ важное явленіе въ исторіографіи новѣйшихъ временъ.

Дѣло въ томъ, что Фюстель де Куланжъ въ основаніе своего труда снова поставилъ старый рѣшительный тезисъ Дюбо¹⁾, что германское завоеваніе V вѣка есть чистѣйшая историческая иллюзія, что германцы не могли обнаружить сильнаго положительнаго вліянія на происхожденіе и развитіе общественнаго строя Франціи, что нынѣшняя Франція есть результатъ непрерывнаго развитія заложенныхъ въ Галліи началъ римскаго императорскаго строя. Но выставляя центральнымъ пунктомъ своей теоріи старое давно оставленное положеніе, онъ сумѣлъ развить его по своему и оживить новою уже научною силою.

Этимъ основнымъ положеніемъ намѣчается направленіе писателя, которое онъ блистательно развиваетъ въ названномъ сочиненіи, и книга эта является превосходною характеристикой Фюстель де Куланжа и со стороны его индивидуальныхъ достоинствъ и недостатковъ, и какъ новѣйшаго представителя школы романистовъ въ исторіи Франціи. Воззрѣнія Фюстель де Куланжа дѣйствительно сами по себѣ оригинальны и стройно проведены. Его указанный трудъ несомнѣнно представляетъ крупныя достоинства методологическія, критическія и фактическія. Но болѣе всего открывается въ немъ отрицательныхъ качествъ, то-есть, руководящихъ указаній, плановъ для изслѣдованія, и очень мало новыхъ, хорошо установленныхъ и основательно доказанныхъ историческихъ истинъ. Онъ ловко умѣетъ разбить противоположныя мнѣнія, проницательно указать на недостатки чужихъ пріемовъ, чужаго толкованія; онъ мастерски выясняетъ сущ-

¹⁾ Сочиненіе аббата Дюбо (Jean-Baptiste Dubos): „Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules“ (3 vol.) вышло въ 1734 г.

ность истиннаго метода, замѣчательно ясно умѣетъ показать, что нужно дѣлать, и для чего. Но дѣлаетъ ли онъ самъ, что говоритъ? Убѣждаетъ ли онъ своимъ изложеніемъ? Можетъ ли онъ заставить читателя согласиться съ его выводами, повѣрить точности его изслѣдованій, глубинѣ изученія источниковъ, добросовѣстности ихъ толкованія, безпристрастію обобщеній?—По видимому, да... Научнымъ именемъ онъ пользуется очень почтеннымъ. Онъ является какъ бы главою отдѣльной школы въ современной французской исторіографіи. Ученая критика его восхваляетъ. Онъ много читается и „большою публикой“ во Франціи, имѣетъ успѣхъ и у насъ ¹⁾. Но намъ представляется, что историкъ, сколько-нибудь знакомый съ первыми источниками, безпристрастный и спокойный, не можетъ не отнестись съ недоумѣніемъ къ труду блестящаго французскаго историка даже при самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ его содержаніемъ. Прежде всего, теорія, положенная въ основаніе его, — теорія крайняго романизма, полного отрицанія вліянія германскаго элемента на образованіе общественнаго строя Франціи и рѣшительной апологіи всего связаннаго съ традиціями Римской имперіи—односторонняя и фальшива. Она противорѣчитъ твердо установленнымъ фактамъ и не можетъ быть принята. Но это еще не все. Оспоримость теоріи не такой недостатокъ, который можетъ лишить книгу значительной части ея научнаго достоинства. Въ исторіи слишкомъ мало еще такихъ истинъ, противъ которыхъ нельзя было бы возражать. Фюстель де Куланжъ заслуживаетъ другой, болѣе тяжелый для историка упрекъ: онъ слишкомъ часто погрѣшаетъ въ своей книгѣ противъ имъ же установленныхъ основныхъ принциповъ изслѣдованія—безпристрастія и точности. Онъ не только подгоняетъ изложеніе подъ опредѣленную, не оправдываемую фактами, и предвзятую тенденцію, но прямо допускаетъ произвольность толкованія источниковъ и даже искаженіе текстовъ, хотя иной разъ очень тонкое. Занимаясь спеціально нѣкоторыми вопросами внутренней исторіи послѣднихъ вѣковъ римской имперіи, мы лично имѣли случай убѣждаться, до какой степени безцеремонно авторъ обращается и съ источниками, и съ ссылками на взгляды новыхъ писателей, когда ему непременно нужно доказать важную для него

¹⁾ См., между прочимъ, прекрасное и очень сочувственное изложеніе этого труда Фюстель де Куланжа въ статьѣ покойной С. К. Брюловой: „Новая теорія происхожденія Франціи“, помѣщенной въ февральской книжкѣ *Вѣстника Европы* за 1877 годъ.

мысль. Отдѣлъ, посвященный германцамъ, еще болѣе изобилуетъ неточностями, искаженіями и натяжками. Это уже не ошибки. Ошибки неизбѣжны и потому простибельны. Тутъ уже видѣнъ недостатокъ добросовѣстности, который въ ученомъ, отыскивающимъ истину и оповѣщающимъ ее, особенно неумѣстенъ, все равно, какъ бы его ни объясняли—желаніемъ ввести въ заблужденіе или простымъ ослѣпленіемъ партійными или національными предразсудками. Вотъ эти-то важные недостатки какимъ-то особеннымъ диссонансомъ поражали насъ при изученіи „Исторіи государственныхъ учрежденій древней Франціи“, на ряду съ открывающимися въ ней рѣдкими положительными качествами. Фюстель де Куланжъ много знаетъ и отлично владѣетъ своими свѣдѣніями. Онъ несомнѣнно замѣчательный изслѣдователь—именно „изслѣдователь“, орудующій надъ первыми источниками и искусно оперирующій ими. Онъ подвигаетъ впередъ своимъ трудомъ разработку первоначальной исторіи европейскихъ государствъ въ самыхъ основныхъ ея задачахъ: онъ разрушаетъ много старыхъ заблужденій и намѣчаетъ немало истинныхъ путей. Точно также даровитостью онъ, можетъ быть, превосходить своихъ современныхъ соотечественниковъ-товарищей по наукѣ. Но это драгоцѣнное свойство налагаетъ на его обладателя еще болѣе строгія обязанности, которыя онъ далеко не всегда выполняетъ. Такая небезупречность, колеблющая довѣріе къ выводамъ Фюстель де Куланжа, постоянно бросается въ глаза при чтеніи его сочиненій, и намъ не разъ, признаемся, приходилось удивляться, чѣмъ заслужилъ онъ то высокое уваженіе и вѣскій авторитетъ, которымъ пользуется въ средѣ историковъ своего отечества.

Указанныя отличительныя черты таланта Фюстель де Куланжа, хорошія и дурныя стороны его научныхъ приемовъ, а также и отмѣченное большое вліяніе, которое оказываютъ въ литературѣ его труды—должны заставить ученыхъ историковъ обратить на него серьезное вниманіе. Обстоятельный критическій обзоръ его трудовъ, съ точки зрѣнія теоріи, метода и фактическихъ выводовъ, до сихъ поръ еще не сдѣланъ, такъ какъ сторонники только восхваляли его, противники только опровергали частности. А такой разборъ былъ бы крайне желателенъ. Очень важно отдѣлать въ его воззрѣвіяхъ истинное отъ ложнаго и попытаться объяснить происхожденіе капитальныхъ ошибокъ, въ которыя онъ впадаетъ. Намъ кажется, что онѣ легко объясняются тѣмъ простымъ фактомъ, что онъ отдаетъ вѣрный и тонкій

методъ на служеніе фальшивой и односторонней теоріи, и что это можно доказать путемъ подробнаго анализа его основнаго труда по исторіи первоначальныхъ французскихъ средневѣковыхъ учрежденій.

Но кромѣ такой общей задачи исторической критики по отношенію къ трудамъ Фюстель де Куланжа, она должна еще отдавать себѣ отчетъ въ его новыхъ выходящихъ сочиненіяхъ. Въ нашей русской исторіографіи существуетъ уже не мало капитальныхъ трудовъ по всеобщей исторіи, въ нѣкоторыхъ университетахъ профессора этого предмета ведутъ преподаваніе по широкой и серьезной программѣ и возбуждаютъ интересъ, который распространяется въ интеллигентномъ обществѣ. Все это доказываетъ, что на нашей ученой литературѣ отражается движеніе исторической науки не только въ области отечественной исторіи, но и въ области исторіи человѣчества вообще. Это фактъ очень важный, и его надо поддерживать. Поэтому и намъ слѣдуетъ слѣдить за выходящими на западѣ научными новинками, касающимися наиболѣе общихъ вопросовъ исторіи. Къ числу подобнаго рода новинокъ принадлежитъ и послѣдняя книга Фюстель де Куланжа—„Розысканія о нѣкоторыхъ историческихъ вопросахъ“. Въ ней идетъ рѣчь о римскомъ колонатѣ, первобытномъ германскомъ земледѣлнн, германской маркѣ и судебномъ устройствѣ во франкскомъ королевствѣ Меровинговъ. Въ названныхъ четырехъ розысканіяхъ авторъ затрогиваетъ вопросы первостепенной важности и общеисторическаго интереса. Эта книга замѣчательна и по многимъ внутреннимъ достоинствамъ. Вотъ почему намъ представляется умѣстнымъ остановиться на ней даже съ нѣкоторою подробностью. Но въ ней разбирается такъ много вопросовъ, она касается на столько разнообразныхъ сторонъ средневѣковой исторіи Европы, затрогиваетъ массу такихъ важныхъ пунктовъ, что хорошо познакомиться съ полнымъ ея содержаніемъ въ предѣлахъ одного очерка очень затруднительно. Въ настоящей статьѣ мы предполагаемъ говорить только о первой ея части. Изслѣдованіе Фюстель де Куланжа о колонатѣ, то-есть, о происхожденіи и развитіи въ римской имперіи крѣпостнаго права, безспорно въ высшей степени интересно. И по широтѣ плана, и по цѣнности выводовъ оно должно будетъ стать въ ряду самыхъ лучшихъ изъ многочисленныхъ изслѣдовапій, посвященныхъ этому предмету. Мы намѣрены изложить подробно содержаніе этого изслѣдованія съ цѣлью показать, что вноситъ оно новаго и положительнаго въ науку въ области разрѣшенія одного изъ общихъ и важныхъ ея

вопросовъ, а также попытаться отнестись критически къ нѣкоторымъ изъ выводовъ, съ которыми нельзя согласиться ¹⁾).

Прежде всего укажемъ, какое мѣсто занимаетъ послѣдній трудъ Фюстель де Куланжа въ общемъ планѣ его работъ. Мы выше сказали, что „Исторія государственныхъ учрежденій древней Франціи“, представляетъ только первую часть задуманнаго имъ обширнаго изслѣдованія по исторіи средневѣковаго французскаго общественнаго строя. Второй томъ долженъ быть посвященъ исторіи феодализма. Онъ высказываетъ уже и въ первой части ²⁾ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о возникновеніи феодальнаго порядка. Въ нихъ уже видѣнъ новаторъ въ постановкѣ и этого кореннаго вопроса въ исторіи среднихъ вѣковъ. Заинтересованная предшествующими трудами даровитаго ученаго наука съ нетерпѣніемъ ждетъ обѣщаннаго имъ труда. Но онъ до сихъ поръ не появляется въ цѣльномъ видѣ. Только отрывки изъ него печатались отдѣльными статьями въ журналахъ ³⁾. Косвенное отношеніе къ этому будущему, по всей вѣроятности, капитальному сочиненію имѣетъ и настоящая книга—„Recherches sur quelques problèmes d'histoire“. Самъ авторъ въ краткомъ предисловіи такъ объясняетъ значеніе своего послѣдняго труда:

„Меня спрашивали“, говоритъ онъ,—„почему я до сихъ поръ не издалъ книги о феодальномъ строѣ? Я дѣйствительно уже девятнадцать лѣтъ назадъ предпринялъ изслѣдовать вопросъ о происхожденіи феодализма. Я работаю надъ нимъ, придерживаясь того же метода,

¹⁾ Третье „Розысканіе“ Фюстель де Куланжа уже было подвергнуто обстоятельному разбору со стороны профессора Московскаго университета, *М. М. Ковалевскаго* (въ статьѣ „Древне-германская марка“, въ апрѣльской книжкѣ *Юрид. Вѣстника* за нынѣшній годъ). Это наиболѣе слабая часть послѣдняго труда Фюстель де Куланжа, и замѣчанія нашего извѣстнаго ученаго не могутъ не быть признаны весьма основательными. Важно было бы также остановиться на второмъ изслѣдованіи: „Du régime des terres chez les Germains“.

²⁾ „Les instit. polit. de l'anc. Fr.“, pp. 449—450 (2-me ed. 1877) et passim.

³⁾ Напримѣръ, въ *Revue des deux mondes* (Les origines du régime féodal—15 mai 1873 et 1 août 1874) и въ *Revue historique* (L'immunité—1883, Juillet-Août, Sept.-Oct.) Въ 1879 г. Ф. де Куланжъ выпустилъ еще книгу, предметъ которой близко касается этого главнаго вопроса его изслѣдованія—„Des transformations de la propriété foncière en France au moyen âge“. Кромѣ того, онъ высказывалъ еще предъ публикой свои воззрѣнія на тотъ же вопросъ въ курсѣ по исторіи феодальнаго порядка, читанномъ въ 1883 г. въ Collège de France. По отзывамъ слушателей, чтенія были блестящи и поучительны. Но во всякомъ случаѣ послѣдняго слова о феодализмѣ онъ еще не сказалъ.

которымъ руководствовался при изслѣдованіи основныхъ принциповъ устройства античныхъ обществъ греко-римскаго міра. Я прямо изучаю источники и разбираю подробности“. Такъ только и можно вести работу. „Въ исторіи по меньшей мѣрѣ столько же, сколько и въ другихъ наукахъ, можно дойти до синтеза только путемъ анализа.“ — „Но дѣло подвигается у меня медленнѣе съ феодализмомъ, чѣмъ оно шло съ древними обществами. Послѣднія сравнительно съ первымъ — довольно простые организмы. Дѣйствительная сущность ихъ раскрывается легко, если соблюдается при изслѣдованіи только одно условіе, именно если не переносятся въ тѣ далекіе вѣка наши новыя воззрѣнія. Когда я изучилъ въ области государственнаго развитія древняго міра какихъ-нибудь тридцать учрежденій въ отдѣльности, оказалось, что при сравненіи результатовъ этихъ тридцати спеціальныхъ анализовъ, между ними легко обнаруживалась связь. Нужно было только привести каждое изъ такихъ отдѣльныхъ изслѣдованій къ простѣйшему виду, и трудъ былъ оконченъ“. — „Не такую легкою представлялась работа уже относительно римской имперіи, общественное устройство которой, не смотря на кажущуюся простоту, обманувшую нѣкоторыхъ историковъ, отличалось особенною сложностью. О германскомъ завоеваніи нечего и говорить. Я, кажется, доказалъ, что оно можетъ быть понято только, если будетъ разложено на составные элементы. Сущность же средневѣковаго феодальнаго строя (*le moyen âge féodal*) еще гораздо труднѣе схватить. Это тѣло — безконечно обширное, съ многочисленными органами, измѣнчивою внѣшностью и очень сложною жизнью. Простота изложенія (*la simplicité d'exposition*), которая является точнымъ приѣмомъ при изображеніи античныхъ общинъ, здѣсь была бы грубѣйшею ошибкою. Одно происхождение (*les origines*) этого порядка — вопросъ громадной трудности“. — Въ чемъ же трудность? Именно въ сложности феодализма, утверждаетъ Фюстель де Куланжъ. — „Германисты и романисты думаютъ облегчить задачу, выводя феодальный строй изъ одного источника. Но феодализмъ не выходитъ ни изъ германскаго, ни изъ римскаго міра ¹⁾. Онъ образовался медленно и былъ результатомъ длиннаго ряда фактовъ и незамѣтно установившихся обычаевъ. Поэтому историкъ, который хочетъ попытаться понять это явленіе, обязанъ произвести цѣлую массу

¹⁾ Этими словами Фюстель де Куланжъ какъ будто отдѣляетъ себя отъ школы романистовъ и ставитъ на самостоятельное мѣсто. Но на дѣлѣ въ своихъ статьяхъ о феодализмѣ въ *Revue des deux mondes* онъ остается вѣренъ основной своей теоріи.

розысканій на пространствѣ времени въ восемь вѣковъ. Онъ не долженъ пренебрегать рѣшительно ничѣмъ, такъ какъ не можетъ знать, содѣйствовалъ или нѣтъ зарожденію этого строя тотъ или другой фактъ, учрежденіе или постановленіе публичнаго или частнаго права. Это не все. Чтобы хорошо понять феодальныя учрежденія, нужно, чтобы онъ изучилъ основательно и не феодальныя, которыя смѣшивались съ первыми, чтобы быть въ состояніи всегда хорошо ихъ различать. Итакъ, ему нужно наблюдать всѣ явленія и факты, и не только на ихъ поверхности, такъ какъ именно въ корнѣ и глубинѣ вещей бывають обыкновенно скрыты ихъ свойства и различія“¹⁾).

Изъ этихъ многообразныхъ трудностей, представлявшихся Фюстель де Куланжу при изслѣдованіи феодальнаго строя, и вытекла для него необходимость подготовить почву для общаго сочиненія по исторіи феодализма путемъ предварительныхъ розысканій относительно множества вопросовъ, прямо или косвенно касающихся его²⁾. Простое собраніе нѣсколькихъ изъ такихъ отдѣльныхъ предварительныхъ изслѣдованій и представляетъ его послѣдняя книга, краткое оглавленіе которой мы указали. Новый трудъ даровитаго ученаго по точности метода и осторожности выводовъ долженъ быть поставленъ выше „Исторіи древне-французскихъ государственныхъ учрежденій“. Только мѣстами и въ ослабленной степени проглядываетъ и здѣсь неубѣдительная прямолинейность защитника односторонней теоріи. Что касается достоинствъ языка и ясности изложенія, то и въ этихъ отношеніяхъ послѣдняя книга Фюстель де Куланжа также еще сильнѣе привлекаетъ вниманіе читателя своею внѣшнею прелестью, чѣмъ предыдущія, также превосходно написанныя его сочиненія. Къ наиболѣе удачнымъ принадлежитъ первое розысканіе — о римскомъ болатѣ — къ которому мы теперь и переходимъ.

II.

Крѣпостное право — одинъ изъ самыхъ важныхъ отличительныхъ признаковъ феодальнаго строя. Стало быть, рѣшеніемъ вопроса, откуда пошло это историческое явленіе, отчасти предрѣшается или по крайней мѣрѣ получаетъ довольно опредѣленную окраску и болѣе

¹⁾ См. *Recherches sur quelques problèmes d'histoire. Préface, p. I—III.*

²⁾ „De là pour nous une foule de problèmes secondaires qu'il fallait sonder avant d'avancer“. *Ibid., p. III.*

общій вопросъ о преобладаніи того или другаго начала въ исторіи происхожденія феодализма. Зависимыя отношенія существовали и въ кельтскихъ классахъ ¹⁾, и въ первобытной Германіи ²⁾, и у римлянъ. Но который же изъ этихъ видовъ поземельной и личной зависимости наиболѣе повліялъ на опредѣленіе фактическаго и правоваго положенія трудящихся массъ средневѣковой Европы? Можетъ быть, тотъ, который раньше всѣхъ и лучше всего выработался, можетъ быть, тотъ, который принадлежалъ общественному устройству возобладавшаго этнографическаго элемента. Это важно опредѣлить. И дѣйствительно, колонаты уже давно обращалъ на себя вниманіе изслѣдователей не только потому, что это само по себѣ въ высокой степени поучительное явленіе, но также именно и потому, что въ немъ видѣли объединеніе между римскимъ и средневѣковымъ общественнымъ строемъ. „Превращеніе, которому подверглось римское соціальное устройство еще до завоеванія“, говоритъ профессоръ П. Г. Виноградовъ ³⁾, — „выразилось особенно въ трехъ фактахъ—въ образованіи колоната, въ установленіи патроната для защиты и покровительства частнымъ лицамъ въ дополненіе и даже наперекоръ государственному союзу и, наконецъ, въ развитіи и распространеніи договоровъ вѣчной и долгосрочной аренды. Вокругъ этихъ трехъ главныхъ фактовъ группируется много второстепенныхъ“. И во всѣхъ этихъ фактахъ однородныхъ между собою) обнаруживается сходство между общественнымъ устройствомъ римской имперіи и утвердившимся постепенно на ея развалинахъ въ Западной Европѣ феодальнымъ порядкомъ. Нельзя ли отъ этого сходства заключить и къ внутренней связи между этими двумя явленіями и съ тѣмъ вмѣстѣ вывести средневѣковыя крѣпостныя отношенія изъ колоната временъ имперіи? Теоретически есть полная возможность сдѣлать такое предположеніе. Для

¹⁾ См. объ этомъ сочиненіе извѣстнаго англійскаго ученаго *Генри Сумнера Мэна (Maine)* „*Studies on the history of early institutions*“. Существуетъ въ переводѣ на французскій языкъ *Durieu de Leyritz* съ предисловіемъ извѣстнаго кельтолога *D'Arbois de Jubainville* подъ заглавіемъ „*Etudes sur l'histoire des institutions primitives*“. Русскій переводъ, печатавшійся въ *Знаніи*, не совсѣмъ удовлетворителенъ.

²⁾ Tacit. Germ., 25. Объ этомъ подробно говоритъ Фюстель де Куланжъ въ 6-й главѣ втораго розысканія (стр. 248—257). Ср. *Waitz. Deutsche Vervassungsgeschichte*, I, 162 u. ff. (Dritte Aufl. Kiel. 1880).

³⁾ См. его диссертацію: „Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лонгобардской Италіи“. С.-Пб. 1880.

того же, чтобы оно могло обратиться въ научную истину, необходимо анализировать и средневѣковое крѣпостное право, и колонатъ, сравнить результаты анализа и сдѣлать заключеніе о внутреннемъ сродствѣ этихъ двухъ общественныхъ учрежденій — въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Изъ этого видно, какое значеніе имѣетъ вопросъ о римскомъ колонатѣ для историка, изучающаго феодализмъ, и въ особенности для историка, принадлежащаго по научнымъ симпатіямъ къ школѣ романистовъ. Понятно, поэтому, что Фюстель де Куланжъ посвятилъ много времени и труда изслѣдованію колоната и отдалъ въ своей книгѣ изложенію выводовъ изъ этого изслѣдованія значительное мѣсто (185 страницъ)¹⁾.

Результаты, достигнутые Фюстель де Куланжемъ въ этой работѣ, солидны. Ему удалось изучить всѣ относящіеся сюда источники, отдать себѣ отчетъ въ высказанныхъ раньше мнѣніяхъ и установить свою точку зрѣнія. Онъ охватилъ вопросъ во всей его полнотѣ и широтѣ и написалъ вполне законченный историческій этюдъ, который намъ теперь предстоитъ изложить и разобрать.

„Колонатъ есть одно изъ самыхъ темныхъ и не разъясненныхъ учрежденій римской имперіи“, начинается онъ. О немъ много писали²⁾.

¹⁾ Онъ говоритъ уже о *колонатъ* въ предшествующемъ основномъ трудѣ „Les institutions politiques de l'ancienne France“, см. Livre II, chap. XIII: Les différentes classes de la société dans l'empire romain (p. 244—252). На этихъ страницахъ онъ уже вкратцѣ намѣчаетъ общія положенія, которыя развиваетъ въ послѣднемъ розысканіи.

²⁾ Дѣйствительно, вопросъ о *колонатъ* имѣетъ обширную литературу, на которую мы сдѣлаемъ главныя указанія. Краткія свѣдѣнія о сущности и значеніи этого учрежденія въ ряду другихъ общественныхъ и правовыхъ институтовъ римскаго государства можно найти въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи римскаго права, напримѣръ, *Вальтера* (Geschichte des römischen Rechts, 3-е изд. 1860, т. I), *Момсена-Марквардта* (Handbuch der Römischen Alterthümer, т. V, 1876), *Пухты* (Cursus der Institutionen, 8-е изд. 1875, т. I), *Майниа* (Cours de droit Romain, 3-me éd. Bruxelles, 1870, т. I), *Кунтце* (Institutionen und Geschichte des Römischen Rechts, 2-е изд., 1879, 2 тома), *Виллемса* (Le droit public romain, 3-me éd. Louvain, 1883) и др.; удѣляютъ достаточное мѣсто изложенію данныхъ о колонатѣ и общіе труды по исторіи французскаго права, напримѣръ, *Лаферрьерера* (Laferrrière. Essai sur l'histoire du droit français; въ 1885 году вышло новое изданіе въ двухъ томахъ), *Жиро* (Giraud. Essai sur l'histoire du droit français au moyen âge, 1846); — а также по исторіи крестьянъ и вообще трудящихся классовъ (classes laborieuses) во Франціи, напримѣръ, *Боннемера*, *Доньоля*, *Дареста*, *Дю-Селле*, *Лемари* и др. Очень важныя свѣдѣнія объ интересующемъ насъ учрежденіи даютъ нѣкоторые труды, посвященные болѣе специальнымъ

„Но все же не легкая задача—уяснить себѣ, какъ онъ образовался и какимъ подчинялся законамъ. Рабство объясняется легче. Это фактъ первоначальный, современный самому зарожденію человѣческихъ обществъ, и корни его зарыты въ такомъ періодѣ исторіи че-

историко-юридическимъ вопросамъ. Къ нимъ принадлежатъ: 1) *Wallon*. Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. P. 1847 (3-й послѣдній томъ); 2) *Guérard*. Polyptyque de l'abbé Irminon. Prolégomènes. P. 1838; 3) *Laboulaye*. Histoire du droit de propriété foncière en Occident. P. 1839; 4) *Léotard*. Essai sur la condition des barbares dans l'empire Romain au IV-me siècle. P. 1873; 5) *J. Janosky*. De l'abolition de l'esclavage ancien au moyen âge et de sa transformation en servitude de la glèbe. P. 1860; 6) *Lefort*. Histoire des contrats de location perpétuelle. P. 1875; 7) *Leo*. Geschichte der italienischen Staaten, 1829, т. 2-й; 8) *Hegel*. Geschichte der Städteverfassung von Italien, 1847, Bd. I; 9) *Schultz*. Grundlegung zu einer geschichtlichen Staatswissenschaft der Römer, 1833; 10) *Kuhn*. Städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reiches, 1864, т. I.—Далѣе существуетъ длинный рядъ монографій и статей, специально посвященныхъ вполне или въ значительной части изслѣдованію колоната. Укажемъ изъ нихъ наиболее важныя: 1) *Savigny*. Ueber den römischen Colonat (первоначально появилось въ *Zeitschrift für Geschichtl. Rechtswissenschaft*, въ 1828; — потомъ вошло въ II т. „Vermischte Schriften“; сюда же относится и другая его статья: Ueber die Römische Steuerverfassung unter den Kaisern. Verm. Schr., Bd. II). — 2) Статья *Рудорфа* въ *Rheinisches Museum für Philologie* (1828). — 3) *Zumpt*. Ueber die Entstehung und historische Entwicklung des Colonats (также въ *Bhein. Mus. f. Phil.*, 1845). — 4) *Huschke*. Ueber den census und die Steuerverfassung der älteren Kaiserzeit, 1847. — 5) Статья *Révillout*. Etude sur l'histoire du colonat (въ *Revue historique de droit français et étranger*, 1856). — 6) *Rotbertus-Jagetzow*. Zur Geschichte des agrarischen Entwicklung Roms unter den Kaisern, oder die Adscripticier, Inquilinen und Colonen. (Это одно изъ его „Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Alterthums, помещавшихся въ *Hildebrand's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, см. 2 Jahrg., 1864. Сюда же можетъ быть отнесена и другая статья: Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus, *ibid.*). — Обѣ статьи знаменитаго нѣмецкаго экономиста переведены на русскій языкъ въ Ярославлѣ подъ редакцію проф. *Тарасова* подъ заглавіемъ „Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности“ (см. выпуски 1 и 2. 1881). — 7) *Lattes*. Studi storica sopra il contratto di enfiteusi nelle sue relazioni col colonato. Torino, 1868, и его же статья—„Dell'influenza del contratto enfiteutico etc. (въ *Memorie dell' Accademia di Torino*, 1871). — *Geisterbergk*. Die Entstehung des Colonats. Lpzg., 1876. — 8) *Petitbien*. Essai sur le colonat. Nancy, 1878. — 9) *Jung*. Zur Würdigung der agrarischen Verhältnissen der Römischen Kaiserzeit. (*Historische Zeitschrift*, Bd. XLII, 1 Heft, 1879). — Кромѣ того, прекрасный краткій очеркъ положенія колоновъ на ряду съ яркою картиною состоянія всѣхъ общественныхъ классовъ въ послѣдній періодъ имперіи даетъ *Дюрюи* въ недавно (1885) вышедшемъ новымъ изданіемъ седьмомъ и послѣднемъ томѣ своей общеизвѣстной обширной Histoire des Romains (см. Chap. 104. Orga-

ловѣчества, въ которомъ всякое неравенство было естественно. Но колонатъ не рабство. Мы даже увидимъ, что онъ на него совсѣмъ не похожъ. Онъ даже не можетъ быть отождествленъ съ настоящимъ крѣпостничествомъ (*le vrai servage de la glèbe*)¹⁾. Колонатъ не есть учрежденіе первобытное. Онъ обнаружился, когда римское общество уже дряхлѣло и почти разлагалось. Много трудностей мѣшаютъ намъ понимать это учрежденіе. Вопервыхъ, не легко себѣ представить, какъ могло законодательство, которое всегда считалось „писаннымъ разумомъ“, освятить тотъ фактъ, что милліоны людей, рожденныхъ свободными, оказались вдругъ легально прикованными къ землѣ на вѣчныя времена. Колонатъ меньше, чѣмъ какое бы то ни было другое учрежденіе древнихъ государствъ, вяжется съ современными понятіями. Поэтому особенно важно сумѣть отрѣшиться отъ настоящаго, чтобы понять возможность и объяснить сущность колоната. Другая трудность открывается въ томъ, что колонатъ появляется внезапно въ законодательствѣ IV вѣка, какъ будто безъ предварительной подготовки. „Вглядитесь въ предшествовавшее законодательство, главнымъ памятникомъ котораго являются Дигесты; вы не только не найдете въ немъ колоната, но отыщете, на оборотъ, срочную аренду, а она противоположна колонату. И вдругъ, въ постановленіи Константина отъ 332 года, бросается намъ въ глаза прикрѣпощеніе земледѣльца къ землѣ“²⁾.

Такимъ образомъ Ф. де Куланжъ смотритъ на свою задачу серьезно и осторожно. Онъ оцѣниваетъ ея трудности, предостерегаетъ себя отъ ошибокъ. Какъ же относится онъ ко взглядамъ своихъ противниковъ на этотъ вопросъ? Уже изъ одного приведеннаго списка главныхъ сочиненій, посвященныхъ колонату или затрогивающихъ его, видно, что вопросъ этотъ давно и усердно разрабатывается. Чуть ли

nisation administrative et conditions sociales dans le nouvel empire, t. VII, pp. 152—213). Наконецъ, русская ученая литература можетъ похвалиться небольшимъ, но очень хорошимъ изслѣдованіемъ о колонатѣ: мы говоримъ о первой главѣ почтеннаго труда московскаго профессора П. Г. Виноградова „Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лонгобардской Италіи“ („Римская имперія и образованіе колоната“, стр. 19—77). Краткій очеркъ *колоната* можно найти въ книгѣ проф. Н. И. Карцева: „Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 года“. Варшава. 1881 (Глава I). Тамъ же въ приложеніи указанія на литературу.

¹⁾ Recherches, p. 3.

²⁾ Ibid., p. 4.

не каждый авторъ, занимавшійся колонатомъ, высказывалъ о немъ свое особое мнѣніе, и до настоящаго времени изслѣдователи его не пришли къ окончательному рѣшенію. Всѣ высказанныя разнообразныя теоріи происхожденія и развитія этого важнаго общественнаго института могутъ быть, впрочемъ, болѣе или менѣе удобно сведены къ тремъ главнымъ группамъ. Одни находятъ, что законодательство императоровъ IV вѣка ни мало не создало новаго учрежденія, а просто регулировало въ подробностяхъ и постепенно давно сложившіяся отношенія. Другіе, напротивъ, выводятъ колонатъ изъ опредѣленнаго законодательнаго акта римскихъ императоровъ; третьи, наконецъ, различаютъ въ его исторіи два періода—подготовительный, когда постепенно складывались фактическія отношенія, послужившія матеріаломъ для колоната, — и законодательный, когда въ IV и послѣдующихъ вѣкахъ матеріалъ этотъ былъ переработанъ и приведенъ въ окончательный порядокъ законодательствомъ¹⁾. Къ изслѣдователямъ первой группы принадлежатъ, на примѣръ, Лаферрьеръ, Рудорфъ и Шульцъ. Ко вторымъ можно причислить Цумпта, Савиньи, Пухту и Марквардта. Къ третьимъ съ тѣмъ или другимъ оттѣнкомъ относятся Тролонъ²⁾, Валлонъ, Жиро, Ревилью, Гегель, Кунъ, Родбертусъ и Гейстербергъ³⁾. Ученые cadaго изъ этихъ трехъ направленій своими розысканіями о колонатѣ принесли большую пользу рѣшенію вопроса, но третьи поставили его изученіе на самую твердую и плодотворную почву, и имъ удалось достигнуть наиболѣе цѣнныхъ результатовъ. Мы не будемъ характеризовать различныхъ теорій этихъ писателей, такъ какъ это слишкомъ затянуло бы изложеніе. Но мы будемъ имѣть случай высказаться о наиболѣе важныхъ изъ нихъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ главъ этюда Фюстель де Куланжа⁴⁾. Замѣтимъ только, что указанные авторы, причисленные къ одной и той же группѣ, сходясь въ общемъ методѣ и главномъ принципѣ теоріи, предлагаютъ каждый свою хоть нѣсколько отличную отъ другихъ гипотезу⁵⁾.

¹⁾ П. Г. Виноградовъ. Происх. феодал. отн., стр. 59.

²⁾ *Troplong. De l'échange et du louage.* 3 vol. Paris. 1840.

³⁾ Сочиненія этихъ авторовъ указаны выше.

⁴⁾ Подробное изложеніе всѣхъ теорій можно найти въ первыхъ главахъ одного изъ новѣйшихъ сочиненій о колонатѣ, именно у *Гейстерберга* (*Die Entstehung des Colonats.* Leipzig. Teubner. 1876). Также у *Виноградова* (Происх. феодал. отн., стр. 59 и сл.).

⁵⁾ См. статью *Esmein* о колонатѣ (въ *Journal des Savants* 1880, p. 696).

Въ началѣ своей работы¹⁾ Ф. де Куланжъ бѣгло говоритъ о теоріяхъ своихъ предшественниковъ. Ученые, по ихъ мнѣнію, слишкомъ поспѣшно заключили, что колонатъ былъ созданъ въ четвертомъ вѣкѣ (Савиньи, Гераръ). Его представляли учрежденіемъ спеціального характера и думали, что онъ былъ изобрѣтенъ законодателемъ для опредѣленной частной цѣли и сразу учрежденъ. Естественно, захотѣли понять смыслъ этого установленія. Для этого высказаны были прежде всего двѣ гипотезы. Одни утверждали, что мысль объ учрежденіи колоната самостоятельно пришла въ голову императорамъ (Гушке), другіе, что онъ былъ заимствованъ у германцевъ. Оба эти предположенія не имѣютъ, по мнѣнію Ф. де Куланжа, достаточнаго основанія. Съ одной стороны, не находится императорскаго указа, который учреждалъ („конституировалъ“) бы колонатъ; законъ Константина 332 года только утверждаетъ („констатируетъ“) его существованіе²⁾. Ни одинъ изъ писателей того вѣка не приписываетъ введенія этого института какому-нибудь изъ императоровъ. „И дѣйствительно было бы удивительно, еслибы учрежденіе, подобное колонату, оказалось созданнымъ волею одного лица. Общественныя явленія не возникаютъ подобнымъ способомъ. Да и нужно помнить, что императорское правительство не было никогда правительствомъ преобразовательнымъ (*un gouvernement novateur*). Такой глубокой переворотъ не могъ быть дѣломъ его рукъ. Къ тому же законодатель IV вѣка говоритъ объ „очень древнихъ колонахъ“ и напоминаетъ, что это учрежденіе „установлено предками“³⁾. Стало быть онъ зналъ, что колонатъ былъ фактомъ давнишняго происхожденія и вовсе не думалъ приписывать его введенія какому-нибудь изъ императоровъ⁴⁾. Это возраженіе первымъ. Точно также и тѣ, которые утверждаютъ, что колонатъ былъ установленъ въ подражаніе зависимому землевладѣнію, существовавшему у германцевъ, должны были прежде всего твердо установить, дѣйствительно ли былъ въ исконной Германіи колонатъ. Онъ, можетъ быть, и былъ, но мы о немъ ничего не знаемъ, — ни одинъ

¹⁾ Introduction, pp. 4—7.

²⁾ Это было замѣчено *Родбертусомъ* (см. стр. 30—43 русск. перев.).

³⁾ „Antiquissimos colonos“ (въ законѣ 383 г. Cod. Just. XI, 63, 3 ed. *Krüger*). — Cum lex a majoribus constituta colonos quodam aeternitatis jure retineat. (Законъ Феодосія въ С. J. XI, 51).

⁴⁾ *Recherches*, p. 5.

источникъ не говоритъ о нихъ ¹⁾.—Кромѣ указанныхъ, продолжаетъ Фюстель де Куланжъ, предлагались еще другія гипотезы. „Нѣкоторые, напримѣръ, особенно пораженные тѣмъ, что колонаты легализированы христіанскими императорами, видѣли въ немъ не утѣсненіе, а благодѣтельную реформу. Они утверждали, что колонаты были смягченнымъ рабствомъ“. Такова теорія Родбертуса. Хотя Фюстель де Куланжъ не называетъ его имени, но онъ, вѣроятно, говоритъ главнымъ образомъ о немъ ²⁾. Это теорія въ высшей степени оригинальная и привлекательная, которую, если и нельзя принять, то пріятно и важно изучать: пріятно потому, что она остроумно задумана, замѣчательно построена и мастерски изложена; важно потому, что онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на экономическую подготовку института, которымъ потомъ воспользовалось законодательство для своихъ цѣлей—поддержало, доразвило и легализовало его. Взглядъ Родбертуса все же одностороненъ, и Ф. де Куланжъ не придаетъ ему вѣры больше, чѣмъ другимъ. Колонаты, думаетъ онъ, не исходятъ изъ рабства—колонаты постоянно называется свободнымъ. Нѣтъ въ немъ также аналогіи съ отпускомъ на волю (*affranchissement*). Всѣ законы о вольноотпущенникахъ діаметрально противоположны законамъ о колонатахъ. Первымъ принадлежитъ полная свобода передвиженія, вторые пригвождены къ полю, которое они пахутъ. Положеніе колона наследственно, положеніе вольноотпущенника не закрѣплялось закономъ за его потомствомъ. Такимъ образомъ колонаты не есть ни смягченное

¹⁾ Знаменитый отрывокъ 25-й главы Тацитовой Германіи („*Ceteris servis... suam quisque domum, suos penates regit. Frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut colono injungit et servus hactenus paret*“) Фюстель де Куланжъ признаетъ недостаточнымъ для того, чтобы изъ него можно было заключить о существованіи колоната въ исконной Германіи. Тацитъ, по его мнѣнію, говоритъ не о колонатахъ, а о рабскомъ оброчномъ землепользованіи (*tenure servile*). См. *Recherches*, р. 6, note 2. Этотъ вопросъ онъ разбираетъ во второмъ розысканіи, и онъ подлежитъ особому разбору.

²⁾ Напрасно только объясняетъ онъ причину возникновенія этой теоріи тѣмъ, что ученый, предложившій ее, изумился факту учрежденія колоната христіанскими императорами и только потому отвергъ гипотезу о происхожденіи колоновъ изъ свободныхъ людей, что не могъ совмѣстить возможности пониженія свободы съ проникшимъ въ умы духомъ христіанства. Родбертусъ (если мы только не ошибаемся, что Ф. де Куланжъ говоритъ о немъ) въ переводѣ рабовъ въ колонаты видѣлъ необходимый экономическій переворотъ, подтвержденный законодательствомъ, а вовсе не результатъ распространенія вмѣстѣ съ христіанствомъ болѣе высокихъ нравственныхъ понятій.

рабство (*un esclavage mitigé*), ни полу-освобожденіе (*un demi-affranchissement*).

„Итакъ“, заканчиваетъ Фюстель де Куланжъ введеніе, — „оставимъ эти предвзятія теоріи. Историкъ долженъ основываться только на внимательно разобранныхъ текстахъ, и если онъ можетъ дойти до познанія общей истины, то добьется этого только путемъ тщательнаго изученія подробностей. Мы будемъ искать при помощи анализа памятниковъ, идетъ ли колонатъ изъ одного источника или происходитъ изъ различныхъ началъ; былъ ли онъ созданъ сразу или образовался медленно; явился ли онъ дѣломъ законодателя или естественнымъ слѣдствіемъ извѣстнаго рода обычаевъ, сочетанія интересовъ. Чтобы рѣшить всѣ эти вопросы, мы будемъ изучать колонатъ изъ вѣка въ вѣкъ и излагать изслѣдованіе источниковъ въ хронологическомъ порядкѣ“¹⁾).

Изъ приведенныхъ словъ, характеризующихъ общія воззрѣнія нашего автора на колонатъ, можно видѣть, какую широкую программу изслѣдованія онъ себѣ ставитъ. Онъ хочетъ разсмотрѣть, какъ складывался колонатъ изъ самаго сочетанія общественныхъ элементовъ въ теченіе вѣковъ, и только потомъ, установивъ время возникновенія и ходъ развитія этого историческаго явленія, пытается опредѣлить, какъ отнеслось къ нему законодательство, какимъ способомъ и въ какихъ рамкахъ оно его легализировало, и какія изъ этого факта получили послѣдствія. Такимъ образомъ въ цѣломъ этюдъ Ф. де Куланжа долженъ представить дѣйствительно полную исторію колоната. Происхожденіе и первоначальное развитіе его онъ рассматриваетъ въ пяти первыхъ главахъ; въ пяти послѣднихъ разбираетъ юридическое положеніе колоновъ въ послѣдній періодъ, то-есть, характеризуетъ законодательство о колонатѣ, и намѣчаетъ его дальнѣйшія судьбы.

Въ первой части Фюстель де Куланжъ изслѣдуетъ всѣ источники, въ которыхъ можно найти слѣды постепеннаго развитія колоната отъ первыхъ вѣковъ имперіи приблизительно до IV в. Эта часть особенно интересна и имѣетъ преимущественно научную цѣнность. — Нѣмецкій ученый, Юнгъ, въ недавнемъ времени занимавшійся колонатомъ, говоритъ, что при объясненіи происхожденія этого института нельзя примкнуть ни къ одной изъ выставленныхъ до сихъ поръ теорій, потому что всѣ онѣ односторонни, а надо относиться къ нимъ

¹⁾ Rech., p. 7.

эклeктически, то-есть, брать изъ всѣхъ, что можетъ быть признано истиннымъ ¹⁾. Фюстель де Куланжъ болѣе или менѣе такъ и сдѣлалъ. Онъ воспользовался всѣмъ, что говорили его предшественники о происхожденіи колоната и все, что могло устоять противъ тщательной критики, принялъ. Но относясь эклeктически къ теоріямъ другихъ ученыхъ, онъ не остался только эклeктикомъ, а создалъ изъ всѣхъ прежнихъ, имъ провѣренныхъ, взглядовъ и своихъ собственныхъ изысканій—свою теорію происхожденія колоната, новую, какъ цѣлое. Эта теорія въ томъ видѣ, въ какомъ разработалъ ее Фюстель де Куланжъ въ первыхъ главахъ своего этюда, намъ кажется, должна будетъ сдѣлаться общепризнанною.—Во второй части, изслѣдуя легальное положеніе колонатовъ въ эпоху, когда колонатъ окончательно выработался, онъ также высказываетъ много вѣрныхъ замѣчаній, хорошо освѣщаетъ важные, раньше не замѣченные, пункты и приходитъ къ нѣкоторымъ полезнымъ выводамъ. Но тутъ ему не удалось достигнуть общаго результата, который явился бы на глазахъ у всѣхъ безспорною истиною, могущею порѣшить вопросъ. Онъ хотѣлъ рассмотреть, какъ самъ говоритъ во введеніи, вліяніе сначала жизни, вообще, а потомъ спеціально вліяніе императорской власти на выработку института. Но, прекрасно исполнивъ первую задачу, въ отвѣтъ на вторую оказался слабѣе и остался отчасти такимъ же пристрастнымъ защитникомъ имперіи и ея законовъ, какимъ обнаружился въ предшествующемъ трудѣ. Онъ не хочетъ различать въ исторіи колоната двухъ періодовъ—подготовительнаго, въ теченіе котораго его творила самая совокупность условій жизни, и законодательнаго, когда надъ упорядоченіемъ его стала работать новая сила—власть и ея орудія—законодательство и администрація. Этимъ самымъ онъ хотъ и называетъ односторонними воззрѣнія всѣхъ предшественниковъ, прямо примыкаетъ къ мнѣнію ученыхъ первой изъ намѣченныхъ трехъ категорій, которые сводили на нѣтъ значеніе дѣятельности императоровъ въ окончательной выработкѣ колоната. Законодатель не проводилъ новыхъ идей, не реформировалъ жизнь, а только шелъ за нею. Ясно, значитъ, что, по его мнѣнію, императорскому законодательству не можетъ быть приписано никакой дѣятельной роли въ исторіи колоната—законы только санкціонировали давно выработанныя и всюду существовавшія отношенія. Этотъ взглядъ, впрочемъ, прямо вытекающій изъ основныхъ его „оптимистическихъ“ воззрѣній на имперію,

¹⁾ *Sybel's Hist. Zeitschr.* Bd. XLII (1872).

заставляетъ его очень односторонне освѣщать важную сторону дѣла. Когда онъ толкуетъ законы послѣднихъ вѣковъ имперіи, въ немъ какъ бы исчезаетъ тонкая проницательность замѣчательнаго изслѣдователя, которая обнаруживается чуть ли не на каждой страницѣ первыхъ главъ. Это преобладаніе доктрины, не вытекающей изъ изслѣдованія, а направившей его, эта не реальная, а догматическая, формальная точка зрѣнія, проникающая многія страницы послѣднихъ главъ, и обусловила тотъ фактъ, что конецъ этюда значительно уступаетъ его началу, и только тамъ, гдѣ онъ невольно забываетъ предвзятую и ложную теорію и отдается природному историческому чутью, высказываетъ онъ вѣрныя и плодотворныя мысли.

Мы подробно изложили введеніе, чтобы сразу указать общую точку зрѣнія нашего автора на колонатъ. Теперь будемъ излагать содержаніе дальнѣйшихъ главъ, останавливаясь только на наиболѣе важномъ и новомъ.

III.

Какъ мы упоминали, Фюстель де Куланжъ разбираетъ источники о колонатѣ въ хронологическомъ порядкѣ и старается отыскать въ нихъ слѣды того любопытнаго процесса, которымъ образовался колонатъ. Мы будемъ слѣдовать его плану, и при изложеніи первой части намъ придется очень близко держаться нашего автора и только мѣстами дѣлать нѣкоторыя замѣчанія и дополненія, а также указанія на другія изслѣдованія.

Прежде всего онъ останавливается на промежуткѣ времени отъ появленія сельско-хозяйственныхъ сочиненій Варрона и Колумеллы до времени выхода юридическихъ трактатовъ Гая и Ульпіана, иными словами—анализируетъ источники первыхъ двухъ вѣковъ имперіи. Слово *colonus* встрѣчается въ памятникахъ этого времени и употребляется въ значеніи простаго земледѣльца-съемщика (*un fermier par bail temporaire*), человѣка во всѣхъ отношеніяхъ свободнаго. Раньше оно даже имѣло еще болѣе широкое значеніе земледѣльца вообще (то же, что *agricola* или *cultor*) и могло одинаково прилагаться и къ помѣщику, и къ арендатору. Но со временъ имперіи первые перестали себя такъ называть, и это наименованіе сохранилось за одними послѣдними. Наконецъ въ четвертаго вѣка такъ называются уже крестьяне, прикрѣпленные къ чужой землѣ, за

пользованіе которою они платятъ извѣстный оброкъ землевладѣльцу ¹⁾. Такъ измѣнялось съ теченіемъ вѣковъ слово *colonus*. Это двѣ пограничныя вѣхи развитія явленія, связаннаго съ терминомъ колоната. Между ними его исторія. Ее-то и хочеть возстановить Фюстель де Куланжъ, то-есть, сопоставить эти два крайніе пункта и доискаться, есть ли между ними связь и какая? Одно ли это явленіе на двухъ разныхъ ступеняхъ, или два различныя, и если одно, то какъ оно постепенно развивалось, и какъ свободный мелкій арендаторъ первыхъ вѣковъ обратился въ закабаленнаго земледѣльца-колона Теодосіева и Юстиніанова кодексовъ ²⁾?

Фермерство, то-есть, обработка чужой земли мелкими участками за плату (*merces*) безземельными арендаторами, какъ одинъ изъ легальныхъ видовъ контракта *locatio-conductio*, постоянно встрѣчается въ римскихъ источникахъ различныхъ эпохъ. Договоры, заключающіе подобнаго рода сдѣлки, всегда срочные, даже кратко-срочные ³⁾. Съемщикъ прикрѣпленъ къ землѣ только до окончанія срока контракта ⁴⁾. Впрочемъ, можно было возобновлять аренду. Если по истеченіи срока фермеръ оставался на снятомъ участкѣ съ согласія землевладѣльца—договоръ этимъ считался продолженнымъ (*per reconduction tacite*) ⁵⁾. Указанія на такого рода договоры мы находимъ въ памятникахъ довольно ранняго времени—о нихъ говорится еще въ послѣдніе годы республики ⁶⁾. Потомъ Варронъ, Колумелла, Горацій и Плиній очень часто упоминаютъ о нихъ. Нако-

¹⁾ Rech., p. 9 (n-e 1), p. 22. Ср. П. Г. Виноградовъ. Происх. феод. отн. стр. 21, 51—53.

²⁾ На эту связь между арендаторами первыхъ вѣковъ имперіи и колонами послѣднихъ впервые указалъ *Révillout* (*Revue historique de droit*, 1856). Въ этомъ главное значеніе его статьи.

³⁾ Обыкновенно *пятимѣтное*. См. *Recherches*, p. 10, n-e 3.

⁴⁾ Gaj. (D. XIX, 2, 25): „Quin liceat colono vel inquilino relinquere conductionem, nulla dubitatio est“. Также Paul. (D. XIX, 2, 24) и D. XLIX, 14, 3, § 6. Даже законодатель III вѣка совсѣмъ ясно говоритъ, что землевладѣлецъ не имѣетъ никакого права удерживать противъ воли ни фермера, ни тѣмъ болѣе его наслѣдниковъ. (C. J. IV, 65, 1: „Invitos conductores seu heredes eorum post tempora locationis non est retinendos sacpe rescriptum est“. 244. г.).

⁵⁾ D. XIX, 2, 13—14: „Qui ad certum tempus conduxit functo quoque tempore colonus est; intelligitur igitur dominus cum patitur colonum in fundo esse, ex integro locare, et hujusmodi contractus neque verba, neque scripturam desiderant sed *nudo consensu* convalescunt“. Cf. C. 7. IV, 6b, 16.

⁶⁾ Rech., p. 11, note 3.

нецъ въ отрывкахъ сочиненій юристовъ, вошедшихъ въ Дигесты, мы постоянно читаемъ о фермерахъ по контракту, которые называются тамъ непремѣнно то *coloni*, то *conductores*. Во всѣхъ этихъ текстахъ передъ нами является земледѣлецъ, свобода котораго гарантирована закономъ. Онъ нисколько не привязанъ къ землѣ, такъ какъ нельзя же считать крѣпостью краткосрочнаго и добровольнаго контракта. Этотъ договоръ вовсе не подчиняетъ фермера помѣщику. Они договариваются на равныхъ правахъ (*sur pied d'égalité*)¹⁾. Свободнымъ онъ сѣлъ на землю, свободнымъ съ нея и сойдетъ. Этимъ самымъ онъ является прямою противоположностью колона IV вѣка²⁾.

Таковъ легальный порядокъ. Но нельзя ли замѣтить въ этомъ правовомъ положеніи, обезпечивавшемъ независимость фермеровъ, какого-нибудь слабаго мѣста, черезъ которое могли проникнуть зачатки послѣдующихъ колонатныхъ отношеній? Разрѣшеніе этого вопроса можетъ показать нить, связывающую старое фермерство съ позднѣйшимъ колонатомъ. Фюстель де Куланжъ дѣйствительно находитъ тотъ пробѣлъ въ правѣ, которымъ воспользовались сильные, чтобы подчинить слабыхъ, ясно отличаетъ то пустое мѣсто, къ которому примостились новые порядки земельныхъ отношеній, приведшіе къ колонату. Всѣ фермеры, о которыхъ говорится въ официальныхъ текстахъ перваго періода имперіи и даже болѣе раннихъ, платятъ аренду, цѣна которой должна быть заранѣе условлена и вносится деньгами. Только такой способъ найма земли допускался римскимъ правомъ временъ великихъ юрисконсультовъ. Это несомнѣнно³⁾. Но можно ли вывести изъ этого, что не существовало уже тогда въ жизни другаго вида аренды, на примѣръ, половничества (*culture à part de fruits*), то-есть, съемки земли за возвратъ хозяину опредѣленной части урожая? Конечно, нельзя. Очевидно, что арендныя отношенія другихъ видовъ, и между ними половничество, существовали и были обычны. Но существуя на дѣлѣ, какъ фактъ обычнаго права, они не признавались, а потому и не регулировались гражданскимъ закономъ. „Это очень важный пунктъ“, замѣчаетъ Фюстель де Куланжъ,—„онъ можетъ освѣтить многіе изъ фактовъ, которые мы встрѣтимъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи“.—

¹⁾ Юрисконсультъ говоритъ: „*Colonus nostro juri subjectus non est*“. (Gaj. Inst. IV, 153).

²⁾ Rech., p. 11—12.

³⁾ На стр. 12 и 13 Ф. де Куланжъ ясно подтверждаетъ свою мысль очень выразительными текстами.

„Фермеръ по контракту первыхъ временъ имперіи назывался колономъ. Колономъ же называетъ юридическій языкъ IV вѣка крестьянина, крѣпкаго землѣ. Почему это? Не тѣ ли же это самые люди? Не случилось ли такъ, что колонъ, бывшій первоначально арендаторомъ по контракту, обратился въ половника, лишеннаго покровительства закона, а потомъ въ колона? Исторія человѣческихъ обществъ полна такихъ переворотовъ, темныхъ и незамѣтныхъ“¹⁾. Не наблюдаемъ ли мы и тутъ одного изъ нихъ?

Такъ ставитъ Фюстель де Куланжъ основную задачу при разрѣшеніи вопроса о связи между поземельно-экономическими отношеніями первыхъ лѣтъ имперіи и позднѣйшимъ колонатомъ. Онъ отвѣчаетъ на вопросъ положительно и говоритъ, что колоны-фермеры Дигестъ тождественны, какъ общественный элементъ, съ колонами-крѣпостными Кодексовъ. Стало быть, свободные фермеры первыхъ двухъ вѣковъ—одинъ изъ важныхъ соціальныхъ источниковъ колоната²⁾. На эту категорію людей, какъ соціальный матеріалъ, изъ котораго составился классъ колоновъ, указывали и прежніе изслѣдователи, наприимѣръ, изъ новѣйшихъ Гейстербергъ³⁾ и соглашаясь съ нимъ П. Г. Виноградовъ⁴⁾; но ни одинъ изъ нихъ не развилъ такъ ясно и отчетливо самага хода процесса и не изобразилъ его въ такой поразительно реальной картинѣ, какъ это удалось сдѣлать Фюстель де Куланжу. Послѣдуемъ за его разсужденіями.

„Уже во время Плинія Младшаго“, пишетъ П. Г. Виноградовъ,— „были цѣлыя мѣстности, въ которыхъ земля обрабатывалась исключительно колонами“⁵⁾. Это не совсѣмъ вѣрно—это были еще фермеры; но они пользовались землею уже не всегда по контрактамъ, а

¹⁾ Rech., p. 14.

²⁾ Ibid. p. 18.

³⁾ Die Entstehung des Colonats, pp. 101—118. Ср. Wallon. Hist. de l'esclav. t. III, и Hegel. Gesch. des Städteverf. v. Ital. Bd. I.

⁴⁾ Происх. феод. отн., стр. 40, 53 и сл. Статья П. Г. Виноградова, вообще очень выдающаяся, тѣмъ, между прочимъ, и отличается, что онъ указываетъ въ ней, хоть мимоходомъ, всѣ главные источники, откуда черпался матеріалъ для пополненія этого класса (см. стр. 39—41). Отмѣчаемъ это къ чести уважаемаго русскаго ученаго. Остается пожалѣть, что его изслѣдованіе о колонатѣ занимаетъ только второстепенное мѣсто въ книгѣ, посвященной другому предмету. Еслибъ оно было разработано, то изъ него вышелъ бы, вѣроятно, замѣчательный трудъ. Намъ не разъ придется ссылаться на эту статью.

⁵⁾ Стр. 54. Онъ тутъ не ссылается ни на одно письмо Плинія, такъ что точно нельзя судить, изъ какихъ словъ его онъ заключаетъ о существованіи колоната уже въ его время.

большую частью какъ половники. Фюстель де Куланжъ прекрасно доказалъ это путемъ весьма остроумнаго анализа нѣсколькихъ отрывковъ изъ писемъ Плинія и сличенія съ ними другихъ источниковъ. „Мы читаемъ“, говоритъ онъ ¹⁾, — „въ одномъ письмѣ Плинія Младшаго ²⁾ слѣдующія строки: „Меня удерживаетъ здѣсь необходимость привести въ порядокъ мои земли, отданныя въ аренду. Я долженъ измѣнить свои распоряженія. Мнѣ приходилось дѣлать большія послабленія фермерамъ по теперь окончившимся контрактамъ. Не смотря на это, они все-таки не могли расплатиться, и недоимки ихъ достигли высокой цифры“ ³⁾. Изъ этихъ строкъ видно, что арендаторы Плинія—фермеры еще по срочнымъ контрактамъ, но что они разорены и отягощены непосильными обязательствами. Этотъ послѣдній фактъ подтверждается и другими источниками ⁴⁾. Недоимки арендаторовъ Плинія на столько велики, что они, „отчаявшись въ возможности погасить долгъ, не заботятся даже о томъ, чтобы понемногу его уменьшать“ ⁵⁾. Значитъ, они обратились въ несостоятельныхъ должниковъ, и этотъ фактъ губительно отражается на состояніи самого помѣстья— „они расхищаютъ и портятъ все, что производитъ земля, потому что не видятъ себѣ выгоды въ томъ, чтобы что-нибудь сберегать“ ⁶⁾. Плиній ищетъ способа, какъ дѣло поправить. Онъ не сгоняетъ ихъ съ участковъ, можетъ быть, потому, что не находитъ новыхъ съемщиковъ, можетъ быть, потому, что не надѣется на большую исправность другихъ. Въмѣсто того, чтобы перемѣнить арендаторовъ, онъ предпочитаетъ, какъ видно изъ другаго письма, перемѣнить способъ аренды (*le mode de tenure*); „я не буду больше отдавать землю за деньги, а изъ части продукта“ ⁷⁾. Вотъ какія данныя, важныя для нашего вопроса, извлекаетъ Фюстель де Куланжъ изъ писемъ Плинія.

¹⁾ Rech., p. 15.

²⁾ Plin. Epist. IX, 37.

³⁾ „Cum me necessitas locandorum praediorum plures annos ordinatura detineat, in quo mihi nova consilia sumenda sunt; nam priore lustro, quanquam post magnas remissiones reliqua creverunt“.

⁴⁾ Самъ Плиній говоритъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ (X, 8). О томъ же печальномъ положеніи съемщиковъ упоминаютъ Дигесты. См., напримѣръ, Ulp. D. XIX, и titul. De instructo legato XXXIII, 7.

⁵⁾ Plin. IX, 37: „Inde plerisque nulla jam cura minuendi aeris, quod desperant posse persolvi“.

⁶⁾ Ibid. „Rapiunt consumuntque quod natum est ut qui jam putent se non sibi parcere“.

⁷⁾ Plin. X, 8: „Medendi una ratio, si non nummo, sed partibus locem“.

Вслѣдъ затѣмъ онъ разбираетъ еще другое письмо его, также очень интересное для той же цѣли ¹⁾. Плиній разказываетъ, что хочетъ купить имѣніе, и уже присмотрѣлъ одно, которое ему понравилось. Одно только его беспокоитъ, что на землѣ этого помѣстья сидятъ совсѣмъ разорившіеся и не платящіе арендаторы. Ихъ неаккуратность на столько велика, что владѣлецъ имѣнія нѣсколько разъ уже продавалъ служащіе обезпеченіемъ (*vendidit pignora*) домашнюю утварь, скотъ и орудія фермеровъ. Но дѣло не улучшилось. Фермеры лишились послѣдней возможности работать, и недоимка, временно уменьшенная распродажею, теперь опять возросла. Имѣніе, конечно, терпитъ отъ обнищанія съемщиковъ (*fatigatur ab imbecillis cultoribus*). Вотъ два краснорѣчивые отрывка, ярко рисующіе положеніе низшихъ земледѣльческихъ классовъ въ такъ-называемый счастливый періодъ имперіи. Можно было бы подумать, что изображаемая Плиніемъ печальная картина — фактъ исключительный. Но онъ самъ говоритъ, что это обычное явленіе, и сообщаетъ, что нищета арендаторовъ и затруднительное положеніе земледѣльца повсюду понизили цѣнность земли ²⁾. Другіе разнообразные источники подтверждаютъ это. Еще раньше Плинія Варронъ упоминаетъ о томъ, что земли часто обрабатываются людьми свободными, но задолжавшими ³⁾. То же повторяетъ Колумелла ⁴⁾. Такого рода поземельныя отношенія встрѣчались не только въ Италіи, но и въ другихъ частяхъ имперіи—Иллиріи, Азіи, Африкѣ, издавна также въ Галліи ⁵⁾. Итакъ, мы видимъ, что множество свободныхъ земледѣльцевъ, сѣвшихъ пахать чужую землю на правахъ фермеровъ, то-есть, по опредѣленному и легальному договору съ землевладельцемъ, вслѣдствіе постоянныхъ экономическихъ превратностей, запутались въ дѣлахъ и обратились въ неоплатныхъ должниковъ. Какъ же поступаетъ съ ними

¹⁾ Plin. Epist. III, 19.

²⁾ Ibid.

³⁾ Var. De re rust. I, 17: „Omnes agri coluntur hominibus servis aut liberis; liberi ii quos obaeratos nostri vocitarunt“.

⁴⁾ Colum. De re rust. I, 3: „More praepotentum qui possident fines gentium quos ne circumire equis quidem valent; sed proculcandos pecudibus et vastandos at populandos feris derelinquunt, aut occupatos *nexu civium* et *ergastulis* tenent“. *Ergastulis*, замѣчаетъ Ф. де Куланжъ (р. 19, № 1), относится къ рабамъ; но выраженіе *nexu civium* могло примѣняться только къ свободнымъ людямъ, запутаннымъ въ долгахъ. Также толкуетъ это мѣсто Юнгъ (*Hist. Zeitschr.* Bd. XLII, 50).

⁵⁾ Rech., pp. 12—20.

землевладѣлецъ? Онъ не прогоняетъ ихъ, а напротивъ удерживаетъ, и раззоренный земледѣлецъ волей-неволей захватывается землею, которая не могла прокормить его и спасти отъ долговъ.

Фюстель де Куланжъ выводитъ это изъ толкованія одного текста юрисконсульта Цервидія Сцевола ¹⁾. Его спрашивали, какъ надо понимать выраженіе одного духовнаго завѣщанія, въ которомъ отдавалась въ наслѣдство земля съ недоимками арендаторовъ (*praedia cum reliquis colonorum*)? Надо ли подразумѣвать подъ этими арендаторами тѣхъ, которые, найдя поручителей за свою недоимку (*interposita cautione*), сошли съ земли, или завѣщатель предполагаетъ только тѣхъ изъ задолжавшихъ арендаторовъ, которые не отыскали поручителей и до сихъ поръ сидятъ на землѣ помѣстья. Сцевола отвѣчаетъ, что завѣщатель могъ подразумѣвать только послѣднихъ. Такимъ образомъ, выводитъ Фюстель де Куланжъ,—недоимщики выпускались землевладѣльцемъ только „на поруки“ или „подъ залогъ“ (*qui ont trouvé caution*); тѣ же, которымъ не удавалось найти поручителей, закрѣпошались до уплаты ²⁾.

Это толкованіе приведеннаго текста можетъ показаться слишкомъ затѣйливымъ; но тѣмъ не менѣе, не искажая смысла отрывка, оно остроумно привлекаетъ его къ объясненію жизненнаго явленія и, намъ кажется, не противорѣчитъ общему ходу экономической жизни, обнаруживающемуся изъ источниковъ, разобранныхъ Фюстель де Куланжемъ. Такой выводъ подтверждается и письмомъ Плинія. Владѣлецъ имѣнія, которое онъ хочетъ купить, много разъ (*saepius*) продавалъ залого; значить сроки контрактовъ уже истекли. Но онъ не прогналъ фермеровъ; они остались, они съ каждымъ днемъ бѣднѣютъ, но не могутъ уйти, потому что только залогъ или поручитель можетъ освободить ихъ отъ подчиненія, которое наложила на нихъ земля.

„Вотъ одинъ изъ источниковъ колоната. Мы имѣемъ тутъ передъ глазами людей свободныхъ по праву, которые фактически не могутъ оставить снятой земли вслѣдствіе выросшей недоимки. Законъ еще не приковываетъ ихъ къ землѣ, но долгъ уже связываетъ ихъ съ нею. Земля ихъ держитъ еще не какъ колоновъ, а пока только

¹⁾ D. XXXIII, 7, 20, § 3: „Praedia ut instructa sunt cum reliquis colonorum legavit; quaesitum est an reliqua colonorum, qui finita conductione, interposita cautione, de colonia discesserant, ex verbis suprascriptis legato cedant. Respondit non videri de his reliquis esse cogitatum“.

²⁾ Rech., p. 17.

какъ должниковъ“¹⁾). Положеніе ихъ ухудшилось. Мы не можемъ думать, что землевладѣлецъ возобновлялъ контрактъ съ такими худыми плательщиками. Арендной платы ему съ нихъ не взыскать, и онъ невольно обращалъ ихъ въ половниковъ. По всей вѣроятности, таковъ былъ повсемѣстный ходъ дѣлъ. Эта перемѣна естественно стѣснительна для задолжавшаго съемщика: онъ долженъ будетъ принять всѣ условія, которыя на него наложитъ раздраженный и встревоженный кредиторъ. Законъ перестанетъ защищать его имущественныя права, такъ какъ половничество имъ не признается. Положимъ, что въ рабство нельзя будетъ его обратить, но кромѣ одного этого, хозяинъ будетъ дѣлать съ нимъ, что угодно²⁾). Возвращаясь тутъ къ тому мѣсту письма Плинія, въ которомъ тотъ говоритъ, что будетъ обращать для вѣрности платежей своихъ фермеровъ въ половниковъ, Фюстель де Куланжъ указываетъ на важную черту, извлекаемую изъ этого отрывка. „Поступивъ такимъ образомъ, говоритъ Плиній,—я посажу на помѣстьѣ своихъ людей (*aliquos ex meis*), которые заставляли бы половниковъ работать, а также вели бы счетъ продуктамъ и оберегали ихъ. Тутъ нужны будутъ вѣрные люди, зоркіе глаза, многочисленныя руки“³⁾).

„Что же выходитъ? Прежній фермеръ, обратившись въ половника, оказывается подъ надзоромъ рабовъ-вилликовъ⁴⁾). Ясное дѣло, что онъ хоть сохраняетъ свободу, но спустился на болѣе низкую ступень общественнаго положенія. Постоянно падая все ниже и ниже, этотъ прежде вольный фермеръ наконецъ увидѣлъ себя въ положеніи почти полной зависимости. Ему нѣтъ надежды спастись. Онъ останется въ этомъ положеніи всю свою жизнь и завѣщаетъ сыновьямъ печальное наслѣдство“⁵⁾).

„Теперь мы понимаемъ, почему слово — *colonus* — перемѣнило смыслъ. Оно обозначало первоначально свободнаго фермера, потомъ стало обозначать крестьянина, крѣпкаго землѣ. Это произошло потому, что тотъ же человекъ, который, садясь на землю, былъ свободнымъ

¹⁾ Rech., p. 18.

²⁾ Ibid., p. 20.

³⁾ Plin. IX, 37: „... non nummo sed partibus locem, ac deinde ex meis aliquos operis exactores, custodes fructibus ponam... At hoc magnam fidem, acres oculos, numerosos, manus poscit“.

⁴⁾ Такъ очень естественно понимаетъ Фюстель де Куланжъ выраженіе — „*aliquos ex meis*“.

⁵⁾ Rech., p. 21.

земледѣльцемъ, незамѣтно обратился въ крѣпостнаго. Измѣняя положеніе, онъ сохранилъ наименованіе. Классовое имя человѣка измѣнило значеніе, потому что самъ онъ раньше перемѣнилъ состояніе“¹⁾).

Такимъ образомъ срочная аренда — земельное отношеніе очень распространенное въ первые вѣка имперіи—вслѣдствіе тяжелыхъ экономическихъ бѣдствій, долгое время поражавшихъ фермеровъ, обратилось въ половничество, а потомъ въ колонатъ.—Мы изложили подробно не только общую мысль, но и аргументацію Фюстель де Куланжа, потому что онъ первый развилъ данный вопросъ съ достаточною полнотой, и потому что выводъ его представляется глубоко вѣрнымъ и очень хорошо и просто доказаннымъ. Несомнѣнно въ этомъ широко захватывавшемъ жизнь римскаго общества соціально-экономическомъ процессѣ должны мы искать объясненія возникновенію замѣчательнаго института, положившаго неизгладимую печать на общественный строй Европы въ долгій періодъ ея средневѣковой исторіи. Нужно только немного вдуматься въ замѣчательныя страницы послѣдней книги талантливаго французскаго изслѣдователя,—и историческій процессъ, который онъ мастерски описываетъ, такъ ясно предстанетъ передъ нашими глазами, что мы должны будемъ убѣдиться его доводами.

Конечно, нельзя представить себѣ, что свободное фермерство обратилось въ колонатъ въ какую-нибудь опредѣленную эпоху. Задолжавшіе фермеры встрѣчались и до имперіи. И то, и другое состояніе существовали долго одновременно. Переходы изъ одного положенія въ другое, были дѣломъ легкимъ и обычнымъ. Не нужно было общаго переворота, чтобы одно явленіе замѣнило другое. Переходъ совершался цѣлою массою маленькихъ частныхъ революцій, происходившихъ въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи въ продолженіе пяти вѣковъ. Не колонатъ сразу замѣнилъ фермерство, а ежедневно то здѣсь, то тамъ, отдѣльный фермеръ обращается въ колона. Первоначально свободное фермерство преобладало, но мало по малу число колоновъ подавило число первыхъ, и тогда колонатъ обнаружился на глазахъ у всѣхъ и былъ регулированъ законодательствомъ.

Итакъ процессъ постепеннаго закрѣпощенія низшаго свободного земледѣльческаго населенія имперіи превосходно подмѣченъ и описанъ Фюстель де Куланжемъ. Можно сдѣлать ему только одинъ—правда, довольно важный—упрекъ. Процессъ этотъ совершенно не объясненъ,

¹⁾ Rech., p. 22.

не поставленъ въ связь съ общимъ экономическимъ развитіемъ имперіи. Фюстель де Куланжъ даже прямо уклоняется отъ такого объясненія ¹⁾. Это напрасно, — „отысканіе соціальныхъ и экономическихъ причинъ разоренія мелкихъ фермеровъ“ прямо входило въ его задачу, и прочность вывода во много разъ еще увеличивалась бы, еслибъ онъ сумѣлъ выставить, какъ необходимое, то явленіе, которое онъ такъ хорошо показалъ, какъ дѣйствительное. Стремленіе объяснить происхожденіе колоната дѣйствіемъ какой-нибудь силы, глубоко затрогивавшей ходъ жизни государства и общества, всегда озабочивало наиболѣе основательныхъ изслѣдователей колоната. Сошлемся на Родбертуса, теорія котораго вытекаетъ изъ подмѣченнаго и объясненнаго имъ соціально-экономическаго теченія, совершившагося въ римскомъ мірѣ въ первые вѣка нашей эры.

IV.

Впрочемъ, Фюстель де Куланжъ отчасти пополнилъ этотъ пробѣлъ въ слѣдующей главѣ, представивъ правдивую картину возникновенія колонатныхъ отношеній на особаго рода крупныхъ помѣстьяхъ, очень распространенныхъ въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи. Оно до нѣкоторой степени содѣйствуетъ пониманію причинъ разбираемаго явленія. „Колонатъ“, говоритъ онъ, — „особенно развился на большихъ помѣстьяхъ. Поэтому развитіе его шло пропорціонально прогрессивному росту крупнаго землевладѣнія. Оно соотвѣтствовало также совершавшемуся въ первые вѣка имперіи расширенію колонизаціи и распространенію земледѣльческой культуры на многія раньше невоздѣланныя пространства“ ²⁾.

Фактъ распространенія во времена имперіи крупной земельной собственности очень часто и многими выставлялся на видъ. Знаменитыя слова Плинія Старшаго — „*Latifundia perdidere Italiam, jam vero et provincias*“ ³⁾ — сдѣлались почти аксіомою. Но хотя фактъ поглощенія крупною собственностью характеризовавшей древнюю Италію мелкой культуры и установленъ, самая сущность и тѣмъ болѣе подробности его далеко еще не освѣщены. Это заставляетъ и изслѣдователей, занимающихся колонатомъ, касаться этого вопроса. Въ любопытную подробность великаго процесса развитія крупнаго земле-

¹⁾ Rech., p. 17.

²⁾ Ibid., p. 25.

³⁾ Hist. natur. XVIII, 7.

владѣнія въ римской имперіи вводитъ насъ и Фюстель де Куланжъ въ главѣ, посвященной анализу источниковъ времени Антониновъ¹⁾. Такъ какъ она служитъ прямымъ дополненіемъ первой и въ ней идетъ рѣчь объ одномъ недавно открытомъ очень важномъ памятникѣ, о которомъ не говорилось еще въ нашей исторической литературѣ, то мы позволимъ себѣ и на ней остановиться съ нѣкоторою подробностью.

Нашъ авторъ говоритъ здѣсь о помѣстьяхъ, которыя называются въ памятникахъ даннаго времени словомъ „saltus“. Установимъ прежде всего, какъ понимать этотъ терминъ. — Старая латынь называла этимъ именемъ гористыя и лѣсистыя мѣстности, невоздѣланныя и даже трудно поддающіяся обработкѣ²⁾. Это—пустоши. Они въ болѣе раннія времена рѣдко составляли частную собственность, и ими обыкновенно пользовались, какъ общими выгонами (*terres de vaine pâture*). — Но во времена Траяна такъ называютъ уже комплексы земель, изъ которыхъ многія воздѣланы и принадлежатъ частнымъ лицамъ. Это то же, что *fundi*³⁾. Тутъ собственно измѣнилось не значеніе слова, а самый видъ земель. Раньше это были пространства дѣвственные и дикія. Теперь они расчищены и обработаны. Но по старой привычкѣ они все называются *Saltus*. „Римское завоеваніе внѣ италійскихъ странъ, истребившее земледѣльческое населеніе, обратило много пажитей въ *Saltus*. Но въ первые вѣка имперіи земледѣльческій классъ возродился, и множество пустошей снова обратилось въ цвѣтущія помѣстья“⁴⁾. Тутъ Фюстель де Куланжъ вооружается противъ мнѣнія Цумпта, который утверждалъ⁵⁾, что цѣлью учрежденія колоната было желаніе правительства поддержать падавшее земледѣліе. Онъ говоритъ, что это общераспространенное мнѣніе объ упадкѣ земледѣлія никѣмъ не доказано. Оно, можетъ быть, вѣрно относительно IV вѣка, но совсѣмъ ложно въ примѣненіи ко II. Въ это время земледѣліе процвѣтало. Впрочемъ, свое воззрѣніе Фюстель де Куланжъ высказываетъ также догматически, да и врядъ ли можетъ оно

¹⁾ Chap. II. Documents du temps des Antonins. Les Saltus. Les colons du Saltus Burunitanus.

²⁾ Varr. De lingua lat. V, 36: „Quos agros non colebant propter silvas aut id genus, ubi pecus posset pasci, et possidebant, *saltus* nominarunt“. — *Fest.* (ed O. Müller, p. 302): „Saltus est ubi silvae et pastiones sunt“.

³⁾ Источники такъ и называютъ ихъ иногда—*Saltus sive fundi* (C. J. L. t. III № 536, t. IV, № 5503. См. Rech. p. 25, 26.

⁴⁾ Ibid., p. 26.

⁵⁾ См. *Rheinisches Museum für Philologie*. 1845.

быть доказано ¹⁾. Но это вопросъ особый, котораго мы не имѣемъ времени касаться; да для насъ здѣсь ошибочное представленіе его не имѣетъ большаго значенія. Не смотря на упадокъ земледѣлія, могло случиться, что нѣкоторыя пустовавшія раньше пространства, потомъ были подняты плугомъ, но сохранили прежнее названіе *Saltus*. Въ особенности это могло произойти въ провинціяхъ, преимущественно хлѣбородныхъ. Одинъ изъ римскихъ *agrimensores*, Фронтинъ (умершій въ началѣ втораго вѣка по Р. Хр.), говоритъ о такихъ помѣстьяхъ. Они обыкновенно обширны, какъ территоріи городскихъ общинъ, принадлежать или казнѣ, или частнымъ лицамъ — богачамъ, встрѣчаются всего чаще въ провинціяхъ, преимущественно въ Африкѣ ²⁾. Посреди ихъ находится усадьба помѣщика (*villa*) съ многочисленными службами, кругомъ раскидываются широкимъ поясомъ поселенія земледѣльцевъ (*vici*) ³⁾. — Итакъ эти огромныя пустоши — теперь обращены въ крупныя барскія или удѣльныя владѣнія (*grandes cultures*), населенныя земледѣльческимъ людомъ ⁴⁾.

О постепенномъ образованіи латифундій особенно въ южныхъ провинціяхъ — Африкѣ, Бэтикѣ, Египтѣ и поглощеніи ими мелкой собственности интересныя данныя сообщаютъ Гейстербергъ ⁵⁾ и Юнгъ ⁶⁾. Ихъ слова не расходятся въ данномъ пунктѣ съ тѣмъ, что говоритъ Фюстель де Куланжъ. — Въ Африкѣ, описываетъ, на примѣръ, Юнгъ, латифундіи достигли огромныхъ размѣровъ (*kolossale Dimensionen*). Къ срединѣ перваго вѣка послѣ Р. Х. шесть помѣщиковъ, какъ разказываетъ Плиній, владѣли половиною провинціи. Въ концѣ третьяго вѣка Арнобій съ негодованіемъ говоритъ о томъ, съ какою жадностью богатые люди все раздвигаютъ границы своихъ владѣній

¹⁾ См. П. Г. Виноградовъ. Происх. феод. отн., стр. 64. Также *Heisterbergk. Die Entstehung des Colonats*.

²⁾ Frontin. De contriv. agror.: „Frequenter in provinciis, praecipue in Africa, saltus non minores habent privati quam reipublicae territoria, quin immo multis saltus longe majores sunt territoriis“ etc. (Gromatici veteres ed. *Lachmann*, p. 53). — Ibid. „... Ejusmodi lites non tantum cum privatis hominibus reipublicae habent, sed et plerumque cum Caesare, qui in provincia non exiguum possidet“.

³⁾ Ibid.: „Vicos circa villam in modum munitiorum“. См. *Rech.* p. 26, n-e 5.

⁴⁾ Что это было земледѣльческое населеніе, показываетъ одна надпись времени Марка Аврелія (*Henzen*, № 5313). Въ ней говорится, что *Saltus Massipianus*, занимаютъ не *pastores*, а *coloni* (= *agricolae*).

⁵⁾ *Die Entstehung des Colonats*, p. 82 et sqq.

⁶⁾ *Zur Würdigung der agr. Verhältniss. in der Röm. Kaiserzeit. Hist. Z. XLII*, 46. et sqq.).

(*patrimonia ingentia*) и обращаютъ цѣлыя провинціи въ помѣстья. Онъ ссылается также на сочиненія римскихъ землемѣровъ (*agrimensores*) и при этомъ отмѣчаетъ важную черту для характеристики *Saltus*, пропущенную Фюстель де Куланжемъ. Онъ говоритъ, что эти огромныя латифундіи (*Saltus*) неудобно было—именно вслѣдствіе ихъ величины—приписывать къ территоріи городской общины и подчинять ихъ куріямъ. Поэтому онѣ были выдѣлены въ спеціальныя единицы мѣстнаго управленія¹⁾. Населеніе ихъ оказалось подчиненнымъ не только экономически, но и административно помѣщику: африканскіе „ландлорды“ получили этимъ нѣчто въ родѣ правъ вотчинной полиціи и патримоніальной юрисдикціи²⁾. Это какъ бы начало феодализаціи государственныхъ функцій.

Такая организація просуществовала, по мнѣнію Юнга, до конца имперіи. Имѣнія — *Saltus* долго сохранили такимъ образомъ свою самостоятельность, и даже въ королевскихъ эдиктахъ времени вандалскаго владычества упоминаются рядомъ съ „*ordines civitatum*“ — „*procuratores possessionum*“, и „*conductores regalium praediorum*“, то-есть, власти „городскія“ и „территоріальныя“ — послѣднія „частныя“ и „государственныя“, такъ какъ императоръ былъ также крупнымъ помѣщикомъ въ Африкѣ, и его земли тамъ все увеличивались путемъ постоянныхъ конфискацій³⁾.

Это было бы очень любопытное явленіе, но фактическое его существованіе подвержено нѣкоторымъ сомнѣніямъ, такъ какъ законо-

¹⁾ *Hist. Zeitschr.* XLII, 53: „Da diese Besitzungen an Umfang manchem Städtischem Weichbild weit überlegen waren, so war es nicht thunlich, dieselben einem Municipium zuzuweisen, ohne diesem eine allzu centrifugales Element einzuverleiben. Einer der Fälle in denen das allgemeine Schema, wonach das ganze Reich nach Städtebezirken geordnet sein sollte, sich nicht durchführen liess, und das Landade seine Villa dem Weilen in der Stadt vorzog, was dann wieder zu manchen Streitigkeit Anlass gab: Stadt und Land gingen in ihren Interessen auseinander. Diese ländlichen Territorien oder *vici* wurden in der Folge von der Regierung ebenso als *elementare* Verwaltungseinheiten des Römischen Reiches anerkannt; wie sonst die Städte oder Gaue: ein kleines Staat im Staate“.

²⁾ *Ibid.*, p. 54: „Diese Herren regierten auf ihren Latifundien wie die Magistrate in der Städten; der Verrath der Kolonien an dem Besitzer wird einmal verglichen mit dem Verrath einer Stadt durch ihre Bürger“. Онъ ссылается на *Senatusconsultum de nundinis saltus Bequensis* (138 г. по Р. X.), напечатанный съ комментариемъ Вилманса въ *Ephemeris epigraphica* II, 274, и на одно мѣсто Либанія (περί τῶν προστασιῶν, ed. *Reiske* II, 514).

³⁾ *Ibid.*, p. 55.

дательные тексты, сколько намъ извѣстно, ничего не говорятъ о такого рода административныхъ единицахъ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, изъ сопоставленія этихъ данныхъ получается очень любопытная страница изъ исторіи крупнаго землевладѣнія въ римской имперіи, которая имѣетъ очень близкое отношеніе и къ исторіи колоната. Въ источникахъ, говорящихъ о *Saltus*'ахъ, упоминается о многочисленномъ населеніи, сидящемъ на нихъ. Да и дѣйствительно, чтобы привести въ состояніе удобное для культуры эти огромныя раньше пустовавшія пространства нужно было много рабочихъ рукъ. Откуда брались онѣ, спрашиваетъ Ф. де-Куланжъ?²⁾ Врядъ ли это были рабы. Источники, въ которыхъ мы находимъ свѣдѣнія о *Saltus*'ахъ, всегда отличаютъ населяющихъ ихъ земледѣльцевъ отъ рабовъ³⁾. Да и теоретически трудно предположить, чтобы это были рабы. Африка и Египетъ были, какъ извѣстно, „житницами“ сѣвернаго берега Средиземнаго моря. Почва этихъ странъ отличалась могучимъ плодородіемъ, но все же нужно было хорошо ее обрабатывать, чтобы она давала стократный урожай хлѣба, необходимаго для колоссальнаго вывоза и для снабженія густаго туземнаго населенія.

Вслѣдствіе этого и самый способъ сельскаго хозяйства въ тѣхъ странахъ долженъ былъ существенно отличаться отъ системы, практиковавшейся въ Италіи⁴⁾. Рядомъ съ господствомъ латифундій и не смотря на это, тамъ должна была идти рука объ руку самая тщательная интенсивная обработка земли. Рабочими могли быть или рабы, или свободные сѣмщики. Но рабы въ провинціяхъ были сравнительно рѣдки и дороги; къ тому же они лѣнны и небрежны и при эксплуатаціи земли рабскимъ трудомъ надо было держать большой персоналъ надсмотрщиковъ, если требовалась доброкачественная работа. Такъ что такая система при необходимости интенсивной культуры была непокойна и раззорительна. А необходимость интенсивной культуры, обусловленная большимъ спросомъ на хлѣбъ, еще увеличивалась тѣмъ, что внѣиталійскія земли были обложены податью въ проотивоположность землямъ италійскимъ, свободнымъ отъ

¹⁾ Приводимыя у Юна (стр. 55, пр. 2) ссылки на С. Th. VIII, 12, 8 и С. J. VIII, 53 (54), 30, сюда не подходятъ. Тамъ говорится только объ *областныхъ* (*rectores provinciarum*) и *муниципальныхъ* (*magistratus, defensores, curatores*), а не о такихъ *территориальныхъ* чиновникахъ.

²⁾ Rech., p. 27.

³⁾ Frontin. De contriv. agr. (Ed. Lachm., p. 53). См. Rech., p. 28.

⁴⁾ Jung (l. c., p. 49).

платежей, и землевладѣльцы должны были стараться сдѣлать ихъ наиболѣе производительными. Всѣ эти обстоятельства привели къ тому, что владѣльцы африканскихъ и вообще южныхъ латифундій должны были предпочесть систему мелкихъ свободныхъ фермерскихъ хозяйствъ ¹⁾.

Изъ всего этого вполне выясняется, что люди, расчистившіе *Saltus*'ы, и продолжавшіе жить на нихъ, были во всякомъ случаѣ свободны. Но какъ ближе опредѣлить ихъ общественное и экономическое положеніе? Вернемся опять къ Фюстель де Куланжу. Онъ считаетъ невѣроятнымъ, чтобы эти люди были фермерами, державшими землю по срочнымъ контрактамъ ²⁾. Поднимать новъ очень невыгодно при такихъ условіяхъ—трудъ требуется огромный, вознаграждается же онъ не скоро ³⁾. Наслѣдственная аренда (эмфитеоза) въ римскомъ правѣ еще не существовала ⁴⁾. Ф. де Куланжъ и стремится опредѣлить, каково же именно было социальное положеніе этихъ людей?—Источники часто называютъ ихъ колонами, въ особенности когда рѣчь идетъ о казенныхъ имѣніяхъ этого наименованія (*coloni rei privatae, coloni Caesaris*). Они были очень многочисленны. Тѣ же источники, которые отличаютъ ихъ отъ рабовъ, даютъ понятіе и о томъ, что они подлежали большой зависимости отъ помѣщиковъ или отъ прокураторовъ—управителей имѣній, принадлежавшихъ императорскому фиску. Онъ ссылается на надписи, авторовъ (*Scriptores historiae Augustae*) и отрывки изъ Дигестъ и заканчиваетъ анализъ этихъ любопытныхъ для разрѣшенія интересующаго его вопроса документовъ разборомъ одного изреченія юрисконсульта, Павла, которое наводитъ его на нѣсколько важныхъ мыслей. Вотъ этотъ отрывокъ: „Занесеніе въ списки канцеляріи фиска свободныхъ людей, рядомъ съ рабами и императорскими вольноотпущенниками, не должно нарушать ихъ свободы“ ⁵⁾. Изъ словъ

¹⁾ Это одинъ изъ главныхъ пунктовъ теоріи Гейстерберга, которая кратко, но прекрасно изложена у Юма (стр. 46—52).

²⁾ Rech., p. 27.

³⁾ «Une terre à defricher exige un énorme labeur et ne le rémunère que longtemps après».

⁴⁾ Объ эмфитеозѣ см. *Pepin-le-Halbeur. Hist. de l'emphyteose en droit romain et français. Lefort. Hist. des contrats de location perpetuelle, 1875. Lattes. Studi storica sopra il contratto di enfiteosi nelle sue relazione col colonato. 1868.* — Краткая характеристика у П. Г. Виноградова (67—73).

⁵⁾ Paul. Sent. V, 1, 3: „Descriptio ingenuorum ex officio fisci inter fiscalium familiam facta ingenuitati non praejudicat“.

знаменитаго юриста мы прежде всего видимъ, разсуждаетъ Ф. де Куланжъ, что канцелярія императорскаго фиска ведетъ списки, въ которые заносятся люди, „принадлежащіе“ къ казеннымъ имѣніямъ. Этотъ списокъ называется *descriptio* ¹⁾. Люди, которыхъ имена вносятся туда, по большей части рабы или вольноотпущенники фиска (*familia fiscalis*). Но юрисконсультъ говоритъ, что и вполнѣ свободные люди (*ingenii*) могутъ фигурировать въ этомъ списокѣ, и особенно выразительно прибавляетъ, что это не есть посягательство на ихъ свободу, какъ будто боится, что самое сосѣдство съ рабами запятнаетъ ихъ, втянетъ въ несвободу ²⁾. Да и дѣйствительно приходитъ на мысль, что если эти различные люди вносились въ одинъ списокъ, они должны были находится въ сходномъ положеніи.

Внимательный анализъ всѣхъ этихъ памятниковъ показываетъ Фюстель де Куланжу, покажетъ и всякому, кто послѣдуетъ за нимъ въ его искусномъ изслѣдованіи источниковъ, что на крупныхъ помѣстьяхъ частныхъ лицъ и на государственныхъ земляхъ во времена Антониновъ существовалъ особый классъ людей, которые безусловно отличались отъ рабовъ, но всетаки находились въ полусвободномъ состояніи.

Болѣе ясно положеніе ихъ не могло быть опредѣлено до послѣдняго времени, хотя можно было догадываться, что оно было близко къ колонату ³⁾. Но сдѣланная въ 1880 году въ Тунисѣ ⁴⁾ замѣчательная эпиграфическая находка проливаетъ на этотъ вопросъ весьма важный и сильный свѣтъ. Это очень большая надпись, открытая алжирскимъ французскимъ врачомъ, Дюмартэномъ, который сообщилъ свою находку археологу Тиссо (*Charles Tissot*), бывшему тогда французскимъ консуломъ въ Константинополѣ. Этотъ послѣдній переслалъ немедленно снимокъ съ нея въ Парижскую академію надписей, и она была прежде всего напечатана въ „*Revue Critique*“ (30-го января 1880 г.). Посылая снимокъ въ Парижъ, Тиссо присоединилъ къ нему объяснительное письмо, адресованное извѣстному эпиграфисту,

¹⁾ Это же слово встрѣтится въ одномъ законѣ IV вѣка, какъ обозначеніе инвентаря помѣстья со спискомъ лицъ, его обрабатывающихъ (С. J. IX, 49, 7). Встрѣтится оно и шесть вѣговъ позже, какъ названіе средневѣковаго инвентаря земель и крестьянъ.

²⁾ *Rech.*, p. 32.

) См. *Heisterbergk.*, p. 82.

⁴⁾ По дорогѣ изъ Карфагена въ *Bulla Regia*, недалеко отъ мѣстечка *Souk-el-Khmis*.

Дежардэну, которое и было имъ доложено въ засѣданіе Академіи Надписей 2-го апрѣля 1880 года ¹⁾).

Надпись начертана на твердой известняковой плитѣ довольно большихъ размѣровъ (70 сантиметровъ вышины, 90 ширины). Плита неполнѣ сохранилась. Она состояла изъ четырехъ столбцовъ; первый совсѣмъ исчезъ, второй и четвертый цѣлы отчасти, третій весь остался почти нетронутымъ. Всего около 80 строкъ можно читать. Въ томъ даже неполномъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, надпись даетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о нѣсколькихъ вопросахъ общественной и государственной жизни имперіи и въ частности о положеніи земледѣльческихъ классовъ въ II вѣкѣ нашей эры. Важность ея бросилась въ глаза ученому міру и заставила высказать о ней свое мнѣніе нѣсколькихъ спеціалистовъ, въ томъ числѣ и знаменитаго Моммсена. Такъ что она имѣетъ свою особую литературу ²⁾. Въ виду этой важности, мы, говоря о ней и придерживаясь Фюстель де Куланжа, сообщимъ нѣчто и изъ того, что высказали другіе ученые.

¹⁾ *Facsimile* надписи вмѣстѣ съ письмомъ Тиссо и замѣчаніями Дежардена издано въ *Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles lettres* (1880). Lettre de M. Charles Tissot à M. E. Desjardins sur la découverte d'un texte épigraphique. Table de Souk-el-Khmis. Въ томъ же году этотъ отчетъ изданъ отдѣльно (Extrait).

²⁾ Указываемъ на нее.—1) Текстъ надписи научнымъ образомъ провѣренъ, дополненъ и установленъ Моммсеномъ и напечатанъ имъ въ XV т. журнала *Hermes* со статьею „Decret des Commodus für den Saltus Burunitanus“, стр. 385—411 и Nachtrag 478—480), которая заключаетъ превосходную критику текста, глубокія филологическія, хронологическія и географическія замѣчанія и богатый историческій комментарий.—2) Текстъ Моммсена былъ перепечатанъ Эсмейномъ (Esmein) въ *Journal des Savants* (1880), также съ очень интересною статьею—„Les colons du Saltus Burunitanus“ (Novembre, p. 686—705).—3) Въ февральскомъ и мартовскомъ нумерахъ „*Revue archeologique*“ за 1881 г. мы находимъ двѣ статьи Cagnat et Fornique „La table de Souk-el-Khmis. Inscription romaine d'Afrique“. Онѣ важны тѣмъ, что, воспроизводя самый текстъ надписи съ переводомъ и критическимъ комментариемъ, сводятъ все, что говорилось предшествующими изслѣдователями о значеніи надписи и прибавляютъ нѣсколько цѣнныхъ собственныхъ замѣчаній.—Сюда же относится 4) статья Гейстерберка, направленная противъ толкованія Моммсена, въ *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft* (1881. 2 Heft); и 5) статья Mauwat.—Détermination du consulat qui date la table de Henchir-Dakhla“ (онъ такъ называетъ надпись Souk-el-Khmis).—Наконецъ о ней говорится въ сочиненіи археолога Cagnat.—„Explorations en Tunisie“ 1884 (p. 141).

Текстъ надписи вошелъ въ *Corpus Inscriptionum Latinarum* (t. VIII, № 10570), а самый подлинникъ находится въ Луврскомъ музеѣ.

Надпись состоитъ изъ двухъ частей неодинаковой величины. Первая, болѣе длинная, представляетъ пространную жалобу мелкихъ земледѣльцевъ—крестьянъ помѣстья *Saltus Bugunitanus* въ Африкѣ—къ императору Коммоду, на притѣсненія начальствующихъ лицъ. Вторая часть заключаетъ отвѣтъ императора, отправленный мѣстнымъ властямъ для передачи просителямъ монаршей воли. Отвѣтъ былъ дѣйствительно переданъ имъ, и они начертали его на камнѣ съ посвятельнымъ заключеніемъ, желая въ благодарность за милость поставить памятникъ и жертвенникъ (ага) въ честь императора, а главное—увѣковѣчить важный для ихъ благосостоянія указъ. Прошеніе и отвѣтъ относятся къ 181—183 гг.

Передадимъ сначала содержаніе надписи. Крестьяне (*coloni*) обширнаго воздѣланнаго помѣстья *Saltus Bugunitanus* въ Карфагенской Африкѣ, принадлежавшаго къ императорскимъ доменамъ, но эксплуатировавшагося крупными съемщиками (*conductores*), приносятъ жалобу императору на долготѣнія притѣсненія, которымъ они подвергаются отъ этихъ послѣднихъ „противъ права и даже къ невыгодѣ доходовъ императора“¹⁾. Число ихъ барщинъ неумѣренно возросло²⁾. Они обращались къ завѣдующему императорскими имуществами въ округѣ (*procurator tractus carthaginiensis*), какъ къ ихъ непосредственному защитнику; но онъ не обратилъ вниманія на ихъ просьбу и не разслѣдовалъ дѣла, отъ котораго они страдаютъ, не смотря на то, что прежній императорскій рескриптъ точно опредѣляетъ количество и характеръ ихъ обязательствъ³⁾. Онъ не только остался равнодушенъ къ интересамъ крестьянъ, но даже сталъ на сторону ихъ врага, съемщика Алія Максима, и другихъ *conductores*. Когда же колоны, видя, что не получаютъ отъ него справедливаго суда и изнемогая подъ бременемъ поборовъ, обратились къ императору съ прошеніемъ, можетъ быть, слишкомъ горькимъ и рѣзкимъ по отношенію къ самому прокуратору,—онъ не только не передалъ государю ихъ письма, но даже употребилъ насиліе: онъ прислалъ войско въ помѣстье, и многіе изъ крестьянъ были схвачены и под-

¹⁾ II столб., 1—4 строки: „Intellegis praevariationem, quam non modo cum Alio Maximo adversario nostro, sed cum omnibus fere conductoribus contra fas atque in perniciem rationum tuarum sine modo exercuit...“ Мы держимся чтенія Моммсена.

²⁾ Это описывается въ плохо сохранившемся концѣ втораго столбца.

³⁾ II, 5—8: „Ut non solum cognoscere per tot annos instantibus ac supplican- tibus vestramque divinam subscriptionem adlegantibus nobis supersederit“.

верглись жестокому обращенію; другіе заключены въ тюрьмы, третьи, наконецъ, хотя были между ними и римскіе граждане, наказаны розгами и палочными ударами ¹⁾. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, несчастные снова повергаютъ къ стопамъ императора мольбу о помощи ²⁾. „Мы просимъ“, пишутъ они,—„чтобы, согласно приведенному выше ³⁾ закону Адриана, ни прокураторъ, ни тѣмъ болѣе съемщикъ не имѣли права увеличивать самовольно оброки и барщины. Пусть исполняются правила, изложенныя въ постановленіяхъ прокураторовъ, хранящихся въ архивѣ Карфагенскаго удѣльнаго управленія. Пусть не налагаютъ на насъ болѣе шести барщинныхъ дней въ годъ—двухъ пахоты, двухъ—полотьбы и двухъ—уборки. Такой порядокъ установленъ постоянными правилами, вырѣзанными на бронзовой доскѣ и скрѣпленными подписью прокураторовъ“ ⁴⁾. „Мы маленькіе землевладѣльцы, живущіе трудами рукъ своихъ ⁵⁾, между тѣмъ, какъ съемщикъ человѣкъ богатый и можетъ купить благорасположенное начальство дорогими подарками, притомъ онъ близко знакомъ твоимъ прокураторамъ, потому что вотъ ужъ нѣсколько сроковъ подъ рядъ получаетъ аренду. Сжался же надъ нами и удовлетвори нашей просьбѣ священнымъ указомъ, чтобы мы, твои крестьяне, дѣти твоей земли, рожденные на ней и ею вскармливаемые, не подвергались утѣсненіямъ со стороны арендаторовъ казенныхъ помѣстій“ ⁶⁾. Вотъ содержаніе первой части надписи.

¹⁾ II, 9—20: „Verum etiam hoc ejusdem Alii Maximi conductoris artibus gratiosissimi ultimo indulserit, ut missis militibus in eundem Saltum Burunitanum alios nostrum adprehendi et vexari, alios vinciri, nonnullos cives etiam Romanos... virgis et fustibus effligi jusserit, scilicet solo merito nostro, quod venientes in tam gravi pro modulo mediocritatis nostrae tamque manifesta injuria imploratum majestatem tuam acerba epistula usi fuissetus“.

²⁾ III, 1—4: „Ita tota res compulit nos miserimos homines jussum divinae providentiae tuae invocare. Et ideo rogamus, sacratissime imperator, subvenias“.

³⁾ Можетъ быть, въ первомъ, не дошедшемъ до насъ столбцѣ.

⁴⁾ III, 9—17: „Et ut se habent litterae procuratorum... non amplius annuas, quam binas aratorias, binas sartorias, binas messorias operas debeamus idque sine ulla controversia sit...“.

⁵⁾ „Homines rustici et tenues“, „manum nostrarum operis victu tolerantes“. (III, 19, 20).

⁶⁾ III, 24—30: „Miserearis ac sacro rescripto non amplius praestare nos quam ex lege Hadriana et ex litteris procuratorum debemus... ut beneficio majestatis tuae rustici tui vernulae et alumni saltuum tuorum ne ulterius a conductoribus agrorum fiscalium inquietentur“.

Во второй части, болѣе короткой, приводится текстъ императорскаго рескрипта, удовлетворяющаго просьбѣ крестьянъ ¹⁾.

Изложенная надпись вводитъ насъ въ самую глубину внутренней жизни одного уголка имперіи въ концѣ втораго вѣка и даетъ намъ любопытныя данныя, которыя освѣщаютъ многіе вопросы, касающіеся исторіи общественныхъ классовъ и порядковъ администраціи. Согласно предмету статьи, мы обратимъ вниманіе только на то, что можно изъ нея извлечь о положеніи низшаго земледѣльческаго класса. У насъ передъ глазами огромное казенное имѣніе. Въ первой части памятника говорится о его земледѣльческомъ населеніи. Оно состоитъ изъ крестьянъ (*coloni*). Ихъ, должно быть, не мало. Они воздѣлываютъ, по видимому, давно розданные имъ мелкіе участки казенной земли, и, какъ принадлежащіе къ податнымъ классамъ, платятъ опредѣленные налоги государству ²⁾. Но кромѣ того, они обязаны натуральнымъ оброкомъ (*partes agrariae*) и барщинами (*oregae*) лицу, который названъ *conductor* и является крупнымъ съемщикомъ всего имѣнья. Онъ получилъ аренду съ торговъ на опредѣленный срокъ и держитъ ее по контракту за денежную плату, вносимую въ фискъ. Значительную часть земли онъ—по заведенному обычаю—оставляетъ подъ надѣлами колоновъ за оброкъ, остальную обрабатываетъ самъ для себя при помощи отчасти ихъ же барщиннаго труда. Такимъ образомъ на *Saltus Burunitanus* мы находимъ рядомъ и крупное хозяйство помѣщичьяго типа (*grande culture*), и мелкіе крестьянскіе надѣлы (*petite culture*).

Эта картина, прямо выхваченная изъ повседневнаго быта бѣдныхъ сельскихъ жителей одной изъ окраинъ обширнаго государства, ярко рисуется надписью ³⁾. Что же можно вывести изъ нея для опредѣленія, каково было въ тѣ времена положеніе низшаго земледѣльческаго класса, и въ частности для исторіи колоната? Вернемся опять

¹⁾ Прошеніе было доложено императору, и онъ предписалъ завѣдующему удѣльными имѣніями въ Кареагенѣ наблюдать за тѣмъ, чтобы крестьяне *Saltus Burunitanus* не обременялись незаконными поборами: „*Imp. Caes. Aurelius Commodus Antoninus, Augustus, sarmaticus germanicus maximus Lurio Lucullo et nomine aliorum. Procuratores contemplatione disciplinae et instituti mei ne plus quam ter binas operas curabunt, ne quid per injuriam contra perpetuam formam a vobis exigatur*“.

²⁾ Потому они и говорятъ, что чрезмѣрные поборы, разоряя ихъ, наносятъ ущербъ императорскому фиску, то-есть, дѣлаютъ ихъ несостоятельными.

³⁾ Подробности ея изображены въ статьяхъ *Моммсена*, *Эмейна* и *Канья*.

къ Фюстель де Куланжу и посмотримъ, какъ коментируетъ онъ замѣчательный эпиграфическій текстъ.

Первый пунктъ, достойный вниманія, тотъ, что земледѣльцы, живущіе и работающіе на *Saltus Burgunitanus*, называются колонами (III, 7). Раньше Фюстель де Куланжъ показалъ, что подъ этимъ именемъ юрисконсулты того же времени называли свободныхъ фермеровъ по срочнымъ контрактамъ. Говорится ли въ данной надписи о той же категоріи людей, или это уже настоящіе колонны или, можетъ быть, рабы? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно рассмотреть: 1) свободны ли они, 2) упоминается ли о ихъ контрактахъ, 3) или они являются крѣпкими землѣ? ¹⁾

На первый вопросъ надпись даетъ опредѣленный отвѣтъ: эти люди несомнѣнно свободны. Въ ней ни разу не встрѣчается примѣнительно къ нимъ словъ *servi* или *liberti*. Они называютъ себя очень скромно—*rustici tenues, mediocritas nostra*; но это не рабскія имена. Они говорятъ, что живутъ трудами рукъ своихъ, а рабы кормятся хозяиномъ. Рабы должны были бы имѣть во главѣ виллика, такого же раба, какъ и они; эти же живутъ, по видимому, общиною и имѣютъ старосту (*magister saltus*), совершенно свободаго, можетъ быть, выборнаго ²⁾. Рабы не могли бы ни обращаться къ прокуратору, ни жаловаться государю. Не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы рабамъ назначалась опредѣленная доля труда, и чтобы хозяинъ не имѣлъ права при нуждѣ въ хозяйствѣ заставлять ихъ больше работать. Вообще между хозяиномъ и рабами не могло существовать никакихъ договорныхъ отношеній. Наши же *coloni* ссылаются на опредѣленные правила и требуютъ ихъ исполненія. Наконецъ, что уничтожаетъ всякое сомнѣніе относительно того, что эти люди были свободны, это прямое свидѣтельство надписи, что нѣкоторые изъ нихъ были римскими гражданами (*populos cives Romanos*). Остальные могли быть гражданами латинскаго права или перегринами, но во всякомъ случаѣ всѣ они свободны ³⁾. Съ этимъ разсужденіемъ нельзя не согласиться.

Переходимъ ко второму вопросу. Заключали ли они контрактъ

¹⁾ *Recherches*, p. 36—42.

²⁾ См. въ концѣ 4-го столбца. Ср. *Cagnat et Fernique (Revue archéolog.* 1881, t. 41, p. 145).

³⁾ См. очень остроумное прим. 1-е на стр. 38. Моммсенъ (p. 393) и Канья и Ферникъ (p. 145) утверждаютъ, что тутъ могли быть и рабы.

съ владѣльцемъ (то-есть, казною)? Въ надписи говорится о контрактѣ (*lex conductionis*) только по отношенію къ арендатору всего имѣнія (*conductor*). Что же касается до крестьянъ, то сомнительно, чтобы они были фермерами по договору. Они жалуются на притѣсненія—тутъ имъ и слѣдовало бы, какъ на лучшій аргументъ въ ихъ пользу, указать на нарушеніе условій или сроковъ контракта. Но они этого не дѣлаютъ, а ссылаются только на какое-то общее постановленіе Адріана (*lex Hadriani* или *forma perpetua*), которое разъ навсегда регулировало права и обязанности колоновъ. То, что они называютъ закономъ Адріана, не есть, по мнѣнію Фюстель де Куланжа, общій законъ публичнаго права, а представляетъ частное распоряженіе императора, какъ помѣщика, въ зависимости отъ котораго находятся крестьяне. Но и рассматриваемое въ видѣ акта императора, какъ частнаго лица, оно не можетъ быть названо контрактомъ. Это не договоръ, а предписаніе, общія правила для руководства хозяйствомъ въ имѣніи. Помѣщикъ ихъ издалъ, крестьяне должны были принять и исполнять. Точно также въ надписи нигдѣ не говорится ни о срокахъ найма, ни объ опредѣленной, платимой ими, денежной арендной платѣ (*merces*), а это необходимое условіе контрактовъ по найму земли. Повинности, которыя они платятъ казнѣ или ея замѣстителю-съемщику, — всѣ натуральныя: *partes agrariae* (извѣстная доля продукта), *operae et jugorum praebitio* (барщины) ¹⁾. Итакъ, наши колоны не фермеры, а половники. Ихъ положеніе притомъ хуже тѣхъ половниковъ, о которыхъ говоритъ Плиній: тѣ отдавали только часть сбора, эти отдають еще часть труда.

Остается только рѣшить, прикрѣплены ли крестьяне бурунитанскаго казеннаго имѣнія къ землѣ или нѣтъ? Кажется, да. Сами колоны называютъ постановленіе Адріана—*forma* (=formula) *perpetua*. Это условіе не возобновляемое, но царящее надъ ними болѣе 50 лѣтъ. Они отъ него не отказываются, а напротивъ напоминають о немъ. Они называютъ себя „дѣтьми этой земли“ (*verpulae et alumni saltus*) ²⁾. Они родились тутъ, значить, здѣсь жили и ихъ родители. Можетъ быть, ихъ семьи поселились здѣсь еще до Адріана. Сами они, жалуясь на свои бѣдствія, называютъ ихъ долголѣтними (*per tot retro annos*). Ихъ положеніе ужасно: казенный съемщикъ

¹⁾ Rech., p. 40, n-es 1. 2.

²⁾ Ibid., n-e 3.

(фактическій землевладѣлецъ) все болѣе отягощаетъ ихъ поборами. Ихъ жалобы еле достигли императора, да и долго ли будетъ соблюдаться милостивый рескриптъ Коммода, когда некому его оберегать. И не смотря на такое раззореніе и такую тяжелую экономическую зависимость, крестьяне и не думаютъ уходить. „Должно быть“, говоритъ Фюстель де Куланжъ,—„ихъ удерживаетъ та особенная любовь, которая связываетъ земледѣльца съ землею, орошею его трудовымъ потомъ, или они боятся не найти другой земли для обработки и другихъ средствъ существованія“¹⁾. Мы скажемъ не такъ риторично: просто ихъ не пускаютъ, потому что за ними значутся долги; не пускаютъ, потому что ихъ работа нужна помѣщику. Да они и не рвутся, потому что не видятъ выхода. Они стараются только сдѣлать свое положеніе сколько-нибудь сноснымъ.

Итакъ, мы видимъ, что на огромномъ императорскомъ помѣстьѣ, *Saltus Burgunitanus*, сидятъ и работаютъ, вѣроятно, многочисленные свободные по праву люди въ качествѣ половниковъ. Они живутъ въ большой бѣдности, находятся въ сильной зависимости отъ землевладѣльца и фактически прикрѣплены къ землѣ. Такого же рода отношенія должны были повторяться во множествѣ случаевъ на цѣломъ рядѣ другихъ крупныхъ земельныхъ владѣній, находившихся въ аналогичномъ положеніи. Такимъ образомъ, тутъ намъ обнаруживается колонатъ, еще незамѣченный законодателемъ, но уже выработанный жизнью.

Откуда взялись эти люди, откуда брались они вообще, чтобы могъ составиться изъ нихъ цѣлый классъ полусвободныхъ людей и на другихъ помѣстьяхъ такого рода?—Отовсюду. Въ такое положеніе становилось большинство земледѣльческаго населенія, потерпѣвшаго отъ всякаго рода неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Можетъ быть, это были прежніе италійскіе мелкіе землевладѣльцы, согнанные съ своихъ участковъ выросшими бокъ о бокъ латифундіями и отправившіеся искать „новыхъ земель“. Они, можетъ быть, расчистили эти земли, какъ колонисты, и долго работали на нихъ, какъ хозяева, но потомъ подпали опять зависимости отъ сильныхъ. А можетъ быть, это прежніе мѣстные африканскіе крестьяне-собственники, сломленные конкуренціею развившихся и здѣсь латифундій и принужденные отдать въ фискъ за долги свои куски земли, но оставленные на нихъ въ видѣ оброчниковъ. Во всякомъ случаѣ не въ этомъ за-

¹⁾ *Rech.*, p. 41.

трудненіе, и одинъ изъ главныхъ тезисовъ сторонниковъ рабскаго происхожденія колоната— „не было такого свободного класса, откуда могъ бы колонатъ черпать свой соціальный матеріалъ“—можетъ считаться опровергнутымъ. „На вопросъ, откуда могла взяться масса свободныхъ людей для образованія многочисленнаго класса арендаторовъ“, говоритъ П. Г. Виноградовъ ¹⁾,— „можно отвѣтить другимъ вопросомъ: куда могла дѣваться масса мелкихъ собственниковъ, наполнявшихъ провинціи до завоеванія? Земельная собственность перешла отъ нихъ къ римскимъ капиталистамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, но сами они далеко не всегда вытѣснялись съ своихъ земель рабами. Еслибы всѣ они или большая часть ушли въ города, то населеніе послѣднихъ должно было вырости до невѣроятныхъ размѣровъ, и городская жизнь представляла бы то же зрѣлище, что въ самомъ Римѣ. Источники ничего подобнаго не показываютъ, а напротивъ, свидѣтельствуютъ о существованіи многочисленнаго свободного крестьянства даже въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ наиболѣе развились латифундіи, на примѣръ, въ Африкѣ. Свободные крестьяне сохранились на самыхъ латифундіяхъ, занимая все тѣ же участки, что и прежде, но на правахъ арендаторовъ“ ²⁾.

Самое изложеніе содержанія надписи и ознакомленіе съ выводами, которые изъ нея дѣлаетъ Фюстель де Куланжъ, показываетъ, что этотъ памятникъ имѣетъ первостепенную важность для исторіи колоната. Открытіе ея должно было возбудить большой интересъ, что и видно изъ приведеннаго списка статей, посвященныхъ разбору ея текста. Въ особенности были довольны открытіемъ французскіе ученые, не только потому, что сами были виновниками его, но и потому, что видѣли въ ней новое доказательство тѣхъ теорій происхожденія колоната, которыя были выставлены нѣкоторыми прежними французскими изслѣдователями, Валлономъ, Лаферрьеромъ, Жиро. По мнѣнію этихъ послѣднихъ, колонатъ—явленіе очень древнее, обусловленъ онъ былъ общимъ ходомъ экономической исторіи Рима (Италіи и провинцій) и представлялъ не улучшеніе, а ухудшеніе положенія (*imminutio libertatis*) тѣхъ лицъ, которыя въ него входили—это была зависимость послѣ свободы. Новая эпиграфическая

¹⁾ Стр. 53.

²⁾ Много данныхъ, касающихся этого вопроса, собрано у Валлона (*Histoire de l'esclavage dans l'antiquité*, t. III, p. 108—111) и Гейстерберга (*Die Entstehung des Colonats*, p. 101—118).

находка, какъ кажется, подтверждаетъ ихъ взглядъ и разрушаетъ гипотезы нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, напимѣръ, Савиньи, Родбертуса, Гейстербергга ¹⁾.

Но радость французскихъ ученыхъ не всѣми раздѣляется. Съ большимъ сомнѣніемъ къ возможности такого широкаго вывода изъ надписи относится и знаменитый ученый, имя котораго звучитъ непререкаемымъ авторитетомъ для cadaго, занимающагося исторіею Рима, именно Моммсенъ. Въ названной выше статьѣ знаменитый авторъ „Римской исторіи“ высказываетъ въ заключеніе свое мнѣніе о томъ, что даетъ декретъ Коммода о колонахъ бурунитанскаго помѣстья для рѣшенія вопроса о происхожденіи колоната ²⁾.

„Колонать“, говоритъ онъ, — „то-есть, мелкая крестьянская аренда (die bäuerliche Kleinpacht) также стара и молода, какъ Италия, и по существу является однородною и во времена Ромула, и во времена короля Гумберта. Это явленіе опредѣляется, съ одной стороны, экономическими условіями, въ которыхъ находится Италия, способомъ обработки полей, особенно винодѣліемъ и маслодѣліемъ, для которыхъ болѣе удобна мелкая культура (Kleinbetrieb),—съ другой стороны, тѣмъ фактомъ, что при мелкой обработкѣ трудъ свободныхъ рабочихъ удобнѣе, чѣмъ трудъ рабовъ. Никто изъ тѣхъ, кому доступны настоящіе источники познанія римской жизни—пандекты и надписи, не станетъ требовать доказательствъ для подтвержденія того, что эти естественныя условія имѣли значеніе во всѣ времена, а также въ эпоху римской имперіи“. Далѣе Моммсенъ приводитъ примѣры изъ надписей, которые подтверждаютъ, какъ и другіе источники, что значительная часть населенія Итали и римскаго міра въ первые вѣка имперіи состояла изъ временныхъ арендаторовъ-колоновъ.

Дальнѣйшія измѣненія въ области аграрныхъ отношеній могли дѣйствовать на распространеніе этого обычнаго вида земледѣльческаго хозяйства—колоната (въ смыслѣ фермерства—Kleinpachtssystem)

¹⁾ *Tusco* пишетъ: „Le texte que vient de nous livrer la province d'Afrique, offre un plus grand intérêt en ce sens qu' il se rattache à une des questions les plus discutées, je veux parler des origines du colonat et de la condition des colons. Nous ne connaissons le colonat que par les textes législatifs de la basse époque... La découverte d' un texte épigraphique de la fin du II siècle est par conséquent une véritable bonne fortune“ (*Comptes rendus*, 1880, Bulletin Janv. Fevr. Mars. p. 83—84).

²⁾ *Hermes*, XV, 408—411.

только относительно, то-есть, либо сокращать, либо расширять число арендаторовъ. Крайнее дробленіе собственности, съ одной стороны, а съ другой, господство собственности очень крупной съ преобладаніемъ рабскаго или пастбищнаго хозяйства ¹⁾—должны были уменьшать число крестьянскихъ фермерскихъ культуръ до минимума. На оборотъ средняя собственность и даже господство крупнаго землевладѣнія, но при преобладаніи мелкой культуры внутри большихъ помѣстій, должно было значительно увеличить число колоновъ. Дальше этого вліяніе такихъ измѣненій не простиралось.

Но тутъ Моммсенъ пока говоритъ о свободныхъ колонахъ-фермерахъ, какъ ясно видно изъ приводимыхъ имъ надписей, въ которыхъ точно обозначены сроки аренды. Какъ и когда появились колоны—крѣпостные? „Декретъ Коммода чрезвычайно интересенъ въ томъ отношеніи, что проливаетъ новый свѣтъ на экономическое положеніе страны въ ту эпоху и на состояніе государственныхъ имуществъ въ Африкѣ. Но историческая проблема, которая ставится изслѣдователями колоната, остается незатронутою этимъ памятникомъ: я подразумѣваю вопросъ объ обращеніи колоновъ въ крѣпостныхъ („ich meine die Frage, wie die Colonen zu Leibeigenen geworden sind“). Безъ сомнѣнія, фактическая зависимость отъ землевладѣльца издавна составляла одну изъ существенныхъ чертъ колоната. Вѣроятно, въ такихъ точно отношеніяхъ, въ какихъ въ наше время находится къ своему графу или марквизу италіанскій *contadino*, выжимающій его виноградъ и прядущій его шелкъ, въ отдаленномъ прошломъ стоялъ арендаторъ (*colonus*) къ своему помѣщику. Часто сюда присоединялись въ тѣ времена отношенія вольноотпущенника къ прежнему господину и зависимость еще болѣе увеличилась. Но не смотря на это, глубокая пропасть отдѣляетъ состояніе кліентовъ отъ юридическаго положенія позднѣйшаго колона, который при личной свободѣ и правоспособности прикрѣпленъ къ участку земли и передаетъ дѣтямъ свое положеніе“.—„Немного найдется задачъ, равныхъ по важности задачѣ опредѣлить истинный смыслъ колоната, такъ какъ разрушеніе старой римской общественной жизни совпадаетъ съ упадкомъ полной личной свободы гражданъ. Но немного найдется вопросовъ, равныхъ этому по трудности вслѣдствіе отсутствія общихъ свидѣтельствъ въ источникахъ и крайней сом-

¹⁾ *Hermes*, XV, 409: „... die Feldbestellung durch den *villicus* und die *familia rustica* so wie die Weidewirtschaft durch den *Saltuarius*...“.

нительности примѣненія индуктивныхъ выводовъ именно въ этой области“.

Такимъ образомъ Моммсенъ не беретъ отвѣтить на вопросъ, удастся ли прослѣдить весь процессъ роста этого новаго института, и отыскать, когда и гдѣ въ деревнѣ, въ рабочихъ и ремесленныхъ корпораціяхъ, среди низшихъ чиновниковъ, въ войскѣ, въ городскихъ куріяхъ, вообще во всѣхъ родахъ услугъ, оказываемыхъ государству людьми низшихъ сословій, добровольный или хотя ограниченный срокомъ трудъ былъ вытѣсненъ пожизненною и даже наследственною обязанностью. Онъ называетъ вопросъ о происхожденіи колоната вопросомъ до сихъ поръ неразрѣшимымъ; разрѣшеніе его не подвигается, по его мнѣнію, вновь открытымъ памятникомъ. Въ концѣ замѣтки Моммсенъ, впрочемъ, высказываетъ вскользь, что новый принципъ закрѣпощенія до такой степени противорѣчитъ духу живаго римскаго права, что можно съ увѣренностью утверждать, что первый толчокъ данъ ему извнѣ, и, быть можетъ, „сѣмена германскаго крѣпостничества (во время германскихъ дедитицій послѣ Маркоманской войны) упали на благодарную почву и распространились далеко за первоначальные предѣлы“. Итакъ, знаменитый ученый, отъ котораго мы скорѣе, чѣмъ отъ кого другаго, могли ожидать рѣшенія вопроса, — отклоняетъ вновь возобновленныя гипотезы, и хоть не высказывается опредѣленно, но склоняется отчасти къ старой теоріи Савиньи.

Впрочемъ, Моммсенъ не убѣдилъ французскихъ ученыхъ, и одинъ изъ нихъ, именно Эсмейнъ, возражаетъ ему въ особой статьѣ, посвященной надписи *Saltus Virunitanus*. Статья его ¹⁾, написанная приблизительно съ такой же точки зрѣнія, съ какой освѣщаетъ данный вопросъ Фюстель де Куланжъ, заключаетъ въ себѣ прекрасный очеркъ постепеннаго образованія колонатныхъ отношеній. Онъ очень хорошо описываетъ и объясняетъ, какъ исчезновеніе мелкой собственности, сосредоточеніе земли въ немногихъ рукахъ, а затѣмъ продолжающееся обѣдненіе свободныхъ фермеровъ, обезземеленныхъ бывшихъ крестьянъ-собственниковъ — привело къ колонату. Факты, собранные Эсмейномъ, прибавляютъ еще нѣсколько цѣнныхъ данныхъ для изученія этого важнаго историческаго явленія, которое мало по малу признается основною причиною возникновенія колоната. Это движеніе къ колонату, по мнѣнію Эсмейна, особенно сильно

¹⁾ *Journal des Savants* (1880, Novembre) p., 686—705.

и рано замѣчается именно на Saltus'ахъ, которые онъ называетъ настоящимъ мѣстороженіемъ его ¹⁾. Понятно поэтому, что онъ долженъ былъ обратить специальное вниманіе на надпись, введившую его въ бытъ колоновъ Saltus Virunitanus. Разборъ Эсмейна интересенъ и остроуменъ, но мы не будемъ останавливаться на его статьѣ, такъ какъ ею воспользовался Фюстель де Куланжъ. Сдѣлаемъ только замѣчаніе о его конечномъ выводѣ.

Вполнѣ признавая высокую цѣну статьи Моммсена, который, какъ онъ говоритъ, превосходно извлекаетъ изъ надписи все, что касается администраціи крупныхъ казенныхъ помѣстій и паденія мелкихъ землевладѣльцевъ ²⁾, Эсмейнъ вооружается противъ знаменитаго ученаго, когда тотъ доказываетъ, что колонны Saltus Virunitanus—еще настоящіе свободные фермеры, и отказывается придавать надписи рѣшающее значеніе въ вопросѣ о происхожденіи колоната. „Не смотря на авторитетность голоса Моммсена, мы попробуемъ показать, что этотъ текстъ бросаетъ яркій свѣтъ на задачу, не разсѣвая, конечно, всѣхъ трудностей“. — „Намъ простятъ нашу смѣлость, если мы напомнимъ, что пускаемся въ этотъ путь, ободряемые также высокими авторитетами, между которыми на первомъ мѣстѣ стоитъ Жиро, взглядъ котораго, высказанный въ 1846 году, находитъ нынѣ въ открытой надписи блестящее оправданіе ³⁾“.

Раньше всего, утверждаетъ Эсмейнъ, колонны обнаруживаются на императорскихъ доменахъ (coloni fundorum patrimonialium). Дигесты уже формулируютъ ихъ положеніе. „Надпись Saltus Virunitanus представляетъ блестящій комментарий этихъ текстовъ Дигестъ: она показываетъ примѣненіе права, которое ими опредѣляется“. — По мнѣнію Эсмейна, колонны, упоминающіеся въ этой надписи — несомнѣнно настоящіе уже колонны (des colons dans le sens propre du mot), то-есть, крестьяне по происхожденію свободные, но навсегда крѣпкіе землѣ. Онъ доказываетъ это положеніе оригинально и тонко ⁴⁾; но вѣрная въ сущности мысль („фактически мы видимъ на Saltus Virunitanus крѣпостныхъ крестьянъ“) уводитъ его далеко и заставляетъ его высказать гипотезу, очень мало вѣроятную. Коло-

¹⁾ p. 698—699.

²⁾ *Journal des Savants*, 1880, p. 697: „M. Mommsen vient de décrire à grands traits, mais avec une netteté singulière, cette transformation de la classe agricole“.

³⁾ Ibid., p. 691 et 696.

⁴⁾ Ibid., p. 699—702.

нать уже существуетъ во II вѣкѣ, какъ сложившееся учрежденіе, говоритъ онъ. Если онъ сложился, то долженъ былъ быть узаконенъ. А между тѣмъ закона, конституирующаго колонатъ, какъ извѣстно, нигдѣ не находится. Нельзя ли его отыскать? Эсмейнъ пытается это сдѣлать. Императоры Валентиніанъ, Θεодосій и Аркадій, говоря о колонатномъ правѣ, называютъ его закономъ предковъ (С. J. XI, 50). Стало быть, это учрежденіе древнее. Извѣстный французскій ученый, Жиро (Giraud) въ своемъ „Essai sur l'histoire du droit français au moyen âge“ давно уже высказалъ вскользь предположеніе, что этотъ законъ, легализировавшій колонатъ, находился въ не дошедшемъ до насъ знаменитомъ постоянномъ эдиктѣ, составленномъ юристомъ Сальвіемъ Юліаномъ и обнародованномъ при императорѣ, Адрианѣ ¹⁾. — Подтвержденіе этого мнѣнія Эсмейнъ видитъ въ только что разобранной надписи; — онъ выводитъ его изъ толкованія значенія термина—*lex Hadriani* или *forma perpetua*, которое въ ней встрѣчается. Но мысль эту пока можно назвать только догадкою, не доказанною Эсмейномъ и врядъ ли могущею подтвердиться ²⁾.

Мы привели два совершенно различные взгляда на значеніе надписи *Saltus Burunitanus* для рѣшенія вопроса о происхожденіи колоната. Какъ ни опасно не соглашаться съ „авторитетнымъ голосомъ“ Моммсена, но его мнѣніе представляется намъ слишкомъ осторожнымъ и умѣреннымъ, и мысль невольно склоняется къ точкѣ зрѣнія Эсмейна. Если отбросить его послѣднюю гипотезу о законодательной формулировкѣ колонатнаго права Юліаномъ, то рисуемая имъ картина происхожденія его изъ фермерства представится вполне реальною и вѣроятною. Та же самая картина съ еще большею яркостью, подробностью и заманчивою простотою изображена, какъ мы видѣли, Фюстелемъ де Куланжемъ, и мы позволимъ себѣ закончить изложеніе второй главы его этюда его же заключительными словами.

„Какъ попали колонны бурунитанскаго помѣстья или ихъ предки на эту землю? Надпись не говоритъ объ этомъ ничего, и мы можемъ высказывать только догадки. Они были свободные люди. Никакая зависимость не связывала ихъ ни съ помѣщикомъ, ни съ землею. Они искали земли для обработки и набрали на это помѣстье, гдѣ недоставало рабочихъ рукъ. Они предложили свои руки и были

¹⁾ См. стр. 166 названной книги Жиро (Paris. 1846).

²⁾ Съ нимъ не согласенъ и Фюстель де Куланжъ (см. прим. 1, стр. 39).

приняты. Но они не заключили контракта. Можетъ быть, они о немъ не подумали, а, можетъ быть, были слишкомъ бѣдны и не могли представить рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій, которыя каждый фермеръ представлялъ, какъ обезпеченіе хорошей обработки и своевременной уплаты аренды. А можетъ быть, самое состояніе помѣстья во время ихъ переселенія обусловило тотъ фактъ, что они начали работать на нихъ, не какъ настоящіе фермеры. Дѣйствительно *Saltus*, вѣроятно, представлялъ невоздѣланную пустошь. Это было огромное дикое пространство лѣсовъ и пастбищъ. Какъ же могли вновь прибывшіе обязаться платить опредѣленную сумму денегъ за землю, которая много лѣтъ еще не будетъ ничего производить? Да и могли ли они быть увѣрены, что даже когда-нибудь добьются плода отъ незнакомой почвы?—Но право было неумолимо: коль скоро они отказывались платить денежную аренду, никакой легальный контрактъ не могъ быть съ ними заключенъ. Могло состояться устное соглашеніе между ними и землевладѣльцемъ. Было условлено, что буде окажется урожай, они будутъ отдавать помѣщику (Цезарю) извѣстную часть сбора. Было условлено также, что они будутъ работать опредѣленное число дней на него. Они вошли на землю, какъ простые „держальцы“ (*tenanciers*), а не какъ фермеры. Но условія были легкія, земля оказалась недурною. Чѣмъ дольше они жили, тѣмъ больше привыкали къ мѣсту. Помѣщикъ ихъ не гналъ; а они сами не думали уходить. Они тутъ и умерли, сыновья ихъ продолжали жить тутъ же. Такимъ образомъ человекъ мало по малу приросъ къ землѣ, приросъ гораздо раньше, чѣмъ законъ прикрѣпилъ его къ ней. Онъ обратилъ себя въ добровольнаго колона прежде, чѣмъ сдѣлался колономъ по принужденію. Привычка и интересъ начали то, что законъ завершилъ“¹⁾. — Картина эта слишкомъ оптимистическая, но въ существѣ дѣла она изображаетъ одно изъ возможныхъ „прошлыхъ“ колоновъ *Saltus Burgunitanus*, только подбавляя слишкомъ „розовыхъ“ красокъ въ описаніе ихъ „темной“ жизни. Сначала имъ, можетъ быть, было легче поселиться на чужой землѣ, чѣмъ скитаться бездомовными людьми, но потомъ начались бѣдствія, страничку которыхъ самъ Фюстель де Куланжъ изобразилъ, только недостаточно ихъ оттѣняя.

Мы изложили очень подробно содержаніе первыхъ двухъ главъ этюда Фюстеля де Куланжа, потому что онѣ имѣютъ наибольшую

¹⁾ *Rech.*, p. 41.

важность при обсужденіи вопроса о происхожденіи колоната. Всѣ элементы, изъ которыхъ составилось его воззрѣніе,—чужіе. Но группировка матеріала, приемы изслѣдованія, освѣщеніе явленій, толкованіе и сопоставленіе текстовъ, тонкій анализъ, блестящій синтезъ, конкретность и реальность изображенія — это все его собственное, и все это такъ ново, оригинально и просто, и такъ правдиво, что теорія происхожденія колоната, капитально разработанная, дополненная и окончательно отстроенная Фюстелемъ де Куланжемъ, должна быть—представляется намъ—признана истинною, а изслѣдованіе его занять въ исторіографіи вопроса—въ этомъ именно смыслъ — важное мѣсто.

Такимъ образомъ мы должны сказать, что на изложенныя главы можно дѣлать только частныя замѣчанія, указывать второстепенныя неточности, относительно же существеннаго повторить вмѣстѣ съ нимъ: главнымъ матеріаломъ для пополненія класса колоновъ служили свободные фермеры. Главною причиною колоната — были продолжительныя бѣдствія, обратившія ихъ мало по малу изъ арендаторовъ по контракту сначала въ половниковъ, а потомъ въ настоящихъ колоновъ. Къ концу II вѣка крѣпостное состояніе во многихъ мѣстахъ имперіи было уже совершившимся фактомъ ¹⁾.

Ив. Гревсъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Удивительно, что книга Фюстеля де Куланжа мало обратила на себя вниманіе ученыхъ критиковъ даже во Франціи. Вскорѣ послѣ ея выхода, сколько намъ извѣстно, о ней не высказался ни одинъ спеціальнѣйшій журналъ въ обстоятельной критической статьѣ. Даже такой серьезный и разносторонній органъ новой французской исторической школы, какъ *Revue Historique* ограничился бѣглою замѣткою, въ которой трудъ Фюстеля де Куланжа названъ замѣчательнымъ, но ни достоинства, ни недостатки его не подверглись подробной оцѣнкѣ; см. рецензію Габріэля Моно (*Monod*) въ *Rev. Hist.* (1885. Sept Oct., p. 98—100). Только нынѣшнимъ лѣтомъ (то-есть, около года послѣ появленія книги) въ двухъ другихъ спеціальныхъ изданіяхъ появились болѣе пространные отзывы; но и эти послѣдніе не выходятъ за предѣлы подобныхъ рецензій. Одна изъ нихъ принадлежитъ извѣстному знатоку средневѣковаго, главнымъ образомъ французскаго, права, Виоле (*Paul Viollet*). Она помѣщена въ *Revue Critique* (см. № 32, 9 Août 1886). Къ послѣднему труду своего ученаго собрата онъ относится съ

ГРАММАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. *Романа Брандта*. Т. I. Изданіе второе. С.-Пб. 1886. Т. II, вып. 1. Варшава. 1886.

Какъ показываетъ самое заглавіе, сочиненіе г. Брандта не даетъ какого-нибудь цѣльнаго, законченнаго изслѣдованія и является просто собраніемъ отдѣльныхъ статей по различнымъ вопросамъ сравнительнаго славянскаго языкознанія, помѣщавшихся на страницахъ Русскаго Филологическаго Вѣстника и затѣмъ изданныхъ въ трехъ отдѣльныхъ выпускахъ въ 1882, 1883 и 1886 годахъ. Второе изданіе перваго тома есть не что иное, какъ перепечатка первыхъ двухъ выпусковъ 1882 и 1883 гг. При перепечаткѣ авторомъ сдѣланы были нѣкоторыя незначительныя измѣненія, заключающіяся большею частью въ опущеніи нѣкоторыхъ мѣстъ, отъ которыхъ авторъ въ настоящее время отказывается.

О содержаніи книги г. Брандта можетъ дать понятіе уже одинъ перечень статей, вошедшихъ въ появившіеся до сихъ поръ выпуски „Грамматическихъ замѣтокъ“: о личныхъ наставкахъ славянскаго глагола (втор. изд. стр. 5—22); о вставочныхъ Д и Т (стр. 23—27);

большимъ уваженіемъ. „Эта работа“, говоритъ онъ, — „написанная съ безпримѣрнымъ искусствомъ, есть плодъ самыхъ серьезныхъ и глубокихъ изслѣдованій. Тотъ, кто не можетъ принять нѣкоторыхъ изъ ея выводовъ, ясно видитъ, что такого рода труды, чтобы быть основательно разобраны или, если нужно, оспариваемы, требуютъ не статьи, а цѣлой новой книги. И мы сожалѣемъ, что принуждены оцѣнивать только кратко такой важный трудъ и выражать несогласіе съ нимъ въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, не имѣя возможности обосновать его съ тою полнотою и опредѣленностью, какія были бы желательны“. — Виолэ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній на послѣднія розысканія, о первомъ же отзывается почти исключительно съ похвалою: „Первая изъ теорій, выставленныхъ Фюстелемъ де Куланжемъ (происхожденіе колоната), кажется мнѣ наиболее солидною, и я не могу поставить никакихъ возраженій на выводы ученаго автора. Взятое въ цѣломъ изслѣдованіе о колонатѣ есть образецъ работъ по этому вопросу“. Онъ прибавляетъ, что только нѣкоторыя частныя мнѣнія автора вызываютъ критику, для которой и ссылается на разборъ *Фурнье (Paul Fournier)*, въ *Revue des questions historiques* (1 Juillet, 1886). Этотъ послѣдній, впрочемъ, только слегка указываетъ на главную ошибку Фюстель де Куланжа (непризнаніе имъ важнаго значенія императорскаго законодательства въ исторіи колоната) и оспариваетъ то, что у него самое сильное, то-есть, его мнѣніе о *происхожденіи колоната*. Онъ отмѣтилъ, правда, нѣсколько, можетъ быть, невѣрныхъ толкованій нѣкоторыхъ юридическихъ текстовъ, но поколебать систему ему, кажется намъ, не удалось, и что касается этого перваго розысканія, разборъ его имѣетъ мало значенія.

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

Новое изслѣдованіе о колонатѣ ¹⁾.

Fustel de Coulanges. RECHERCHES SUR QUELQUES PROBLÈMES d'HISTOIRE. — I. Le colonat Romain. Paris. 1885.

V.

Опровергая взгляды своихъ противниковъ, какъ неудовлетворительные для объясненія основной причины возникновенія колоната, Фюстель де Куланжъ даетъ все-таки нѣкоторымъ изъ нихъ соотвѣтствующее мѣсто въ своемъ изложеніи при объясненіи фактовъ и порядковъ, содѣйствовавшихъ распространенію колонатныхъ отношеній на большій кругъ людей различнаго національнаго и классоваго происхожденія. Изъ теорій, противорѣчащихъ основному взгляду Фюстель де Куланжа, наиболѣе замѣчательными и рѣзкими являются теорія Савиньи, который выводитъ колонатъ изъ варварскихъ поселеній на римской почвѣ, и теорія Родбертуса, который смотритъ на него, какъ на смягченное рабство. Въ слѣдующихъ главахъ своего этюда Фюстель де Куланжъ говоритъ о колонахъ-германцахъ ²⁾ и рабахъ-оброчникахъ ³⁾. Но онъ ставитъ эти два факта или явленія отдѣльно отъ общаго процесса обѣднѣнія и фактическаго закрѣпощенія свободнаго низшаго земледѣльческаго населенія имперіи: онъ пони-

¹⁾ *Окончаніе.* См. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за ноябрь текущаго года.

²⁾ Chap. III. Les colons amenés de la Germanie.

³⁾ Chap. IV. Les tenures serviles.

маеть ихъ значеніе въ исторіи колоната, но отказывается искать въ нихъ коренной источникъ этого института.

Пріятно было бы послѣдовать за Фюстель де Куланжемъ въ подробностяхъ анализа и этихъ двухъ вопросовъ, но такъ какъ намъ придется остановиться еще на многихъ пунктахъ, и такъ какъ, съ другой стороны, объ теоріи неоднократно уже разбирались, то мы упомянемъ только вкратцѣ и о нихъ, и объ отношеніи къ нимъ. Фюстель де Куланжа.

Источники III и IV вв. говорятъ о многочисленныхъ германцахъ, переселившихся или переселенныхъ въ имперію. О нихъ находимъ постоянныя упоминанія у авторовъ, какъ напримѣръ, у такъ называемыхъ *Scriptores Historiae Augustae* (Юлія Капитолина, Требеллія Полліона и Флавія Вописка), также у Зосима, панегириста Эвменія, Синезія, Амміана Марцеллина и др. Есть данныя объ этомъ и въ законодательныхъ текстахъ. Фюстель де Куланжъ еще въ „Исторіи государственныхъ учрежденій древней Франціи“ говоритъ о проникновеніи германскаго элемента на римскую территорію¹⁾. Стремясь доказать призрачность насильственнаго захвата имперіи варварами, онъ обратилъ особенное вниманіе на мирную и „подневольную“ колонизацію различныхъ частей имперіи германскимъ племенемъ. Основной мысли онъ, положимъ, не доказалъ, но въ частностяхъ высказалъ много вѣрнаго о характерѣ и значеніи самаго явленія германской колонизаціи. Въ разсматриваемомъ новомъ своемъ сочиненіи онъ съ еще большею опредѣленностью анализируетъ этотъ вопросъ, обращая спеціальное вниманіе, согласно цѣли изслѣдованія, на колонизацію земледѣльческую.

„Одною изъ главныхъ задачъ политики императоровъ отъ Клавдія II (268—270) до Юліана (360—363) и Валентиніана II (379—392)“, говоритъ онъ²⁾,— „было отыскивать внѣ предѣловъ имперіи рабочія руки и отдавать ихъ земледѣльческому труду“. Они прибѣгали для этого и къ мирнымъ, и къ военнымъ способамъ: приглашали переселенцевъ, приманивая ихъ на римскія земли какими-нибудь условіями, которыя могли казаться выгодными германцамъ, вообще нуждавшимся въ хорошей землѣ. Германцы были очень падки на это,—они охотно шли въ подданство императора³⁾. Такъ что въ продолженіе нѣсколь-

¹⁾ См., напримѣръ, главы 5 и 6 третьей книги.

²⁾ *Recherches*, p. 48.

³⁾ *Rech.*, p. 46. Ср. *Histoire des instit. polit. de l'ancienne France*, p. 377: «La plupart d'entre eux (то-есть, германцевъ, стремившихся на римскую почву),

кихъ вѣковъ совершался постоянный притокъ отдѣльныхъ людей и семействъ изъ Германіи, которые мирно, тихо и скромно поселялись въ имперіи въ качествѣ земледѣльцевъ (*à titre de cultivateurs*). За отдѣльными единицами слѣдовали цѣлыя племенные группы (*tribus*). Рядомъ съ тѣми, которые приходили, другихъ—военно-плѣнныхъ—приводили силою и массами сажали ихъ на землю.

Такимъ образомъ Германія дала большой контингентъ народа для пополненія убывавшаго земледѣльческаго населенія имперіи¹⁾, точно также, какъ съ другой стороны, она уже снабжала хорошими солдатами ея ослабѣвающія арміи. „Провинціи наводнены были варварами-пахарями“, „которые во множествѣ пришли воздѣлывать земли римлянъ“²⁾. Это общее положеніе, прямо извлеченное изъ писателей того времени, Фюстель де Куланжъ мастерски иллюстрируетъ краснорѣчивыми подробностями, которыя съ большимъ умѣніемъ сгруппированы такъ, что легко и просто обнаруживается изъ ихъ сопоставленія несомнѣнность факта сильной германской колонизаціи такого именно характера, какою выставляетъ ее нашъ авторъ.

Источники не только сообщаютъ голый фактъ, они даютъ возможность приблизительно опредѣлить, каково было социальное положеніе вновь прибывшихъ вольныхъ и невольныхъ переселенцевъ. Только немногіе изъ послѣднихъ (то-есть, военно-плѣнныхъ) обращались въ рабство; но и первые (добровольные) не получили, конечно, правъ гражданства. Своихъ земель у нихъ также быть не могло—они сами

étaient non des conquérants, mais des fuyards; ils cherchaient non la domination ou la gloire, mais un asile. Se réfugier dans l'empire romain et y vivre en paix, était toute leur ambition. Chez eux le sol était pauvre et l'existence troublée; dans l'empire ils savaient que la terre était fertile et que les fruits du travail étaient garantis par des institutions fixes. Ils se portèrent vers ces contrées comme vers un séjour admirable; l'empire leur apparaissait comme une terre privilégiée où l'on ne pouvait manquer d'être heureux».

¹⁾ Объ убываніи именно земледѣльческаго населенія имперіи въ это время см. интересныя страницы (380—382) въ «*Inst. polit. de l'anc. France*», которыя любопытно сопоставить съ общимъ воззрѣніемъ о вымираніи народа и упадкѣ земледѣлія во времена имперіи. Фюстель де Куланжъ не согласенъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ—онъ доказываетъ, что земледѣліе развивалось и населеніе вообще увеличивалось; но земледѣльческое населеніе въ своемъ ростѣ отставало отъ успѣховъ земледѣлія и его нужно было поддерживать извнѣ. Это вопросъ важный, и его хорошо бы подвергнуть новому пересмотру.

²⁾ *Treb. Poll. Claud.*, 9: «*Impletæ barbaris servis Scythisque (= Gothisque) cultoribus provinciae*».—*Vopisc. Prob.*, 15: «*...omnes jam barbari nobis arant, nobis serunt*».

водворялись или были водворяемы на чужихъ. Авторы постоянно называютъ ихъ колонами¹⁾. Какъ понимать это выраженіе въ данномъ случаѣ?—„Нашъ современный умъ“, говоритъ Фюстель де Куланжъ,—„привыкшій наблюдать кругомъ формы мелкаго землевладѣнія, можетъ представить себѣ и этихъ германцевъ собственниками. Но слѣдуетъ помнить, что IV-й вѣкъ былъ вѣкомъ господства очень крупной собственности, когда каждый помѣщикъ имѣлъ подъ собою сотни и тысячи простыхъ земледѣльцевъ, работавшихъ на его поляхъ“²⁾. Поэтому изъ источниковъ того времени словамъ *cultor*, *colonus* нельзя придавать значенія „землехозяинъ“ (*dominus*, *possessor*). Такъ назывались тогда безземельные и уже зависимые сѣмщики. Такими „колонами“ всегда дѣлались и германцы³⁾. Это постоянно подтверждается памятниками, иногда даже и законодательными текстами⁴⁾.

Вотъ этотъ-то фактъ существованія многочисленныхъ поселеній колоновъ-варваровъ на римской территоріи, засвидѣтельствованный источниками—и навелъ на мысль нѣкоторыхъ изслѣдователей колоната, пораженныхъ не римскою своеобразиемъ этого замѣчательнаго института, что германцы-то и принесли съ собою колонатъ. Такую гипотезу высказалъ сначала Цумптъ, потомъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній, къ ней присоединился Савиньи⁵⁾. Знаменитый романистъ исходилъ въ своей теоріи изъ строго юридическаго основанія: *Jus publicum privatorum pactis mutari non potest*—таковъ, говорилъ Савиньи, основной принципъ римскаго права. Оттого колонатъ могъ произойти только изъ законодательнаго акта, и ни въ какомъ случаѣ не могъ явиться результатомъ частныхъ соглашеній или установившагося обычая. Никакія фактическія условія не могли измѣнить сословнаго положенія не только цѣлаго класса, но даже одного человѣка, вопреки праву и помимо воли законодателя. Колонатъ могъ быть только юридическимъ институтомъ въ строгомъ смыслѣ, то-есть, установленіемъ государственной власти.—Но онъ противорѣ-

¹⁾ *Recherches*, p. 43—53.

²⁾ *Ibid.*, p. 51. Объ этомъ преобладаніи крупной собственности см. также прекрасную главу въ *Hist. des instit. polit. de l'anc. Fr.* (Livre II, chap. 16).

³⁾ *Rech.*, p. 52.

⁴⁾ *C. Th.* V, 4, 3.

⁵⁾ См. *Nachtrag* къ его статьѣ о колонатѣ (*Verm. Schrift.* II). За эту же теорію позднѣе рѣшительно высказался *Марквардтъ* (*Römische Staatsverwaltung* II, 233).

чиль всѣмъ римскимъ учрежденіямъ, самому духу римскаго права, значитъ, онъ былъ заимствованъ извнѣ. Германцы массама были переселяемы въ имперію; у нихъ существовало зависимое землепользованіе, подобное колонату. Императоры пересадили это учрежденіе на римскую почву — германцы были посажены на помѣстья римскихъ гражданъ, какъ колонны, и ихъ колонатное право введено въ законодательство. Слѣдовательно массы переселенцевъ-германцевъ послужили матеріаломъ для колоната, ихъ обычаи — основаніемъ колонатнаго права, а распоряженія императоровъ, регулировавшія ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ и государству, — формальною стороною института.

Не смотря на то, что Марквардтъ прямо заявляетъ, что теорія Савиньи есть единственная вѣрная и научная ¹⁾, она подлежитъ и принципиальной критикѣ, и нисколько не подтверждается источниками. Можно, во первыхъ, возражать противъ характеристики римскаго права, представленной Савиньи ²⁾. Для окончательнаго признанія и регулированія колонатныхъ отношеній необходима была, конечно, законодательная санкція, но и до нея могла существовать фактическая наследственная зависимость мелкихъ арендаторовъ отъ землевладѣльцевъ (то-есть, крѣпостничество). И дѣйствительно, законодательство о колонатѣ (IV и V вѣка) носитъ слѣды того, что оно развивалось на подготовленной почвѣ — оно отрывочно, многое предполагаетъ извѣстнымъ, часто ссылается на мѣстные обычаи и т. д. Такъ что Савиньи слишкомъ много придаетъ значенія юридическому, законодательному вліянію въ исторіи колоната, какъ совершенно напротивъ другіе (Лаферрьеръ, Рудорфъ, Шульцъ) и, какъ увидимъ, самъ Фюстель де Куланжъ слишкомъ пренебрегаютъ оцѣнкою этого вліянія или слишкомъ низко цѣнятъ его. Вовторыхъ, можно ему возразить, что не могли германцы-переселенцы кореннымъ образомъ перестроить на свой ладъ земельныхъ порядковъ новой родины: законодательные тексты, упоминающіе о колонахъ-варварахъ, не доказываютъ, что римское право было измѣнено вліяніемъ ихъ исконныхъ обычаевъ. То, что, напримѣръ, плѣнные сциры были поселены въ 409 году въ имперіи,

¹⁾ Römische Staatsverwaltung II, 233: „Ueber den Ursprung dieses Verhältniss, dessen rechtliche Constituirung der Kaiserzeit angehört, ist man nach mehrfachen Irrthümern zu folgender, jetzt anerkannter und als sicher zu betrachtender Ansicht»...

²⁾ Такъ сдѣлалъ Н. Г. Виноградовъ (стр. 61).

какъ колонны, какъ видно изъ знаменитаго эдикта Гонорія ¹⁾, показываетъ только, что колонатное право тогда уже существовало и представляло готовую и удобную общественную форму, въ которую можно было влить новый соціальный матеріалъ. Предположеніе о томъ, что римское правительство, чтобы устроить иноземныхъ колонистовъ, особенно военноплѣнныхъ, приняло у себя ихъ собственное (варварское) поземельное право, очень рисковано, и нѣсколько удивительно, какъ можетъ въ наши дни склоняться къ нему первѣйшій современный знатокъ римской древности, знаменитый Моммсенъ. Въ опроверженіе взгляда Савиньи, можно напомнить еще слова Куна ²⁾, который показалъ, что учрежденіе колоната было повсемѣстнымъ, между тѣмъ какъ варвары селились только въ нѣкоторыхъ провинціяхъ.

Такимъ образомъ эти германцы были колонатами, но не они принесли колонатъ. Только первое можно вывести изъ указа Гонорія о сцирахъ, который невѣрно былъ истолкованъ сторонниками германскаго происхожденія колоната. Разборомъ этого важнаго законодательнаго текста Ф. де Куланжъ заключаетъ третью главу своего этюда. Онъ также видитъ изъ него только то, что германцы-дедициіи помѣщались группами на римской территоріи *jure colonatus* ³⁾. „Такого же приѣма“, говоритъ онъ, — „котораго мы находимъ прекрасное описаніе въ этомъ случайно сохранившемся административномъ распоряженіи Гонорія, держались и предшествующіе императоры: Маркъ Аврелій, Клавдій, Пробъ, Діоклетіанъ, Констанцій Хлоръ, Юліанъ. Эта система постоянно примѣнялась въ продолженіе двухъ вѣковъ. Такъ вошло на римскую территорію неисчислимое множество германцевъ, которые не были ни землевладѣльцами, ни рабами, но земледѣльцами (*des cultivateurs*). Нечего было и думать ставить ихъ въ положеніе фермеровъ по контракту. Изъ нихъ сдѣлали колонатовъ, благо колонатное право уже выработывалось.... Этимъ самымъ“, поясняетъ онъ, — „правительство хотѣло оградить себя отъ ихъ бродяжническаго духа, а ихъ самихъ—отъ ужаса порабощенія. Колонатъ наилучше

¹⁾ С. Th. V, 4, 3. Текстъ этой конституціи былъ впервые открытъ и разобранъ въ 1823 г. *Пейрономъ* въ Туринскомъ палимпсестѣ Кодекса Феодосія. Онъ послужилъ главнымъ поводомъ теоріи Венка, Цумпта и потомъ Савиньи... См. *Виноградовъ*, стр. 61, пр. 3, F. de Coul. Rech. p. 53, n-e 1.

²⁾ Die städtische und bürgerliche Verfassung des Röm. Reichs. I, 260—262.

³⁾ „Scyras, barbaram nationem... imperio nostro subegimus. Ideoque damus omnibus copiam ex praedicta gente hominum agros proprios frequentandi, ita ut omnes sciant, susceptos non alio jure quam colonatus apud se futuros“.

обеспечивалъ общественное спокойствіе и ихъ собственный интересъ. Каждый изъ нихъ получилъ кусокъ земли, къ которому долженъ былъ прилагать свой трудъ, и законъ одинаково запрещалъ имъ покидать свои поля, какъ запрещалъ помѣщику прогонять ихъ“¹⁾.

Мысль эта, нѣсколько напыщенно выраженная, въ существѣ дѣла вѣрна. Германцы-переселенцы и военноплѣнные не могли создать новаго права, а, напротивъ, должны были подчиниться существовавшимъ нормамъ, войти въ обычные рамки сложившихся соціальныхъ отношеній. Они не создали колоната (то-есть, колонатъ не былъ учрежденъ для нихъ), а только очень увеличили число колоновъ. Такой выводъ, вполне правильный, извлекается изъ изложенія Ф. де Куланжа²⁾.

Далѣе Ф. де Куланжъ обращаетъ вниманіе на обычай, который утвердился приблизительно въ то же время, какъ колонатъ, и не могъ не обнаружить значительнаго вліянія на развитіе этого института. Этотъ обычай, принадлежавшій также къ области аграрныхъ отношеній, онъ называетъ рабскою арендою (*tenure servile*)³⁾.

„Изъ многихъ текстовъ обнаруживается, что землевладѣльцы различными способами эксплуатировали (*faisaient valoir*) свои помѣстья; одинъ изъ нихъ состоялъ въ томъ, что они сажали на отдѣльные участки своихъ земель, пожалуй, какъ фермеровъ⁴⁾, не стороннихъ людей, а своихъ же собственныхъ рабовъ“⁵⁾. Хотя юрисконсулты мало занимаются этимъ обычаемъ,—и очень естественно: онъ стоялъ внѣ закона,—но въ жизни онъ занималъ важное мѣсто. Что такое землепользованіе мелкими рабскими оброчными хозяйствами, въ предѣлахъ латифундій (частныхъ и государственныхъ) существовало и было распространено въ имперіи — это очень убѣдительно доказано еще Родбертусомъ въ его изслѣдованіи о колонатѣ. Послѣ него врядъ ли можно было въ этой именно области доработаться до чего-нибудь капитально новаго. Ничего оригинальнаго не сказалъ тутъ и Ф. де Куланжъ; онъ только очень искусно разобралъ относящіеся сюда источники.

Но извѣстно, что Родбертусъ, увлекшись заманчивостью открытой и изображенной имъ экономической картины, сталъ видѣть именно

⁴⁾ Rech., p. 53.

²⁾ См. также *Les inst. polit. de l'anc. Fr.*, p. 386.—Ср. *Виноградовъ*, 62.

³⁾ *Recherches. Le colonat Romain.*—Chap. 4.

⁴⁾ Ульпіанъ называетъ ихъ „*quasi coloni*“. (*D. XXXIII, 7, 12, § 3*).

⁵⁾ Rech., p. 54.

въ этомъ рабскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, возникшемъ на крупныхъ помѣстьяхъ, единственный источникъ всего колоната. Его теорія, хотя не оправдываемая фактами, въ цѣломъ отличается необыкновенною оригинальностью и остроуміемъ и обнаруживаетъ въ авторѣ замѣчательное умѣніе проникать въ сущность коренящихся въ глубинѣ жизни соціальныхъ процессовъ. Мы упомянемъ о ней въ немногихъ словахъ ¹⁾.

Родбертусъ смотритъ на колонатъ, какъ на улучшение быта земледѣльческихъ рабовъ (*servi rustici*), произведенное самымъ ходомъ развитія аграрныхъ отношеній и общимъ кризисомъ сельскаго хозяйства въ имперіи. Онъ вооружается противъ мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что колонны прежде были свободными людьми и только вслѣдствіе тяжелыхъ экономическихъ условій впади въ зависимое положеніе. „Я буду доказывать“, говоритъ онъ,—„что ходъ развитія былъ совершенно обратный, и что зависимые земледѣльцы различныхъ наименованій (колонны, адскриптиціи и инквилины) развились изъ обыкновенныхъ помѣщичьихъ сельскихъ рабовъ“ ²⁾. Развитіе римскаго землевладѣнія само по себѣ должно было привести къ тому, чтобы трудъ болѣе свободный былъ признанъ выгоднѣе рабскаго. Родбертусъ соглашается съ мнѣніемъ Плинія о томъ, что латифундіи привели Италію и провинціи на край гибели, но даетъ его словамъ своеобразное толкованіе. Терминъ „*latifundia*“, по его объясненію, можно понимать двояко—это, во первыхъ, крупныя земельныя имущества (*Eigenthumscomplexe*) и, во вторыхъ, крупныя, сельскохозяйственныя предпріятія (*grosse Wirthschaftscomplexe—grandes cultures*). Такъ вотъ не крупное землевладѣніе погубило Италію, а веденіе хозяйства въ большихъ размѣрахъ „на барскую ногу“. Но, продолжаетъ онъ, въ промежутокъ времени между старшимъ и младшимъ Плиніями положеніе измѣнилось. Крупное землевладѣніе осталось, даже возросло; но вмѣсто крупной системы обработки, которая производилась въ послѣдніе вѣка республики и первые годы имперіи руками работавшихъ вмѣстѣ большими партіями рабовъ,—господствуетъ уже мелкая культура: латифундіальныя „барскія экономіи“ раздробились на множество небольшихъ участковъ,

¹⁾ Теорія эта довольно извѣстна. Къ тому же съ нею очень легко можно познакомиться и у насъ, благодаря русскому переводу статьи Родбертуса о колонатѣ, изданному въ Ярославлѣ подъ редакціею проф. Тарасова.

²⁾ См. стр. 2 русск. перевода.

на которые посажены помѣщиками, въ видѣ арендаторовъ, тѣ же самые ихъ рабы.

Чѣмъ же объяснить такую перемѣну? Причинъ было много. Онѣ частью сельско-хозяйственныя, частью народно-хозяйственныя. Особенно важны послѣднія, которыя обуславливаютъ и первыя. Измѣненіе системы обработки объясняется измѣненіемъ рыночнаго спроса, который сталъ требовать со временъ имперіи другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, чѣмъ прежде. Распредѣленіемъ національнаго дохода всегда обуславливаются національныя потребности, обнаруживающіяся на рынкѣ. Этотъ спросъ опредѣляетъ, въ свою очередь, направленіе производства въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности; наконецъ, вызванное имъ сельскохозяйственное производство обуславливаетъ и самую величину земельныхъ участковъ, эксплуатируемыхъ, какъ отдѣльныя цѣлыя. Продукты „мелкой культуры“—садовыя и огородныя произведенія и живность—могутъ быть разводимы съ большею выгодною на малыхъ участкахъ; большія же хозяйства могутъ держаться только тамъ, гдѣ преобладаетъ спросъ на хлѣбъ и на крупный скоть. Это происходитъ потому, что въ первомъ случаѣ главную роль играетъ очень тщательный трудъ, требующій участія самого хозяина, тогда какъ во второмъ случаѣ производство допускаетъ болѣе механическую, а потому и обширную форму.

Въ какомъ же положеніи находилась Италія и вообще имперія въ первомъ вѣкѣ нашей эры? Чтобы рѣшить вопросъ, Родбертусъ пытается примѣнить къ ней извѣстный законъ Тюнена, выставленный этимъ экономистомъ для объясненія различныхъ формъ производства ¹⁾. Вотъ смыслъ этого закона. Если мы представимъ себѣ государство, съ большимъ и густо населеннымъ городскимъ центромъ, который имѣетъ сильное экономическое вліяніе въ странѣ, то-есть, притягиваетъ къ себѣ полевые продукты окружающей территоріи, и самъ отдаетъ ей свои фабрикаты, то различные виды сельскохозяйственной культуры должны будутъ расположиться около него системою расширяющихся концентрическихъ колецъ. Изъ ближайшихъ круговъ будутъ доставляться въ городъ не терпящіе долгой доставки: цвѣты, фрукты, овощи, также молочные препараты и домашняя птица. На слѣдующихъ кругахъ, не очень удаленныхъ отъ центра, вслѣдствіе не слишкомъ еще высокой дороговизны доставки, можетъ существовать

¹⁾ Законъ этотъ развитъ въ первомъ томѣ извѣстнаго сочиненія Тюнена: „Der isolirte Staat“.

интенсивное земледѣліе, то-есть, безвыгонное, плодoperемѣнное (само по себѣ дорогое) хозяйство. Еще далѣе расположится кругъ экстенсивнаго полеводства съ выгонами и паромъ; наконецъ на самыхъ далекихъ периферіяхъ возможно будетъ только крупное пастбищное хозяйство и скотоводство, потому что тамъ незначительность расходовъ, соединенныхъ съ этою системою, и дешевизна жизни могутъ покрыть дороговизну провоза производимыхъ продуктовъ (то-есть, скота).

По мнѣнію Родбертуса, законъ этотъ вполне примѣнимъ въ данномъ случаѣ. На такой именно ступени развитія стояли Римъ и Италія въ I в. по Р. Хр., когда сношенія находились въ состояніи сравнительнаго спокойствія, и всѣ какъ хорошія, такъ и дурныя побужденія свободной торговли могли обнаруживать свое дѣйствіе. Сильный притокъ населенія и большое накопленіе богатствъ, которыя изъ всѣхъ прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря стекались въ Римъ и Италію, должны были вызвать на рынкѣ спросъ на совсѣмъ иные продукты, чѣмъ тѣ, которые преимущественно требовались раньше, при менѣе значительномъ населеніи, меньшемъ богатствѣ и большей простотѣ нравовъ. Явилась потребность именно на произведенія мелкой культуры ¹⁾. Хлѣбъ же сталъ привозиться изъ отдаленныхъ провинцій. Землевладѣльцы должны были послѣдовать за новымъ теченіемъ, удовлетворять новому спросу: потребовалось ввести интенсивную культуру. Какъ же было устроить хозяйство? Крупное рабское хозяйство подъ руководствомъ виллика, при новыхъ обстоятельствахъ было неудобно, нужно было разбить латифундіи на небольшіе участки, вернуться къ мелкой культурѣ (*Kleinwirthschaftssystem*). Такъ какъ при этомъ крупная собственность сохранялась, то должна была возродиться система мелкой аренды (*Kleinpachtssystem*). Но класса свободныхъ арендаторовъ, которымъ можно было бы сдать землю, не было и богачамъ-помѣщикамъ оставалось одно: разбивъ латифундіи на крестьянскіе надѣлы, размѣстить на нихъ своихъ же собственныхъ рабовъ съ правомъ воздѣлывать землю и пользоваться урожаемъ за натуральный оброкъ. Такіе люди, продолжая первое время юридически оставаться невольниками, какъ и прежде, стали называться колонами. Такимъ обра-

¹⁾ Италія сдѣлалась, по его мнѣнію, „садомъ имперіи“. Онъ ссылается на Варрона, который восклицаетъ: „Non arboribus consita Italia est, ut tota pomarium videatur? I, 2.

зомъ, по Родбертусу, первоначальныя колонны—тѣ же рабы, но такіе, которыхъ хозяинъ, переходя къ мелкой культурѣ, сажалъ, какъ оброчныхъ, на своей землѣ.

Такъ было въ Италиі. Въ провинціяхъ, по его мнѣнію, система латифундіальнаго хозяйства сохранилась дольше. Земледѣльческія работы производились рабами, приписанными къ помѣстью (*adscriptici*). Но по немногу описанный процессъ сталъ распространяться и на провинціи. И, наконецъ, соціальному матеріалу, накопившемуся на этомъ пути, дана была правовая формулировка законодательствомъ IV вѣка.

Такова сущность взглядовъ Родбертуса на происхожденіе колоната ¹⁾. Теорія его, привлекательная и стройная, способствовала уясненію многихъ фактовъ и установленію многихъ вѣрныхъ частныхъ воззрѣній; но потомъ, какъ сказано, была опровергнута. Первый возсталъ противъ нея Гейстербергъ ²⁾. Признавая взглядъ Родбертуса о необходимости мелкаго хозяйства при интенсивной культурѣ, онъ доказываетъ, что въ Италиі въ это время не только не господствовало интенсивное земледѣліе; но, напротивъ, бѣольшая часть прежде прекрасно воздѣланныхъ пространствъ были заброшены владѣльцами латифундій. Этрурія, Самніумъ, Кампанія, Апулія пустовали подъ пастбищами. Сравнительно съ прежними временами, Италія была настоящею пустынею, на которой только изрѣдка возвышались, какъ маяки, роскошныя виллы владѣльцевъ, окруженныя парками и лугами. Магнаты, разбогатѣвшіе на счетъ старо-италійскаго крестьянства, не нуждались въ большомъ утилизованіи своихъ огромныхъ помѣстій. У нихъ были другіе доходы — главнымъ образомъ, съ управленія провинціями. Къ тому же собственность въ Италиі, какъ избавленная отъ подати, ничего не стоила. Можно было не утруждать себя заботами о хозяйствѣ. Такую картину рисуютъ источники. Садоводство же, о которомъ говоритъ Родбертусъ, встрѣчалось въ Италиі только случайно. Не могло тамъ процвѣтать интенсивное земледѣліе еще и потому, что оно нуждается въ многочисленныхъ и дѣятельныхъ рабочихъ рукахъ, между тѣмъ какъ Италія въ то время обезлюдѣла. Рабы вымирали также, какъ и свободные, и правительство всѣми силами, но почти безуспѣшно, поощряло размноженіе населенія.

¹⁾ Подробностей не касаемся. Изложенныя страницы (по русск. перев. 3—20) лучшія въ этюдѣ Родбертуса, если только понимать ихъ съ ограниченіемъ.

²⁾ Die Entstehung des Colonats.

Установивъ эти факты, Гейстербергъ утверждаетъ, что нельзя къ Италиі того времени примѣнить закона Тюнена. Не могъ точно также колонаты возникнуть тамъ изъ тѣхъ основаній, которыя представляетъ Родбертусъ. Взамѣнъ его теоріи, онъ предлагаетъ свою, которая главнымъ образомъ основана на слѣдующихъ пунктахъ. Колонаты возникъ не въ Италиі, а въ южныхъ хлѣбородныхъ провинціяхъ (Африкѣ, Египтѣ). Тамъ также развилась латифундіальная собственность. Но такъ какъ земля была обложена тамъ податью, то требовалось введеніе интенсивнаго хозяйства, какъ наиболѣе доходнаго. Населеніе тамъ было густое издавна. Раньше оно состояло главнымъ образомъ изъ мелкихъ свободныхъ крестьянъ-собственниковъ. Впослѣдствіи они были разорены развитіемъ латифундій и должны были продать свои участки магнатамъ. Но эти послѣдніе не согнали ихъ съ земли: имъ было выгодно оставить ихъ въ качествѣ арендаторовъ за оброкъ, платимый хлѣбомъ. Это и были первые колонны, потомъ прикрѣпленные къ землѣ и распространившіеся повсемѣстно. Въ этомъ состоитъ теорія Гейстербергъ, о которой мы уже упоминали выше, но на которой подробно останавливаться не можемъ. По его мнѣнію, стало-быть, колонаты возникъ въ провинціяхъ и пополнялся изъ свободныхъ людей. Нѣкоторые его взгляды недостаточно основательно доказаны, но теорію Родбертуса онъ опровергаетъ правильно, хотя слишкомъ безусловно отрицаетъ фактъ рабской аренды. Съ нимъ согласенъ и П. Г. Виноградовъ, также разбирающій взглядъ Родбертуса ¹⁾.

Послѣ возраженій, сдѣланныхъ сторонникамъ рабскаго происхожденія колоната, предшественниками Фюстель де Куланжа, ему самому оставалось только еще разъ показать, что гипотеза Родбертуса была имъ распространена на слишкомъ обширную сферу явленій. Онъ долженъ былъ только констатировать фактъ существованія рабскаго землепользованія въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи — въ провинціяхъ и отчасти въ Италиі, — и указать, какое отношеніе оно имѣло къ исторіи колоната. Но и эта, менѣе интересная глава его книги, отличается ясною постановкою вопроса и правильностью вывода.

„Рабская аренда“, — которую Гейстербергъ напрасно вполне игнорируетъ, но Фюстель де Куланжъ, какъ мы видѣли, признаетъ, — „рѣдкая въ первые годы имперіи, позднѣе обратилась въ постоянно повторяющійся фактъ. Она не смѣшивалась съ колонатомъ, но была

¹⁾ Происх. феод. отн., глава I, *passim*.

на него похожа—какъ колонатъ она связывала съ землею пахаря—раба“¹⁾).

Первоначально этотъ обычай развивался въ тиши. Онъ обнаружился, когда посаженные на участки рабы были внесены, съ указаніемъ на ихъ новое положеніе, имперскими податными чиновниками въ списки земельной подати, какъ „желѣзный инвентарь“ имѣній, важное условіе ихъ доходности. Этотъ фактъ улучшилъ положеніе рабовъ сравнительно съ прежними временами, онъ больше обезпечивалъ ихъ самостоятельность. На регистрѣ ценза они были записаны какъ отдѣльныя хозяйственныя единицы²⁾. Въ административномъ языкѣ такіе рабы назывались приписанными (*mancipia censibus ascripta*³⁾). Первоначально положеніе ихъ было неопредѣленно и неустойчиво. Но время шло и обычай укоренялся. Если рабъ-арендаторъ добросовѣстно исполнялъ обязательства, хозяинъ оставлялъ ему пользованіе надѣломъ на всю жизнь. Дѣти его, конечно, какъ дѣти раба, не имѣли никакого права на землю, которую онъ обрабатывалъ. Но хозяину не было надобности отнимать участка у аккуратныхъ арендаторовъ. Дѣти умершаго продолжали пахать тотъ же надѣлъ и платили тѣ же повинности. Такимъ образомъ семья раба народилась, размножилась и продолжаетъ въ новомъ поколѣніи жить и работать на томъ же клочкѣ земли. Никакого права на него она еще не имѣетъ, но мало-по-малу образуется привычка и оказывается, что фактически потомки раба владѣютъ наследственнымъ землепользованіемъ (*possèdent une jouissance perpétuelle*)⁴⁾.

Распространеніе этого обычая имѣло важныя послѣдствія. Оно приврѣпило раба къ землѣ, но ослабило его зависимость отъ господина. Рабъ-земледѣлецъ-оброчникъ занялъ въ послѣдствіи среднее положеніе между вольноотпущенникомъ и настоящимъ невольникомъ. Такъ постепенно образовался обширный классъ, который нѣкоторые ученые, между ними и Фюстель де Куланжъ, называютъ адск риптиціями. Онъ уже замѣтенъ въ III вѣкѣ⁵⁾. Соціальный матеріалъ для него данъ рабами, но онъ на дѣлѣ пользуется колонатнымъ

¹⁾ Rech., p. 54.

²⁾ Ibid., p. 61.

³⁾ С. Th. XI, 3, 2 (Законъ 327 г.).

⁴⁾ Recherches, p. 63, 67.

⁵⁾ См. Законъ Александра Севера отъ 224 г. (С. J. VIII, 51, 1).

правомъ, только съ нѣкоторыми ограниченіями, и этимъ фактомъ присоединяется къ массѣ полусвободнаго крѣпостнаго земледѣльческаго населенія имперіи.

Всѣ эти, кратко изложенныя нами, положенія подкрѣплены у Фюстель де Куланжа надежными и правильно истолкованными текстами, которые и доказываютъ ихъ достовѣрность. — Такимъ образомъ колонатъ не былъ институтомъ строго обособленнымъ отъ остальныхъ соціальныхъ явленій римскаго міра во времена имперіи. Его окружали другія отношенія, очень сходныя, которыя обнаруживали на него очень сильное вліяніе ¹⁾. Къ числу послѣднихъ принадлежало и „*tenure servile*“ Фюстель де Куланжа.

Изъ этого всего слѣдуетъ, что Родбертусъ былъ бы безспорно правъ, еслибы говорилъ, что классъ колоновъ пополнялся и изъ рабовъ, и пока онъ освѣщаетъ и доказываетъ существованіе этого важнаго факта, съ нимъ нельзя не согласиться. Но такъ какъ онъ утверждаетъ гораздо больше, что колонатъ вышелъ изъ рабства, то онъ также безспорно ошибается. Онъ называетъ адскриптиціями весь классъ прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ имперіи, при чемъ раздѣляетъ ихъ на двѣ категоріи: 1) настоящихъ колоновъ (позднѣйшихъ *coloni liberi*)—болѣе привилегированныхъ и 2) инквилиновъ — болѣе зависимыхъ и дольше остававшихся въ рабскомъ состояніи. Но и тѣхъ, и другихъ онъ выводитъ, хотя и различными путями, изъ рабства ²⁾. Если забыть это дѣленіе, подвести и его колоновъ, и инквилиновъ ³⁾ подъ ту классовую категорію, которую Фюстель де Куланжъ сейчасъ назвалъ адскриптиціями, то-есть, разумѣть подъ ними, рабовъ, посаженныхъ на участки и приписанныхъ къ регистрамъ ценза (*mancipia censibus adscripta*), и къ нимъ примѣнять то, что говоритъ Родбертусъ,—то представленіе получится правильное. Такая поправка или такое ограниченіе, внесенное въ теорію Родбертуса на основаніи ея критики Гейстербергкомъ и П. Г. Виноградовымъ и на основаніи взгляда Фюстель де Куланжа, сдѣлаетъ

¹⁾ Rech., p. 69.

²⁾ См. стр. 28, 29 русск. пер. Какъ сейчасъ ниже увидимъ, названіе адскриптиціи—дѣйствительно встрѣчается въ источникахъ примѣнительно ко всякаго рода колонамъ.

³⁾ Фюстель де Куланжъ понимаетъ терминъ *inquilinus* совсѣмъ иначе (см. прим. 1 на стр. 65); но не объясняетъ, почему несогласенъ съ Родбертусомъ и Гумбертомъ (въ изд. *Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités*), изъ моихъ послѣдняго именно и оспариваетъ.

вѣрнымъ, за исключеніемъ частныхъ, все, что онъ говоритъ, и дастъ его изслѣдованію большую цѣну.

Имѣя въ виду эту поправку и читая Родбертуса, мы будемъ понимать, что то, что онъ говоритъ, можетъ относиться только къ рабскому оброчному землепользованію, то-есть, явленію болѣе узкому, чѣмъ колонатъ, сначала отличавшемуся отъ него, но потомъ по немногу сошедшему съ нимъ въ одно русло. Теорія же рабскаго происхожденія колоната должна быть названа недостаточною. Два отмѣченные процесса шли на встрѣчу одинъ другому. Съ одной стороны, совершалось обращеніе многочисленныхъ свободныхъ арендаторовъ въ крестьянъ крѣпкихъ землѣ, то-есть, пониженіе ихъ свободы; съ другой—происходило раздробленіе латифундіальной культуры, которая велась полчищами закованныхъ и клейменныхъ рабовъ подъ руководствомъ виллика — на мелкія рабскія оброчныя хозяйства, то-есть, улучшеніе общественнаго положенія рабовъ вслѣдствіе замѣны власти господина надъ ними властью земли ¹⁾.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, появилось два вида колоновъ—настоящіе или свободные и, пожалуй, адскриптиціи — рабы, не получившіе еще свободы, но уже сидящіе на отдѣльныхъ надѣлахъ ²⁾. Изъ такого представленія дѣлается совсѣмъ понятнымъ, почему источники часто отличаютъ колоновъ отъ адскриптиціевъ, какъ доказалъ самъ Родбертусъ ³⁾ и какъ подтверждаетъ Фюстель де Куланжъ ⁴⁾. Понявъ дѣло такимъ образомъ, легко можно будетъ предположить, что число адскриптиціевъ сначала, вмѣстѣ съ большимъ распространеніемъ мелкой культуры, очень увеличивалось, а впослѣдствіи многіе изъ нихъ, когда отпуски на волю сдѣлались гораздо чаще, переходили въ разрядъ свободныхъ колоновъ, умножая эту категорію людей, пополняющуюся также все больше и больше и сверху.

Устанавливая это дѣленіе, нужно, впрочемъ, оговориться, что

¹⁾ Такимъ образомъ оброчники были только второстепеннымъ источникомъ, пополнявшимъ классъ колоновъ. Ср. П. Г. Виноградовъ, стр. 53, 54; Jung (*Hist. Zeitschr.* XLII, 50—51).

²⁾ Такое дѣленіе гораздо естественнѣе того, какое предлагаетъ Родбертусъ (стр. 20—29).

³⁾ Стр. 43—64.

⁴⁾ См. *Rech.*, р. 67, 68. Тутъ онъ ссылается на очень драгоценные тексты, по которымъ можно прослѣдить очень продолжительное сохраненіе этого различія—въ памятникахъ восточной половины имперіи до VIII в., въ памятникахъ западной даже до IX.

источники, хотя различаютъ два разряда колоновъ, не всегда послѣдовательно обозначаютъ ихъ постоянно одними различающимися терминами. Въ примѣненіи къ обоимъ (и свободнымъ, и несвободнымъ) памятники часто употребляютъ названія—*censiti, censibus, ascripti, ascripticii*, также *censibus, inserti, tributarii*¹⁾. Эта неопредѣленность терминологіи заставляеть Фюстель де Куланжа попытаться понять значеніе указанныхъ наименованій. Изслѣдованіе этого вопроса приводитъ его къ выводу, что эти наименованія, не всегда указывая на происхожденіе поименованныхъ разрядовъ людей, должны были главнымъ образомъ опредѣлять ихъ принадлежность къ классамъ, платящимъ поземельный налогъ и занесеннымъ (*censiti, ascripti*) въ податные списки, писцовыя книги (*libri censuales, polyptyca*). „Намъ кажется несомнѣннымъ“, утверждаетъ онъ²⁾,—„что эти термины обозначаютъ людей, занесенныхъ общественною властью въ списки земельной подати. Вслѣдствіе этого они часто примѣняются къ колонамъ, но нерѣдко также и къ рабамъ. Это могло случиться только потому, что занесеніе въ списки ценза было государственною операціею, независимую отъ общественнаго состоянія личности. Землевладѣлецъ точно также назывался *censitus*, какъ и колонъ или рабъ. Колонъ и рабъ были одинаково *ascripti*. Вотъ именно одною изъ трудностей нашего предмета и одною изъ причинъ ошибокъ является то обстоятельство, что между адскриптиціями нѣкоторые не всегда отличали свободныхъ отъ рабовъ“.

Для доказательства этого мнѣнія, въ слѣдующей главѣ³⁾ Фюстель де Куланжъ довольно долго останавливается на вопросѣ о способѣ распредѣленія и взиманія поземельнаго налога въ имперіи. Онъ говоритъ о цензѣ, податныхъ спискахъ, способахъ ихъ составленія, податной единицѣ распредѣленія, общественныхъ категоріяхъ лицъ, подлежащихъ земельному налогу, высказываетъ въ связи съ этимъ много любопытныхъ замѣчаній о состояніи землевладѣнія въ это время и податной системѣ имперіи. Глава эта представляетъ сама собою, въ конспективномъ видѣ, цѣлый самостоятельный этюдъ объ общественномъ значеніи податной системы имперіи и въ особенности о вліяніи поземельной подати на низшій земледѣльческій классъ. Этюдъ предпринятъ съ спеціальною цѣлью опредѣлить, какое зна-

1) Ссылки на источн. см. *Rech.*, p. 70.

2) *Ibid.* p. 72.

3) *Chap. V. De l'inscription des colons sur les registres du cens.*

ченіе имѣло въ исторіи образованія колоната занесеніе начинающихъ прикрѣпляться къ землѣ фермеровъ въ писцовыя книги помѣстій и въ общіе имперскіе списки населенія, платящаго поземельный налогъ.

Вопросъ этотъ возбудилъ вниманіе Фюстель де Куланжа потому, что многіе изслѣдователи ставили колонату въ тѣсную связь съ финансовою политикою имперіи. Нѣкоторые даже прямо доказывали, что фискальная система была главною причиною его возникновенія¹⁾. Фюстель де Куланжъ не соглашается съ ними и цѣлымъ рядомъ разсужденій доказываетъ неправильность этого воззрѣнія. Но изложеніе его въ данномъ случаѣ не отличается отчетливостью. Напротивъ, оно часто сбивчиво, и высказываемые взгляды не вездѣ обоснованы. Со многими его положеніями относительно податной системы и финансовой политики имперіи нельзя согласиться. Они обнаруживаютъ или недостаточное знакомство съ источниками, или (гораздо вѣрнѣе) предвзятую мысль. Въ этомъ вопросѣ его новый трудъ нисколько не выше предшествующаго, соотвѣтствующія мѣста котораго²⁾ мы имѣли случай изучить, работая надъ исторіей городскихъ классовъ имперіи въ вѣка паденія. Надѣясь впослѣдствіи обстоятельно изложить въ особомъ трудѣ результаты нашихъ занятій этимъ вопросомъ, мы теперь воздержимся отъ критики Фюстель де Куланжа, которая увела бы далеко. Это тѣмъ болѣе лишнее въ данномъ случаѣ, что заключеніе Фюстель де Куланжа, въ примѣненіи къ образуемому классу крѣпостныхъ крестьянъ, должно быть признано вѣрнымъ.

Совершенно справедливо, что правительство, каковы бы ни были его цѣли, занесло въ писцовыя книги значительную часть земледѣльческаго населенія. Этотъ фактъ, самъ по себѣ, можетъ быть, показавшійся неважнымъ и прошедшій незамѣченнымъ, захвативъ колону, могъ косвенно очень повліять на его судьбу. „Дѣйствительно, до занесенія въ списки ценза, колонъ представлялъ сѣмщика чужой земли, работавшаго на ней безъ контракта и безъ легальной защиты. Законъ не запрещалъ ни ему уйдти, ни землевладѣльцу согнать его. Но, вотъ, онъ „записанъ“. Записанъ онъ только въ видахъ опредѣленія доходности имѣнія, какъ условіе производительности почвы; только потому, что работаетъ на участкѣ крупнаго помѣстья. На регистрѣ онъ только представитель земли. Отсюда законъ и говоритъ,

¹⁾ Таковы Гушке и Гейстербергъ, хотя послѣдній совсѣмъ съ другою точки зрѣнія, чѣмъ первый. См. *Jung* (Zur Würdigung, p. 50).

²⁾ *Hist. des inst. polit. de l'anc. France. Livre II, chap. 10.*

что онъ „занесенъ въ списокъ ценза“ или „приписанъ къ помѣстью“¹⁾. Одно изъ другаго прямо вытекаетъ: человекъ, земля, подать — это одно. И съ тѣхъ поръ, можно сказать, что определенное число народа приписано къ каждому помѣстью (*certus numerus plebis praedio ascriptus*²⁾). Такимъ образомъ установлена была связь между человекомъ и землею краткимъ почеркомъ пера. Связь эта существовала и раньше, она опредѣлялась работою, интересами, привычками, чувствами. Но занесеніе ихъ въ списки государственной подати освятило эту связь³⁾.

Вотъ истинное послѣдствіе этой государственной мѣры для колоната. Совсѣмъ невѣрно, что фискальный интересъ императорскаго правительства создалъ колонатъ. Онъ на дѣлѣ существовалъ и раньше. Власть воспользовалась имъ, какъ готовымъ орудіемъ, которое приспособила къ своимъ цѣлямъ. „Фактъ занесенія земледѣльцевъ въ списки ценза не создалъ ни одного колона; онъ создалъ только первый подлинный документъ, офиціально опредѣляющій ихъ общественное положеніе. Это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первый случай соприкосновенія колоновъ съ императорскою администраціею“⁴⁾. Такимъ выводомъ, предположительнымъ⁵⁾, но очень вѣроятнымъ, заключаетъ Фюстель де Куланжъ первую половину своего этюда.

Какъ же резюмировать его очеркъ исторіи происхожденія колоната? Воспользуемся для этого собственными словами Фюстель де Куланжа, которыми онъ начинаетъ слѣдующую главу⁶⁾:

„Мы видѣли, какъ колонатъ незамѣтно создавался безъ помощи закона. Прежде всего люди, которые были раньше свободными съемщиками чужой земли по срочнымъ контрактамъ, обратились, вслѣдствіе выросшихъ недоимокъ и долговъ, въ крестьянъ, крѣпкихъ землѣ и зависимыхъ отъ помѣщика. Другіе, какъ на примѣръ, крестьяне, *Saltus Virginitanus*, сѣли на землю, какъ свободные землевладѣльцы, но безъ контракта. Они сами какъ будто приросли къ землѣ изъ-за собственной выгоды (скажемъ лучше—изъ-за возможности существо-

¹⁾ С. Th. V, 3; Ibid. XI, 1, 26; С. J. XI, 48, 6.

²⁾ С. Th. XI, 1, 26 (Зак. 309 г.).

³⁾ Rech., p. 83: „L'inscription au cens public fut une immatriculation et presque une attache légale au sol“.

⁴⁾ Rech., p. 85, 86.

⁵⁾ Это гипотеза потому, что ни одного списка (*polyptychum*) до насъ не дошло, и мы можемъ говорить о нихъ только болѣе или менѣе гадательно.

⁶⁾ Rech., p. 87.

ванія) и въ силу привычки. Они не спѣшили уходить, и помѣщикъ не думалъ сгонять ихъ съ насиженныхъ мѣстъ. Далѣе, безчисленное множество варваровъ были приведены волею и неволею на римскую почву и были распределены между помѣщиками въ качествѣ вѣчныхъ землепашцевъ. Такимъ образомъ различныя расы входили въ число колонновъ, и самыя разнообразныя условія содѣйствовали образованію колоната. Затѣмъ, когда эти частныя индивидуальныя факты стали постоянно возобновляться въ продолженіи нѣсколькихъ человѣческихъ поколѣній,—когда, прибавимъ мы—къ этому присоединился обычай рабскаго оброчнаго землепользованія,—когда миллионы семействъ очутились въ такомъ общественномъ состояніи, колонатъ самъ собою проявился въ организаціи финансоваго управленія, и колонны естественно въ концѣ концовъ оказались занесенными въ роспись поземельнаго налога. Недоставало только того, чтобы колонатъ занялъ мѣсто въ законахъ и обратился въ правильное и неподвижное учрежденіе“.

Къ характеристикѣ законодательства о колонатѣ Фюстель де Куланжъ вслѣдъ за этимъ и переходитъ. Послѣдуемъ и мы за нимъ, при чемъ будемъ идти быстрѣе, короче излагать результаты его работы. Въ предшествующихъ главахъ мы останавливались на деталяхъ потому, повторяемъ, что придаемъ имъ рѣшающее значеніе въ исторіографіи вопроса о происхожденіи колоната. Главную часть задачи мы, кажется намъ, исполнили. Мы хотѣли показать, что вносится положительнаго въ науку новымъ изслѣдованіемъ Фюстель де Куланжа о колонатѣ? Такъ какъ разсмотрѣнныя главы, въ значительной степени исчерпывающія вопросъ о происхожденіи колоната, отличаются блестящими достоинствами и необыкновенно богаты содержаніемъ, то мы должны были особенно подробно излагать ихъ, только мимоходомъ указывая на сравнительно немногіе и частныя промахи и недостатки.

VI.

Законодательство о колонатѣ Фюстель де Куланжъ анализируетъ въ пяти послѣднихъ главахъ. Раньше всего онъ говоритъ о легализованіи и упорядоченіи колонатныхъ отношеній императорами IV в., потомъ разбираетъ юридическое положеніе колонновъ и ихъ обязанности по отношенію къ помѣщикамъ, высказываетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о колонатѣ и заканчиваетъ изслѣдованіемъ источни-

ковъ (послѣ римскаго времени), относящихся къ колонату, то-есть, свидѣтельствующихъ о продолженіи существованія этого института за предѣлами исторіи древняго міра въ средневѣковой Европѣ. Эта часть работы даровитаго французскаго историка много уступаетъ разсмотрѣннымъ первымъ главамъ. Вопервыхъ, новыми тутъ являются только частности, въ общемъ же онъ повторяетъ уже извѣстное. Во вторыхъ, самая точка зрѣнія его, въ началѣ разносторонняя и широкая, въ этихъ послѣднихъ главахъ становится пристрастною и узкою. Поэтому его анализъ законодательства о колонатѣ имѣетъ мало научной цѣны. Мы не будемъ такъ послѣдовательно, какъ выше, излагать содержаніе этихъ главъ, а укажемъ только на самые существенные пункты.

Охарактеризуемъ сначала, какъ Фюстель де Куланжъ смотритъ вообще на этотъ вопросъ. Законодательство IV вѣка легализировало колонатъ. Какъ это произошло? „Мы имѣемъ въ кодексахъ 43 императорскія конституціи, касающіяся колоновъ. Можно было бы ожидать, что въ этихъ многочисленныхъ текстахъ отыщется, такъ сказать, весь организмъ этого учрежденія. Но изъ ближайшаго ихъ разсмотрѣнія оказывается, что кодексы даютъ далеко не всѣ необходимыя свѣдѣнія¹⁾“. Вопервыхъ, нѣтъ въ нихъ закона, устанавливающаго колонатъ (*cette loi primordiale n'est pas dans nos codes*); во вторыхъ, нѣтъ также постановленія, опредѣляющаго подробно и отчетливо правовое положеніе колоновъ (*cette loi organique du colonat n'existe pas*). И нужно замѣтить, что всѣ вообще конституціи, въ которыхъ рѣчь идетъ о колонатѣ, не носятъ характера общихъ законоположеній (*de loi générale*). Всѣ онѣ имѣютъ видъ специальныхъ мѣръ, вызванныхъ какими-нибудь частными случаями, которые иногда не имѣютъ прямого отношенія къ колонамъ и связанныхъ, по большей части, съ финансовыми и податными интересами имперіи²⁾). Большая часть этихъ конституцій были только естественнымъ слѣдствіемъ того общегосударственнаго финансоваго распоряженія, по которому всѣ колоны были занесены въ регистры ценза. До введенія этой мѣры, колоны не соприкасались съ правительственною властью, и юрисконсульты мало ими занимались, поэтому о нихъ немного находимъ данныхъ въ Дигестахъ. Но съ того дня, какъ они попали въ списки земельной подати, колонатъ занялъ довольно важное мѣсто въ эдиктахъ, ко-

¹⁾ Rech., p. 88.

²⁾ Ibid., p. 88—89.

торые императоры разсылали своимъ исполнительнымъ органамъ, въ видахъ упорядоченія новой системы администраціи финансовъ, и кодексы часто упоминаютъ о немъ ¹⁾. Такимъ-то образомъ колонъ и оказался легально связанъ съ землею. „Императоры не установили этого принципа, а только допустили и провозгласили его (ils ont admis et proclamé cette règle).“ Жизнь раньше его выработала и долго примѣняла безъ санкціи закона. Легализированіе его совершилось поэтому незамѣтнымъ образомъ—новаго въ этомъ актѣ верховной власти не было ничего.

Вотъ общій взглядъ Фюстель де Куланжа.—При разборѣ его обращаютъ на себя вниманіе два слабые пункта, которые, если могутъ быть опровергнуты, разрушатъ его совсѣмъ. Вопервыхъ, дѣйствительно ли такъ мало говорятъ законы о сущности и измѣненіяхъ этого учрежденія? Вовторыхъ, дѣйствительно ли они такъ пассивно относятся къ явленію, на которое будто только натолкнулись въ жизни?

Уже многіе изучали законодательство о колонатѣ до Фюстель де Куланжа, и онъ напрасно смотритъ иногда слишкомъ свысока на нѣкоторыя хорошо извѣстныя ему попытки своихъ предшественниковъ ²⁾. Многіе пробовали возстановить исторію этого законодательства съ цѣлью представить себѣ сущность колоната въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ постепенно организованъ и регулированъ властью императоровъ. Если попытка такого „генетическаго разсмотрѣнія законодательства о колонатѣ“, предпринятая Родбертусомъ, столько же иногда произвольна, сколько остроумна, то нельзя того же сказать о серьезной и осторожной попыткѣ русскаго ученаго П. Г. Виноградова. Изслѣдованіе его, вѣроятно, не извѣстно Фюстель де Куланжу, а оно именно опровергаетъ слишкомъ отрицательное отношеніе его къ тѣмъ даннымъ о колонатѣ, которыя находятся въ кодексахъ. „Отрывки кодексовъ“, говоритъ П. Г. Виноградовъ ³⁾,—„которые могутъ быть подобраны для того, чтобы очертить уже вполне сложившійся институтъ въ той формѣ, какую онъ получилъ вслѣдствіе многочисленныхъ общихъ и частныхъ постановленій въ V и VI вѣкахъ, являются съ другой стороны памятниками его постепеннаго образованія. Не сразу

¹⁾ Rech., p. 90.

²⁾ Онъ обыкновенно обходитъ ихъ молчаніемъ, иногда отклоняетъ мимоходомъ, но почти никогда не разбираетъ.

³⁾ Происх. феодал. отн., стр. 41.

явился онъ въ той формѣ, въ какой его застали кодификаціи, не сразу мѣстныя особенности уступили мѣсто общимъ для всей имперіи правиламъ, не сразу сгладились случайныя черты передъ признаками главными, вытекавшими изъ природы самыхъ отношеній. Конечно, нѣтъ никакой возможности по нашимъ отрывочнымъ даннымъ реконструировать постепенное развитіе колоната въ законодательствѣ, но слѣды этого развитія всетаки остались, и ими надо по возможности воспользоваться“.

Изъ этихъ словъ мы можемъ вывести двоякое возраженіе противъ Фюстель де Куланжа. Вопервыхъ, П. Г. Виноградовъ обращаетъ вниманіе на то, что законы, въ которыхъ говорится о колонахъ, не всѣ имѣютъ значеніе частныхъ мѣропріятій, а есть между ними и „болѣе общія“ постановленія, которыми мало-по-малу конституировался общественный классъ и регулировались его отношенія къ государству и другимъ сословіямъ¹⁾. Во вторыхъ, онъ указываетъ, что законодательство о колонатѣ имѣло свою исторію, которую отчасти можно прослѣдить по сохранившимся отрывкамъ законовъ. Если изучить ихъ хронологически и сопоставить, то мы увидимъ, что въ нихъ обнаруживаются не случайныя различія между частными финансовыми распоряженіями, касавшимися отдѣльныхъ фактовъ; въ нихъ отражаются послѣдовательныя измѣненія обстоятельствъ и потребностей, переменна политики. Изложеніе же П. Г. Виноградова служитъ вѣскимъ и солиднымъ доказательствомъ справедливости его мнѣнія. Тѣ страницы его изслѣдованія о колонатѣ, которыя предшествуютъ выписанному отрывку²⁾, обнаруживаютъ, что можно по кодексамъ описать правовое положеніе и обязательства колонатовъ, а послѣдующія³⁾ возсоздаютъ въ довольно живой картинѣ характеръ и различіе послѣдовательныхъ эпохъ исторіи законодательства о колонатѣ. Аргументація его, ясная и убѣдительная, не только показы-

¹⁾ То же утверждаетъ Родбертусъ (стр. 36 и сл.). И хотя П. Г. Виноградовъ находитъ, что Гейстербергъ отчасти правъ, протестуя противъ попытки Родбертуса реконструировать историческій ходъ развитія колоната, потому что онъ слишкомъ мало смотритъ на отрывочность нашихъ текстовъ, но самъ онъ дѣлаетъ „болѣе осмотрительную попытку въ томъ же смыслѣ“, которая ему вполне удалась; между тѣмъ какъ Фюстель де Куланжъ, на оборотъ, придавая слишкомъ много значенія отрывочности законовъ, сохранившихся въ кодексахъ, отказывается отъ всякой такой попытки и потому оставляетъ въ темнотѣ и даже искажаетъ важную сторону дѣла.

²⁾ Стр. 19—41.

³⁾ Стр. 42—59.

васть, что Фюстель де Куланжъ недостаточно освѣщаетъ вопросъ, но прямо идетъ въ разрѣзъ съ основнымъ его воззрѣніемъ. Его статья служить также лучшимъ возраженіемъ на тотъ взглядъ Фюстель де Куланжа, по которому выходитъ, что законы о колонатѣ имѣютъ лишь пассивное значеніе. Намъ не къ чему повторять то, что прекрасно выяснено нашимъ уважаемымъ ученымъ тѣмъ болѣе, что его статья первоначально появилась въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія¹⁾. Мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями на то, что говоритъ Фюстель де Куланжъ, съ цѣлью выяснить на немногихъ примѣрахъ искусственность его толкованія²⁾.

Можно согласиться съ нимъ, что податной вопросъ чаще всего заставлялъ законодателя соприкасаться съ колонами. Это также вѣрно, какъ то, что финансовая политика (вмѣстѣ съ военною) была вообще сущностью политики императоровъ послѣднихъ вѣковъ. Это вѣрно, какъ то, что денежные нужды были вообще главнымъ поводомъ вмѣшательства государства въ жизнь общества. Но это еще не значитъ, что оно не могло, при организаціи того же финансоваго управленія, обнаруживать сильнаго и дѣятельнаго вліянія на созданіе и судьбы общественнаго класса. Мы знаемъ, на примѣръ, какъ, подъ давленіемъ однихъ почти фискальныхъ нуждъ, имперія совсѣмъ перестроила мѣстное самоуправленіе и поставила въ совершенно новое и отчаянное положеніе прежде цвѣтущей городской классъ. Такъ было и съ колонатомъ; имперіи оказалось необходимымъ подвергнуть и аграрныя отношенія такой же строгой и неизмѣнной регламентаціи.

Стремясь доказать, что законодательство и не думало устанавливать колоната, а только пользовалось, не измѣняя ничего, жизненными обычаями для своихъ частныхъ цѣлей, Фюстель де Куланжъ, между прочимъ, приводитъ въ примѣръ законъ Константина, 332 г. Онъ гласитъ: „Помѣщикъ, у котораго будетъ найденъ колонъ принадлежащій другому, не только долженъ будетъ вернуть его въ помѣстье, откуда онъ родомъ, но и заплатить подать, приходящуюся съ него, за все время, которое тотъ у него находился“³⁾.

¹⁾ См. январь 1880 г.

²⁾ Очень удивительно, что французскіе рецензенты, о которыхъ мы выше упоминали (Віолэ и Фурнье) совсѣмъ не отгвѣнили этой слабой стороны взглядовъ Фюстель де Куланжа. Она упущена также въ рецензіи *Дареста* (*Journal des Savants*, Sept. 1886).

³⁾ С. Th. V, 9, 1: „Imp. Constantinus ad provinciales. Apud quemcumque colonus juris alieni fuerit inventus, is non solum eundem origini suae restituat, verum super eodem capitationem temporis agnoscat“. Cf. С. J. XI, 48, 23 inf.

Центръ тяжести закона, по мнѣнію Фюстель де Куланжа, лежитъ въ послѣднихъ словахъ. „Истинная цѣль законодателя очевидна: онъ разрѣшаетъ недоумѣніе, связанное съ податнымъ вопросомъ (*une question d'imprôt*)“. „Мы знаемъ, что помѣщикъ долженъ былъ взыскивать съ приписанныхъ къ писцовой книгѣ его имѣнія колоновъ подать и передавать ее государству¹⁾. Но возникалъ вопросъ, если колонъ уходилъ изъ одного помѣстья въ другое, кто долженъ былъ за него платить поземельный налогъ, старый или новый хозяинъ? Константинъ отвѣчаетъ, что это обязательство будетъ лежать на новомъ землевладѣльцѣ за все время, что онъ у него пробылъ“²⁾. Это такъ, но это не все. Фюстель де Куланжъ мало пользуется этимъ текстомъ для опредѣленія юридическаго положенія колоновъ. Онъ только говоритъ, что законъ этотъ признаетъ существованіе колоната и мимоходомъ отмѣчаетъ, что въ немъ колонъ названъ принадлежащимъ другому человѣку (*colonus juris alieni*), между тѣмъ какъ юрисконсультъ II вѣка заявлялъ, что онъ всегда свободенъ—*sui juris*³⁾. На это Фюстель де Куланжъ замѣчаетъ, что законодатель IV вѣка допускаетъ то, о чемъ не приходилось говорить юрисконсульту. Тогда колоны еще не были записаны на регистрахъ ценза, теперь же это сдѣлано, и императоръ не создаетъ новаго положенія объ уже существующемъ фактѣ. Еслибы это и было только такъ, то все же мнѣніе Фюстель де Куланжа было бы недостаточно: вѣдь финансовая мѣра, о которой онъ упоминаетъ, и которая, по его воззрѣнію, значительно повліяла на положеніе колоновъ, была мѣрою законодателя, новою и важною. Да и помимо этого, Фюстель де Куланжъ слишкомъ слабо выставляетъ на видъ, что между принципомъ Гая и закономъ Константина—огромная разница. Тамъ свобода колона признавалась вполне, здѣсь она уменьшается. Въ прежнія времена только контрактъ связывалъ колона-фермера съ земледельцемъ. За нарушеніе контракта онъ подлежалъ только гражданскому иску по заключенному условію. Не могло быть и рѣчи ни о бѣгствѣ, ни объ укрывательствѣ, ни о насильственномъ возвращеніи колона

¹⁾ Это видно изъ С. J. XI, 48, 4.

²⁾ Rech., p. 89.

³⁾ Gaj. Inst. IV, 153. Другіе законы подтверждаютъ зависимость колона отъ чужой власти. Напримѣръ, С. J. XI, 48, 14: „Coloni quos quisque possedit“. С. J. XI, 48, 12: „...ipse (colonus) cujus fuit“.

на оставленную землю. Если же онъ былъ половникомъ ¹⁾, то одна нужда держала его въ зависимости отъ помѣщика. Но если представлялся случай найти новое средство къ жизни, онъ могъ уйти; законъ, игнорировавшій его (какъ доказалъ самъ Фюстель де Куланжъ), отпускалъ половника на всѣ четыре стороны, точно также какъ не защищалъ его отъ увеличенія оброка по произволу помѣщика. Законъ же 332 г. кореннымъ образомъ измѣняетъ дѣло. Колону запрещается сходить съ земли, его уходъ называется „бѣгствомъ“, онъ самъ подлежитъ за него уже не гражданской отвѣтственности, а „наказанію“: его препровождаютъ обратно на покинутый участокъ и „заковываютъ въ кандалы, какъ раба“ ²⁾.

Тутъ открывается совсѣмъ новое общественное состояніе, легально создается новый классъ, зависимость котораго, можетъ быть, раньше и существовавшая, теперь узаконена и тѣмъ самымъ усилена. „Юридическаго перехода отъ перваго пониманія колоновъ ко второму, совершенно противоположному, какого-нибудь общаго постановленія, обращающаго временные договоры въ постоянные, не сохранилось или не было совсѣмъ; но если не было юридическаго перехода, то мы можемъ указать на переходъ фактической.—Законъ 332 года налагаетъ наказаніе за побѣгъ и предполагаетъ кабалу, но кабалу фактическую, выйти изъ которой до появленія закона было трудно, но не запрещено подъ страхомъ наказанія. Константинъ и его преемники стали угрожать послѣднимъ, и этимъ положили начало законодательному развитію крѣпостнаго состоянія, которое уже до тѣхъ поръ подготовлялось на чисто фактической почвѣ“.—Это принципъ новый: „Императоры IV вѣка не имѣли привычки настойчиво повторять подданнымъ давно извѣстныя правила; и дѣйствительно, постановленія о побѣгѣ и поимкѣ колоновъ являются не бессмысленными повтореніями стародавнихъ истинъ, а очень характернымъ признакомъ официальнаго прикрѣпленія свободныхъ сѣмщиковъ къ землѣ“.

Таково толкованіе П. Г. Виноградова ³⁾, и оно гораздо глубже

¹⁾ Мы пользуемся общеупотребительнымъ терминомъ—„половникъ“ для обозначенія арендатора, работающаго „изъ части“, хотя слово „дольщикъ“, можетъ быть, точнѣ выразило бы требуемое понятіе.

²⁾ С. Th. V, 9, 1: „...Ipsos etiam colonos, qui fugam meditantur, in servilem conditionem ferro ligari conveniet“. Cf. С. J. XI, 53, 1: „Revocati vinculis poenisque subdantur“.

³⁾ Происх. феод. отн., стр. 48.

объясняетъ этотъ законъ, который Фюстель де Куланжъ называетъ простымъ спеціальнымъ финансовымъ распоряженіемъ. Законъ-то это финансовый, но соціальныя послѣдствія его велики. Раньше колонны только нуждою связывались съ помѣщикомъ. Но теперь это не только экономическая зависимость, это политическое (легальное) подчиненіе: законъ самъ отдаетъ ихъ во власть землевладѣльца: администрація и полиція къ его услугамъ для преслѣдованія колона, который будетъ пытаться вырваться изъ захватившихъ его тисковъ.

Развѣ это не нововведеніе, не активная мѣра? — Не все равно, когда какое-нибудь соціальное явленіе развивается само по себѣ, или когда его поддерживаютъ власть. Императоры IV вѣка, встревоженные фискальными нуждами, озабоченные интересами помѣщиковъ, которые должны были имъ удовлетворять, дѣятельно закрѣпощали колонновъ въ обезпеченіе доходности помѣстій, на которыхъ они сидѣли. Многочисленные законы ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ, Фюстель де Куланжъ не можетъ обойти ихъ молчаніемъ¹⁾, и ему не удастся ума-лить значеніе законодательства, какъ силы, если не творившей, то растившей колонатъ.

Когда мы разбирали текстъ закона 332 года и сопоставили съ нимъ выводъ, который изъ него дѣлаетъ Фюстель де Куланжъ, мы ясно видимъ, что точка зрѣнія его узка и одностороння, и что онъ допускаетъ натяжки при толкованіи источниковъ. — Приведемъ еще примѣръ. Фюстель де Куланжъ²⁾ разбираетъ постановленіе, касающееся брачнаго права колонновъ и относящееся уже къ болѣе позднему времени (419 г.)³⁾. Будемъ говорить, въ сокращенномъ видѣ его словами. Женщина-колонка ушла съ помѣстья — была принята въ другое его владѣльцемъ и вышла тамъ замужъ за тамошняго колона. Какъ съ нею поступать? Законъ Гонорія гласитъ, что если ее накроютъ до истеченія 20-ти-лѣтней давности, она должна быть возвращена „на родину“. Ее, стало быть, разлучаютъ съ мужемъ, котораго земля не пускаетъ. Если у нихъ есть дѣти — они подѣляются: третья часть идетъ съ матерью, двѣ трети остаются отцу. Семья раздѣлена навсегда. Вотъ фактъ и законъ. А вотъ толкованіе. — Это правило, говоритъ Фюстель де Куланжъ, какъ бы жестоко оно ни было, не законодатель выдумалъ, оно существовало раньше на дѣлѣ.

¹⁾ Rech., p. 92—94.

²⁾ Rech., p. 109.

³⁾ C. Th. V, 10, 1, § 3 cum interpr.

Спрашивается, гдѣ же это? Какой, извѣстный одному Фюстель де Куланжу, обычай говорить о 20-ти-лѣтней давности, о раздѣленіи семьи по какой-то хитрой пропорціи?—Несомнѣнно, что все это дѣло законодателя, только крѣпость и зависимость подготовлены жизнью.—Фюстель де Куланжъ же находитъ, что законодатель только смягчаетъ суровый обычай: онъ позволяетъ хозяину, принявшему бѣглую, отдать старому владѣльцу, взаменъ ея, другую женщину, изъ своихъ, съ соответствующимъ числомъ дѣтей. „Вслѣдствіе такой уступки, семья остается соединенною!“—патетически восклицаетъ Фюстель де Куланжъ.—Хорошо смягченіе! Вѣдь тутъ предоставляется право помѣщику распоряжаться колонами (свободными людьми), какъ рабочимъ скотомъ.—Какъ ни понимать цѣли закона—изданъ ли онъ въ пользу помѣщиковъ или въ виду финансовыхъ интересовъ казны, — во всякомъ случаѣ это опять рѣшительное и важное нововведеніе ¹⁾).

Какъ еще лишній аргументъ въ пользу своего мнѣнія о томъ, что законодательство IV вѣка не предпринимало никакой рѣшительной мѣры для формулировки общественнаго состоянія колоновъ, онъ выдвигаетъ еще и тотъ фактъ, что будто бы далеко не всѣ колоны были прикрѣплены къ землѣ съ IV же вѣка. Это онъ выводитъ изъ одного закона, болѣе чѣмъ на 100 лѣтъ позднѣйшаго, чѣмъ законъ Константина. „Одна конституція императора Анастасія показываетъ, что въ послѣдніе годы V вѣка, рядомъ съ „приписанными“ земледѣльцами, существовали еще „свободные“ колоны. Правда, что въ это время законодатель дѣлаетъ шагъ впередъ. Только тутъ беретъ онъ на себя инициативу, создаетъ новый принципъ и устанавливаетъ въ самомъ дѣлѣ принудительный колонатъ. Анастасій провозглашаетъ, что свободный колонъ, проработавшій на одномъ участкѣ 30 лѣтъ подъ рядъ, не будетъ имѣть права сойти съ него“ ²⁾).

Справимся съ текстомъ, на который Фюстель де Куланжъ ссылается. Находимъ дѣйствительно весьма замѣчательный законъ Анастасія на греческомъ языкѣ ³⁾). Вотъ его сущность: „Одни изъ земледѣльцевъ имперіи называются адскриптиціями, ихъ имущества при-

¹⁾ Да и вообще, бѣльшая часть постановленій о бракахъ колоновъ свидѣтельствуется о большемъ, произведенномъ законодателемъ, пониженіи ихъ свободы.

²⁾ Recherches, p. 94.

³⁾ С. J. XI, 48. 19: «Τῶν γεωργῶν οἱ μὲν ἐναπόγραφοί εἰσιν καὶ τὰ τούτων πεχούλια τοῖς δεσπόταις ἀνήκει, οἱ δὲ χρόνῳ τῆς τριακονταετίας μισθωτοὶ γίνονται, ἐλεύθεροὶ μένοντες μετὰ τῶν πραγμάτων αὐτῶν, καὶ οὗτοι ἀναγκάζονται καὶ τὴν γῆν γεωργεῖν, καὶ τὸ τέλος παρέχειν. Τοῦτο δὲ καὶ τῷ δεσπότῃ καὶ τοῖς γεωργοῖς λυσιτελεῖς».

надлежать господину. Другіе же дѣлаются по истеченіи 30-ти-лѣтняго срока колонами, оставаясь лично свободными и сохраняя право распоряженія своимъ имуществомъ. Но и они также прикрѣпляются къ землѣ и обязуются платить оброкъ. Это правило выгодно и помѣщику, и земледѣльцу“. Что же это значитъ? Изъ закона видно, что во времена Анастасія существовали въ имперіи двоякаго рода земледѣльцы. Одни изъ нихъ — адскриптиціи (ἐναπόγραφοι) — находятся въ очень зависимомъ положеніи: они даже не располагаютъ своимъ имуществомъ, которое поэтому называется „πεκούλια“. По всей вѣроятности, они происходятъ, по большей части, отъ рабовъ арендаторовъ. Другіе же колоны (μισθωτοί=coloni) лично свободны (ἐλεύθεροι), но также крѣпки той землѣ, которую обрабатываютъ за оброкъ. Самый же законъ имѣетъ цѣлью опредѣлить одинъ очень своеобразный способъ пополненія (mode de recrutement) состава послѣдней категоріи, то-есть, свободныхъ колоновъ (coloni liberi): императоръ говоритъ, что люди раньше свободные послѣ того, какъ 30-ти-лѣтняя давность застанетъ ихъ работающими на одномъ и томъ же участкѣ чужой земли, вѣроятно, наравнѣ съ другими, уже закрѣпощенными земледѣльцами, сами дѣлаются крѣпостными.

Трудно изъ этого текста вывести, какъ хочетъ Фюстель де Куланжъ, что не все населеніе, находившееся фактически въ положеніи „колоновъ“ (крѣпостныхъ) еще въ IV вѣкѣ, было юридически закрѣпощено законодательствомъ Константина и его ближайшихъ преемниковъ. Очень можетъ быть, что дѣйствительно не сразу колонатъ былъ ими распространенъ легально на всю имперію ¹⁾; но къ пятому вѣку онъ былъ уже учрежденіемъ повсемѣстнымъ. Въ данномъ законѣ говорится о совсѣмъ новыхъ людяхъ, которые, по праву, вполне независимы, и о которыхъ не могло быть и рѣчи въ законѣ Константина ²⁾. Они, можетъ быть, даже мелкіе землевладѣльцы (possessores

¹⁾ См. Виноградовъ, стр. 45.

²⁾ Самъ же Фюстель де Куланжъ выше говоритъ (стр. 14 и др.), что всякій, кто въ IV вѣкѣ называется *колономъ*, прикрѣпленъ къ землѣ, и онъ же (стр. 68) очень хорошо объясняетъ, что значитъ *colonus liber*. Такъ называлась наиболѣе привилегированная категорія крестьянъ, но все же и они крѣпостные. А тутъ онъ между тѣмъ передаетъ смыслъ закона Анастасія, такъ (стр. 94): «*Le colon libre qui aura cultivé une terre pendant trente années consécutives, ne pourra plus quitter cette terre*». Это не вѣрно и это противорѣчитъ приведеннымъ мѣстамъ его собственной книги. Нужно было сказать: «*L'homme libre qui etc... deviendra colon, quoique libre*». А это большая разница.

plebeji), недавно „захудавшіе“, которые принуждены теперь, какъ и наши крестьяне, снимать, какъ арендаторы, (то-есть, свободно) чужую землю. Они люди малосильные и, конечно, находятся у барина въ фактической кабалѣ. Они по неволѣ долго сидятъ на его имѣннѣ, ожидая выхода изъ нужды, и вотъ законодатель, озабоченный тѣмъ, чтобы земля не лишалась земледѣльцевъ, спѣшитъ наложить руки и на нихъ.

Такимъ образомъ разобранный законъ Анастасія имѣетъ не то значеніе, какое хочетъ ему приписать Фюстель де Куланжъ. Въ немъ не говорится ни о территоріальномъ распространеніи колоната, ни о подведеніи подъ колонатное право только бѣльшаго числа лицъ изъ того же разряда, для котораго это право создано Константиномъ, но отдѣльные члены котораго могли избѣгнуть легальнаго подчиненія. Въ немъ говорится нѣчто гораздо большее: императоръ стремится захватить въ колонатъ новые соціальные элементы. Все больше народу падало внизъ вслѣдствіе общихъ экономическихъ бѣдствій, и императорское правительство всѣхъ ихъ привлекало въ классъ установленный имъ: „рабовъ земли“¹⁾. Это былъ важный шагъ впередъ къ созданію „принудительнаго“ колоната; но не первый, какъ говорить Фюстель де Куланжъ, а, напротивъ, одинъ изъ послѣднихъ и очень рѣшительныхъ: совсѣмъ свободные люди, полноправные граждане только потому, что 30 лѣтъ обрабатывали одинъ участокъ, закрѣплялись землей навсегда²⁾. Куда же было больше идти правительству по пути подчиненія независимыхъ общественныхъ классовъ государственной опека, новому виду рабства?

Фюстель де Куланжъ строить на разобраннымъ законѣ цѣлую теорію; онъ желаетъ объяснить имъ самыя побужденія императорскихъ мѣропріятій. Онъ хочетъ понять, какъ пришла имперія къ закрѣпощенію свободнаго сѣмщика послѣ 30-ти-лѣтней давности. Законодатель объявляетъ, что устанавливаемое правило одинаково выгодно и помѣщику, и земледѣльцу (καὶ τῷ δεσπότῃ καὶ τοῖς γεωργοῖς λουιτελές). „Пусть другіе предпочитаютъ не обращать вниманія на эти

¹⁾ Колонны часто называются въ законахъ рабами земли. См. указаніе мѣстъ у Фюстель де Куланжа (стр. 106).

²⁾ Высказанное нами мнѣніе, кажется, подтверждается словами позднѣйшаго закона Юстиніана (531 г.), который ссылается на Анастасія (С. I. XI. 48, 23): „...Anastasiana lex homines qui per triginta annos colonaria detenti sunt conditione voluit liberos quidem permanere, non autem habere facultatem terra derelicta in alia loca migrare“.

слова“, восклицаетъ онъ,— „подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нихъ заключается одинъ обманъ. Я же думаю, что исторія не должна ничѣмъ пренебрегать, что лучше вдуматься въ текстъ, чѣмъ презрительно отвернуться отъ него ¹⁾“. Это нѣсколько удивительно. Всякому, привыкшему къ языку законодателей послѣднихъ вѣковъ, преимущественно Юстиніана и его ближайшихъ предшественниковъ, совсѣмъ ясно, что эти слова сказаны только для красоты слога. Очень часто императоры, устанавливая самую строгую мѣру закрѣпощенія, въ напыщенныхъ выраженіяхъ называли свои законы благодѣянiями для тѣхъ, къ обузданію независимости которыхъ они были направлены. Тѣмъ не менѣе, Фюстель де Куланжъ хватается именно за эти слова, чтобы объяснить, такъ сказать, психологію императорской политики того времени. Они показываютъ ему, что законодатель хочетъ быть полезенъ обѣимъ сторонамъ. Въ чемъ же дѣло? Свободный земледѣлецъ былъ пущенъ на чужую землю безъ контракта, безъ законной гарантіи. Впродолженіи цѣлыхъ 29-ти лѣтъ онъ, правда, свободно можетъ ее покинуть, но и баринъ можетъ согнать его во всякое время. Такое положеніе было непрочно. „Но наступаетъ моментъ, когда такого рода отношенія, въ силу давности, могутъ создать постоянную юридическую связь. Законодатель считаетъ такимъ моментомъ день окончанія тридцатаго года такихъ земельныхъ отношеній. Онъ, очевидно, думаетъ, что если землевладѣлецъ держалъ у себя 30-ть лѣтъ одного и того же колона, а колонъ 30-ть лѣтъ добровольно воздѣлывалъ одинъ и тотъ же участокъ поля, если соединенныя съ такимъ положеніемъ права и обязанности нравились обоимъ такъ долго, то отношеніе въ томъ видѣ, въ какомъ существовало на дѣлѣ, могло быть закрѣплено закономъ навсегда“ ²⁾.

Опять всякій, вчитывавшійся въ кодексы, увидитъ, что это натяжка. Законы о колонахъ, по большей части, направлены къ выгодѣ помѣщика, а въ концѣ концовъ только къ выгодѣ фиска. Интересы колоновъ тутъ не при чемъ. Это видно, на примѣръ, очень хорошо изъ закона Валентиніана, Θεодосіа и Аркадіа о палестинскихъ колонахъ, по которому колонаты распространяется на свободныхъ земледѣльцевъ этой провинціи, прямо въ угоду землевладѣльцевъ ³⁾. Такой же

¹⁾ Rech., p. 95.

²⁾ Ibid., p. 96.

³⁾ С. I. XI, 51: «Cum per alias provincias, quae subjacent nostrae serenitatis imperio, lex a majoribus constituta colonos quodam aeternitatis jure detineat, ita ut il-

характеръ имѣютъ приводимые ниже самимъ Фюстель де Куланжемъ законы, которые онъ только не всегда точно передаетъ и просто толкуетъ ¹⁾. Законъ защищалъ колона только тѣмъ, что запрещалъ увеличивать оброкъ, разъ навсегда установленный ²⁾. Но даже признавая вполнѣ, что законъ оберегалъ колона отъ притѣсненій помѣщика ³⁾, трудно сказать вмѣстѣ съ Фюстель де Куланжемъ, что колона было безразлично продолжать надѣяться, что въ будущемъ счастье, можетъ быть, поможетъ ему выскочить изъ фактической кабалы—или видѣть себя закрѣпощеннымъ на вѣкъ „по закону“.

„Не будемъ судить объ этихъ вещахъ“, продолжаетъ онъ, — „по нашимъ современнымъ понятіямъ и вкусамъ... Возможно, что ббольшая часть землевладѣльцевъ были довольны этою мѣрою, хотя она и отнимала у нихъ право прогонять своихъ арендаторовъ, но нѣтъ также ничего невѣроятнаго въ томъ, что огромное большинство земледѣльцевъ съ радостью (*avec bonheur*) приняли это рѣшеніе: оно обезпечивало за ними ихъ надѣлы, хотя и запрещало имъ ихъ мѣнять. Сердце крестьянина не такъ устроено, чтобы законъ, прикрѣпляющій его къ его полю, могъ показаться ему несправедливымъ и жестокимъ. Нѣкоторые, можетъ быть, предпочли бы свободу передвиженія, тѣ и могли пользоваться 29-ти-лѣтнимъ срокомъ. Но что въ особенности заставляетъ меня думать, что новый законъ не шель въ разрѣзъ съ понятіями, интересами и нравами большинства, это тотъ фактъ, что вѣчность колонатныхъ отношеній (*la perpétuité du colonat*) уже сама собою утвердилась три вѣка назадъ на многихъ помѣстьяхъ для многихъ семействъ. Законъ Анастасія только прилагалъ къ немногимъ людямъ обычай (*une coutume*) почти всеобщій“ ⁴⁾.

Мы привели эту выписку, чтобы выставить еще болѣе ярко точку зрѣнія, на которую пытались возражать. Искусственность объясненія,

lis non liceat ex his locis quorum fructu relevantur abscedere nec ea deserere quae semel colenda susceperunt, neque id Palaestinae provinciae possessoribus suffragetur, sancimus, ut etiam per Palaestinas nullus omnino colonorum suo jure velut vagus ac liber exsultet, sed exemplo aliarum ita domino fundi teneatur, ut sine poena suscipientis non possit abscedere: addito eo, ut possessionis domino revocandi ejus plena tribuatur auctoritas». Этотъ же законъ служитъ также неопровержимымъ доказательствомъ того, что колонатъ произошелъ изъ свободного состоянія.

¹⁾ См. стр. 110—114.

²⁾ Это видно изъ С. I. XI, 50, 1. Ср. П. Г. Виноградовъ, стр. 24, 25.

³⁾ Фюстель де Куланжъ выводитъ это изъ нѣсколькихъ выраженій закона Юстиніана (С. I. XI, 48, 23).

⁴⁾ Rech., p. 97.

удаленіе отъ пониманія духа времени и характера политики императоровъ, искаженіе истиннаго смысла и цѣли законодательства, невѣрная, преувеличенная характеристика понятій, чувствъ и настроенія тогдашняго общества—все это въ послѣднихъ словахъ бьетъ въ глаза.

Итакъ, по нашему мнѣнію, Фюстель де Куланжъ совершенно неправильно оцѣниваетъ вліяніе законодательства на развитіе колонатныхъ отношеній и выработку колонатнаго права. Вліяніе это было сильное, Фюстель де Куланжъ приводитъ его къ нулю. Онъ выводитъ его изъ стремленія правительства удовлетворить своимъ потребностямъ путемъ разумнаго и справедливаго соглашенія нуждъ и интересовъ всѣхъ различныхъ общественныхъ слоевъ. Но историкъ, хорошо знакомый съ источниками и безпристрастно смотрящій на дѣло, отлично знаетъ, что не таково было тогда направленіе законодательной дѣятельности императоровъ, не таково положеніе и потребности преобразованнаго Діоклетіаномъ и Константиномъ государства. Всѣмъ извѣстно, что со временъ Діоклетіана измѣнились всѣ государственныя отношенія имперіи. Характеръ этихъ отношеній уже давно очень удачно изображенъ Гегелемъ въ его „Исторіи городскаго устройства въ Италіи“. Однимъ изъ ужаснѣйшихъ послѣдствій деспотизма, обнаружившимся въ позднѣйшее время имперіи, недостаточно выясненнымъ историками, но, по мнѣнію Гегеля, наиболѣе наглядно и своеобразно характеризующимъ его, было то закрѣпощеніе, которому подверглись всѣ обязанныя государству сословія и группы, и тотъ замѣчательный кастическій строй, который возникъ отсюда. Это было послѣднее средство, при помощи котораго Римская имперія продержалась еще нѣкоторое время. Въ правильномъ обществѣ, когда живо бьетъ пульсъ историческаго сознанія, всѣ силы гражданъ проявляются добровольно, по собственной потребности; при политическомъ же прозябаніи деспотически управляемаго общества дальнѣйшее матеріальное существованіе является какъ бы вынужденнымъ, душа какъ бы на вылетѣ, а деспотъ, называющій именно себя этою душою, можетъ пробудить вѣру въ то, что онъ въ самомъ дѣлѣ единственный, посланный свыше законъ, прежде всего при помощи сильной арміи, держащей въ желѣзныхъ оковахъ сопротивляющуюся свободу. Затѣмъ, когда, съ теченіемъ времени, всѣ собственныя силы органовъ общества, прежде полныхъ жизни, уже вымрутъ отъ продолжительной привычки къ рабству, когда всѣ обратятся къ милости господина, какъ къ солнцу ихъ бытія, чтобы, озаряемые его лучами, получить долю во всеобщемъ грабежѣ и достигнуть хотя бы

тѣни довольства, тогда деспотъ можетъ указать каждому его мѣсто въ наследственной службѣ, чтобъ удержать безжизненное колесо государства въ непрерывномъ движеніи ¹⁾).

Въ деспотической централизованной монархіи, созданной реформами Діоклетіана и Константина, государство, по мѣтвому выраженію Бэтмана Голльвега ²⁾, все вошло въ императора, его дворъ и чиновниковъ,—они одни оказывались дѣятельными силами въ государственной жизни. Какъ же должна была отразиться новая система на жизни гражданского общества, оставленнаго въ „пассивномъ“ положеніи?

Имперія послѣднихъ вѣковъ, на которой лежали очень трудныя задачи, не имѣла подъ собою общества богатаго и сильнаго, которое взялось бы активно помочь ей и безъ затрудненія вынести всѣ ея требованія. Общество страдало отъ внѣшнихъ и внутреннихъ неурядицъ. Но императоры не хотѣли отказаться отъ миссіи, которую, по ихъ убѣжденію, имъ завѣщала исторія. Они должны были заботиться объ укрѣпленіи власти и цѣлости имперіи. Они должны были содержать громадныя арміи, многочисленную полицію, огромный штатъ чиновниковъ. Налоговъ нельзя было уменьшить, а народъ изнемогалъ подъ ихъ бременемъ. Въ виду несостоятельности общества, имперіи оставалось одно—взять его подъ свою опеку. И вотъ, въ прибавленіе къ прежнимъ, и безъ того сложнымъ, задачамъ, императорское правительство задалось еще цѣлью направлять всю общественную дѣятельность, отнять у всѣхъ свободу и замѣнить ее строгою зависимою, регламентировать точными правилами жизнь гражданъ. Этотъ принципъ былъ самъ по себѣ мертвъ и не могъ оживить въ общественномъ организмѣ изсякшаго источника экономическихъ силъ, нравственной энергіи и активной дѣятельности. Всѣ общественныя отправления были заражены бюрократизмомъ. Канцелярія завѣдуетъ также торговлей, землевладѣніемъ и земледѣліемъ, какъ войскомъ, судомъ, управленіемъ и податями. Государство призываетъ всѣхъ—уже не гражданъ, а подданныхъ (*subjecti*) къ обязательной службѣ (*functio*). Чтобы стѣснить произволъ индивидуумовъ, уелонявшихся отъ тяжелыхъ службъ, оно налагаетъ руку на подвижность общественныхъ слоевъ и обращаетъ всѣ сословія сверху до низу въ наследственные васты съ строго опредѣленными повинностями. Въ городахъ, гдѣ раньше господствовало самоуправленіе, будившее жизнь и дви-

¹⁾ Слова Гегеля приведены Родбертусомъ въ его изслѣдованіи о колонатѣ (см. стр. 32 русск. пер.).

²⁾ *Bethmann-Hollweg*. Der Civilprozess des gemeinen Rechts, III, 20.

женіе, муниципальное устройство обратилось въ простое орудіе деспотизма. Классъ куріаловъ, раньше богатый и дѣятельный,—на который теперь возложены огромныя податныя и административныя тягости съ круговою отвѣтственностью, раззорился и впалъ въ ужасное наслѣдственное рабство. То же обнаружилось и въ цехахъ купцовъ и ремесленниковъ. То же должно было произойти и въ деревнѣ. „Государству надо было неизбежно наложить руки и на аграрныя отношенія, съ цѣлью установленія столь же неподвижной регламентации. Аграрныя отношенія и земледѣльческое населеніе должно было лишиться свободнаго движенія также, какъ это случилось со всею соціальною жизнью, и уложиться въ неподвижныя формы“¹⁾. И вотъ мы видимъ въ деревнѣ, вмѣсто прежнихъ мелкихъ собственниковъ и свободныхъ арендаторовъ или только фактически зависимыхъ земледѣльцевъ и рабовъ,—огромный классъ колоновъ, потомственно прикрѣпленныхъ къ землѣ въ интересахъ сельскаго хозяйства, податнаго управленія и рекрутскихъ наборовъ²⁾.

Въ этомъ новомъ принципѣ политики императоровъ находится лучшее объясненіе смысла законодательства о колонатѣ. Изъ большихъ послѣдствій, которыя обнаружило въ жизни общества примѣненіе новой государственной системы, выясняется сущность и величина вліянія законодательства на развитіе колоната. Если посмотрѣть на дѣло съ такой точки зрѣнія, то неправильность постановки вопроса у Фюстель де Куланжа раскроется сама собою. Конечно, исторія прежнихъ вѣковъ подготовила колонатъ и до извѣстной степени обусловила законодательство. Но въ жизни все было разнообразно и измѣнчиво, законъ же стремился все нивелировать, распространить выработанную форму повсюду и закрѣпить ее навсегда. Такое вліяніе было ново и дѣятельно и должно было многое измѣнить, наложить сильную печать на фактическія отношенія, направляя ихъ въ сторону государственныхъ цѣлей. Оно дѣйствительно создало наслѣдственное колонатное право, увеличило зависимость колоновъ отъ помѣщиковъ и на столько понизило ихъ общественное состояніе, что самъ законодатель часто смѣшиваетъ ихъ съ рабами. Имперія придумывала всевозможныя пути для пополненія этого класса, нагромождала всяческія препятствія для выхода изъ него и строго преслѣдовала малѣйшее уклоненіе колона отъ рабства землѣ.

Если читать Фюстель де Куланжа, не отдавая себѣ отчета въ

¹⁾ *Родбертусъ*, стр. 34 и 36.

²⁾ *Bethmann-Hollweg*, III, 24.

указанной коренной ошибкѣ его, то можно составить себѣ невѣрное представление о послѣднемъ моментѣ того соціального процесса, долгіе годы совершавшагося въ римскомъ мірѣ, конечнымъ результатомъ котораго былъ колонатъ.

То же ложное воззрѣніе проникаетъ слѣдующую (седьмую) главу, въ которой Фюстель де Куланжъ говоритъ о правовомъ положеніи колоновъ въ послѣдній періодъ¹⁾. Само по себѣ содержаніе ея очень интересно; она касается весьма существеннаго вопроса, рисуетъ намъ факты поучительные и важные, которые изображены съ большимъ талантомъ и знаніемъ.—Сначала нашъ авторъ оцѣниваетъ самые источники, откуда можно почерпнуть свѣдѣнія для рѣшенія поставленной задачи²⁾; указываетъ на ихъ недостаточность, которую старается объяснить, говоря о памятникахъ официальныхъ, тѣмъ, что правительство въ немногихъ и частныхъ случаяхъ встрѣчалось съ колонатомъ, и потому законодательство не имѣло повода всесторонне формулировать положеніе колона. Но, сдѣлавъ эту оговорку, онъ все же пытается, на основаніи того, что есть въ законахъ, „схватить черты праваго положенія, общія всѣмъ закрѣпощеннымъ земледѣльцамъ и характеризующія колонатъ“³⁾.

Фюстель де Куланжъ доказываетъ, что колоны несомнѣнно признавались кодексами за людей свободныхъ, которыхъ нельзя обращать въ рабство, слѣдовательно и отпускать на волю; что они пользовались правами гражданина, напимѣръ, правомъ заключать законные браки, правомъ собственности⁴⁾, личнаго веденія судебныхъ процессовъ и т. д. Но показавъ, что „колонатъ не рабство“, онъ далѣе поясняетъ, что „онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и не свобода, а нѣчто среднее между этими двумя состояніями“. Онъ подтверждаетъ свое положеніе анализомъ текстовъ, констатирующихъ сильную зависимость колоновъ отъ помѣщика и даже государства, наследственность крѣпости колоновъ и почти полную невозможность для нихъ выйдти изъ подчиненія, наложеннаго жизнью и санкціонированнаго правомъ.

¹⁾ Chap. VII. Condition des colons au point de vue du droit (p. 98—117).

²⁾ Кромѣ кодексовъ и новеллъ, Фюстель де Куланжъ ссылается еще на: 1) Augustin. De civitate Dei X, 1, 2) Salvian. De gubernat. Dei V, 8, 9 и 3) Одно письмо Сидонія Аполлинарія (V, 19). Это, по его мнѣнію, единственные, очень неполные источники.

³⁾ Rech., p. 101.

⁴⁾ Иногда колоны могли даже владѣть, какъ собственностью, участкомъ земли сверхъ того, который получали отъ хозяина. См. С. Th. XII, 1, 33; Nov. Just. 128, 14. (Rech., p. 105).

Фюстель де Куланжъ выставляетъ на видъ строгость законовъ, которые преслѣдуютъ колоновъ, если они нарушаютъ правило. Но всѣ эти факты, реальные и истинные и вѣрно описанные, освѣщены совершенно неправильно тою же одностороннею теоріею. Поэтому, сообщая множество достовѣрныхъ подробностей, онъ не даетъ здѣсь правдивой цѣльной картины юридическаго быта колоновъ, и толкованіе его должно быть исправлено болѣе безпристрастною и глубокою основною идеею. Мы ее пытались намѣтить на основаніи взглядовъ другихъ изслѣдователей, которые выводили ее изъ точной характеристики общаго духа политики императоровъ и общественнаго состоянія имперіи въ IV, V и VI вѣкахъ.

Мы не будемъ останавливаться—за неимѣніемъ мѣста—на изложеніи и критикѣ частныхъ этого отдѣла трактата Фюстель де Куланжа, тѣмъ болѣе, что въ немъ немного найдется новаго. Но остановимся нѣсколько на разборѣ девятой главы¹⁾, которая опять возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія.

Раньше, какъ мы видѣли, Фюстель де Куланжъ стремился доказать, что имперія мало сдѣлала отъ себя для введенія новыхъ общественныхъ отношеній, что она допустила и сохранила скорѣе, чѣмъ учредила, колонатъ. Теперь, пересмотрѣвъ всѣ источники, касающіеся этого учрежденія, онъ затрогиваетъ отчасти вопросъ о томъ, къ добру или злу привело то небольшое, что законодательство выработало по вопросу о колонатѣ. Сначала онъ будто отказывается отъ рѣшенія этого вопроса. „Мы не считаемъ себя обязанными“, говоритъ онъ,—„разбирать, былъ ли колонатъ самъ по себѣ хорошимъ или дурнымъ учрежденіемъ. Съ насъ не спрашиваютъ нравственнаго сужденія о колонатѣ. Было бы ребячествомъ оцѣнивать его на основаніи современныхъ взглядовъ. Историкъ долженъ понимать, а не судить“²⁾.—Было бы очень интересно узнать, являлись ли колонны классомъ бѣдствующимъ и въ какой степени. Нѣкоторые историки пытались доказать, что да, но источники ничего не говорятъ намъ о томъ, чтобы колонны терпѣли большія страданія. Но, опровергая этотъ взглядъ и увлечшись полемикою съ тѣми, которые утверждали, что императорское правительство, поддерживая колонатъ, принесло вредъ многочисленному классу, Фюстель де Куланжъ забываетъ, что сейчасъ сказалъ, и склоняется къ мнѣнію, что законодательство о колонатѣ

¹⁾ Quelques observations sur le colonat (p. 138—144).

²⁾ Recherches, p. 138: „L'historien doit comprendre, non juger“ (!).

наивозможно лучшимъ способомъ обезпечивало матеріальные интересы низшаго земледѣльческаго класса.

Легко сказать, разсуждаетъ онъ, что было бы лучше, еслибы колоната не было. Но вѣдь безъ колоната земля продолжала бы обрабатываться рабами, какъ во времена Колумеллы. Колоната не былъ гибеленъ ни для человѣка, ни для земли. Первое вѣрно потому, что онъ поставилъ, на мѣсто прежняго раба, свободнаго арендатора; второе—потому, что рабы, не заинтересованные въ своемъ трудѣ, были замѣнены настоящими земледѣльцами, которые энергично взялись расчищать новыя, садить и строить, зная, что они работаютъ для себя и дѣтей, и что улучшенія, которыя они сдѣлаютъ въ хозяйствѣ, послужатъ больше имъ, чѣмъ землевладѣльцу. „Въ сущности колоната былъ ничѣмъ инымъ, какъ замѣною системы крупнаго хозяйства, ведомаго при помощи рабскаго труда, системою мелкой аренды. Тѣ, которые въ наши дни не безъ основанія ратуютъ за крупныя сельско-хозяйственныя предпріятія, должны помнить, что въ ту эпоху, когда не извѣстны еще были земледѣльческія машины, мелкая культура имѣла безспорныя преимущества надъ большою. Въ эпоху, насъ занимающую, господствующее вліяніе въ жизни людей имѣли два экономическихъ факта—преобладаніе крупной собственности надъ мелкою и внутри каждаго большаго имѣнія преобладаніе мелкаго свободнаго хозяйства, надъ крупною рабскою культурою. Изъ этихъ двухъ фактовъ второй исправлялъ первый“¹⁾).

Въ послѣднихъ словахъ Фюстель де Куланжъ какъ будто приходитъ къ тому же выводу, какой высказываетъ Родбертусъ, то-есть, что колоната въ исторіи экономическихъ и соціальныхъ отношеній былъ фактомъ прогресса. Онъ почти прямо повторяетъ его слова, опять не ссылаясь на него²⁾. Но то, что у Родбертуса является вполне естественнымъ заключеніемъ его теоріи, выводящей колоната изъ рабства, то у Фюстель де Куланжа, который считаетъ главнымъ источникомъ его классъ свободныхъ арендаторовъ, звучитъ страннымъ противорѣчіемъ. Многіе рабы были, правда, посажены на участки въ видѣ фермеровъ, и для нихъ колоната былъ лучше прежняго полнаго невольничества; но и они все же оставались рабами и должны были хозяйствовать при неблагопріятныхъ условіяхъ. Что же касается до большинства колоновъ, то они, какъ превосходно доказалъ самъ

¹⁾ Rech., p. 144.

²⁾ Во всемъ этюдѣ Фюстель де Куланжъ ни разу не упоминаетъ имени даровитаго экономиста, хотя пользуется его выводами.

Фюстель де Куланжъ, происходили отъ опустившихся до полурабскаго состоянія прежнихъ свободныхъ и обезпеченныхъ людей. Между тѣмъ какъ первые только незначительно поднялись выше, вторые страшно упали. Такъ что человекъ, согласный съ самимъ Фюстель де Куланжемъ въ происхожденіи колоната, долженъ сказать, что законодательство закрѣпило легально пониженіе свободы и экономической самостоятельности, и могло только подавить, а не возбудить энергію. Но Фюстель де Куланжъ упорно стремится провести свою мысль. Разсужденія его и тутъ до крайности искусственны.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Многіе, говоритъ онъ, основывали мнѣніе о печальномъ положеніи колоновъ на томъ, что Θεодосіевъ кодексъ упоминаетъ о бѣглыхъ колонахъ. „Кто такъ говоритъ, плохо читалъ кодексъ Θεодосія ¹⁾. Во всемъ обширномъ сводѣ мы находимъ всего 13 конституцій о бѣглыхъ колонахъ, изданныхъ на протяженіи двухъ вѣковъ и относящихся къ различнымъ провинціямъ. Это очень мало, и это не значитъ, что большинство колоновъ было расположено къ бѣгству“. Очень можетъ быть, что такъ: большинство класса, хотя бы очень утѣшеннаго, рѣдко бываетъ способно на рѣшительныя дѣйствія. Такъ и тутъ—на бѣгство подъ страхомъ наказанія отваживались лишь наиболѣе смѣлые. Но всетаки мы можемъ думать, если правительство издало цѣлый рядъ законовъ, преслѣдующихъ колоновъ за бѣгство, что оно боролось съ распространеннымъ и опаснымъ зломъ. Да и самый языкъ конституцій, суровость наказаній, которымъ они грозятъ бѣглецамъ, свидѣтельствуютъ объ этомъ ²⁾.

Что же побуждало ихъ бѣжать? Фюстель де Куланжъ называетъ двѣ причины: честолюбіе (*l'ambition*) и безпокойный духъ. Первое побуждало ихъ стараться тайно вступать въ какую-нибудь привилегированную общественную категорію—въ армію, администрацію или духовный санъ. Второй подбивалъ уходить съ одного помѣстья, чтобы искать счастья на другомъ. Послѣднее вѣрно. Но чтобы у земледѣльца развился „безпокойный“ духъ, нужно, чтобы ему очень плохо жилось, такъ какъ земледѣліе приучаетъ къ осѣдлости и развиваетъ скорѣе консервативныя чувства. Что же касается до перваго, то врядъ ли

¹⁾ Rech., p. 139.

²⁾ См., напримѣръ, С. J. XI, 53 (ed. *Krüger*): „*Colonos inquietosque... abeundi rure... licentiam habere non posse censemus. Inserviant terris... ita, ut, si abscesserint ad aliumve transierint, revocati vinculis poenisque subdantur...*“ Также С. J. XI, 48, 7; С. Th. V, 9, 1; С. J. XI 48, 14; С. J. X, 68, 3 и т. д. Ср. П. Г. Виноградовъ, 47—50, *Родбертусъ* (стр. 36), *F. de Coulanges*. Rech., chap. VII, passim

стѣдуетъ доказывать, что у людей, которые еще въ концѣ II вѣка называютъ себя „rustici tenues“, „mediocritas nostra“, а чѣмъ позднѣе, тѣмъ ниже падали, не могло даже зародиться честолюбіе: они искали не высокаго положенія, а только сносной жизни.

Но это только одни разсужденія: тексты, которые приводитъ Фюстель де Куланжъ, одинаково могутъ подтвердить и его, и противоположное мнѣніе. Но дальше онъ выставляетъ болѣе фактической аргументъ. Онъ говоритъ, что лучшимъ доказательствомъ сноснаго благосостоянія колоновъ, служатъ упоминанія—очень позднія—о томъ, что нѣкоторые добровольно вступали въ ихъ разрядъ¹⁾. Онъ приводитъ нѣсколько текстовъ. Въ числѣ ихъ, къ удивленію, видимъ уже извѣстную намъ конституцію Анастасія²⁾. Самъ Фюстель де Куланжъ утверждалъ выше, что этотъ эдиктъ, въ первый разъ устанавливаетъ принудительный колонатъ³⁾, а теперь говоритъ, что свободные земледѣльцы знали отлично, что черезъ 30 лѣтъ законъ прикрѣпитъ ихъ къ землѣ, но все же не сходили съ нея, а предпочитали быть записанными въ колоны⁴⁾. Еслибы даже онъ не высказалъ раньше такого мнѣнія, все же не имѣетъ онъ достаточнаго основанія такъ толковать этотъ законъ. Въ законѣ Анастасія не говорится о людяхъ, добровольно вступавшихъ въ колонатъ, а налагается крѣпость на людей совершенно свободныхъ, когда 30-лѣтняя давность, можетъ быть, даже врасплохъ застанетъ ихъ „фактическими колонами“, конечно, не по ихъ винѣ.

Не болѣе основательны и другія ссылки. Напримѣръ, Фюстель де Куланжъ указываетъ на новеллу Валентиніана (XXX, 1, § 5, ed. Haenel, p. 226 — 227). Императоръ въ ней запрещаетъ свободнымъ

¹⁾ Rech., p. 140.

²⁾ С. J. XI, 48, 19.

³⁾ Rech., p. 94.

⁴⁾ Rech., p. 140: „A la fin du cinquième siècle Anastase parle „d'hommes libres“ qui restent trente ans sur un même domaine et qui ne songent pas à en sortir, bien qu'ils sachent qu'au bout de ce temps, ils seront colons à jamais (откуда могли они знать это, когда законъ вводитъ новое право?). Pendant trente ans ils ont été libres de partir et ils sont restés. Rien ne leur aurait été plus facile que d'empêcher la prescription de s'établir, ne fût ce que par une absence temporaire (но вѣдь самъ Ф. де Куланжъ такъ сильно говоритъ въ пользу того, что фактическая зависимость была не менѣе сильна, чѣмъ легальная, значитъ изъ того, что эти люди не уходили, можно развѣ предположить, что они и не могли уйти, а никакъ не то, что они добровольно избирали колонатъ, какъ нѣчто лучшее). Ce n'est qu'après une volonté de 30 ans qu'ils sont devenus des colons forcés“. Выписанные слова ярко характеризуютъ искусственность толкованія нашего автора.

людямъ, женившимся на колонѣ и поселившимся на помѣстьѣ, къ которому она прикрѣплена вмѣстѣ съ семействомъ,—сходить съ него, то-есть, прикрѣпощаетъ и ихъ: это только новое расширение „принудительныхъ“ способовъ пополненія класса, но оно направлено противъ этихъ людей, какъ бы изъ боязни ихъ упустить, и отнюдь не можетъ служить подтвержденіемъ мысли Фюстель де Куланжа ¹⁾. Только одинъ законъ Юстиніана можетъ отчасти подкрѣпить его взглядъ ²⁾. Императоръ стремится тутъ какъ будто стѣснить свободу вступленія въ колонны, окружая его официальными формальностями, имѣющими, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, въ виду дать возможность вступающему обдумать свой шагъ. Но нужно помнить самый характеръ мѣропріятій этого императора. Въ законодательствѣ VI вѣка преобладаетъ стремленіе подвести разнокалиберный матеріалъ прежнихъ распоряженій подъ прочныя нормы классификаціи и общей теоріи ³⁾. Однимъ изъ главныхъ ея принциповъ были неподвижность и наследственность общественныхъ состояній. Для обезпеченія его нужно было не только подтвердить запрещеніе выхода изъ того или другаго сословія безъ законнаго основанія, но и точно опредѣлить условія принятія въ каждую соціальную группу новаго члена. Намъ даже кажется, что однимъ изъ поводовъ для изданія этого указа могло быть опасеніе, что человекъ, добровольно вступающій въ колонны, быть можетъ, уклоняется отъ другой обязанности, которая почему-нибудь кажется ему болѣе тягостною. Обставляя вступленіе въ колонны формальностями, императоръ давалъ возможность администраціи удостовериться въ его личности и накрыть бѣглеца ⁴⁾. Также односторонне разбираетъ Фюстель де Куланжъ одинъ отрывокъ Сальвіана ⁵⁾.

¹⁾ „Si quis ad praedium cujuscunque se collegerit et mulieri obnoxiae sociari se voluerit, gestis municipalibus profiteatur habitari ubi elegerit voluntatem, ut, hoc vinculo praecedente, nec habitaculum deserat, nec consortium mulieris abrumpat... salva ingenuitate licentiam non habeat recedendi“. Самъ Ф. де Куланжъ (стр. 141) проговаривается въ нашемъ смыслѣ, но все же не хочетъ оставить своего мнѣнія.

²⁾ С. J. XI, 48, 22.

³⁾ П. Г. Виноградовъ, стр. 42.

⁴⁾ Есть дѣйствительно упоминанія, что *куріалы* иногда, чтобы избѣжать невыносимаго „*nexus curiae*“, искали убѣжища въ помѣстьяхъ, гдѣ дѣлались ихъ колонами (см., напримѣръ, *Nov. Major. I*). Но это было именно бѣгство отъ тираніи куріи и администраціи, куда глаза глядятъ, а отнюдь не сознательное и спокойное вступленіе въ классъ, жизнь котораго представлялась бы хорошою. Такого рода бѣглецовъ законъ не только запрещалъ принимать въ колонны и предписывалъ возвращать къ исполненію оставленныхъ обязанностей, но и наказывалъ ихъ (см. С. Th. XII, 1, 6; XII, 19, 1; XII, 1, 76; *Nov. Major. I*).

⁵⁾ De Gubern. Dei. V, 8. Rech., p. 141—143.

Такимъ образомъ тексты, изъ которыхъ Фюстель де Куланжъ заключаетъ, что законодательство, прикрѣпляя колоновъ къ землѣ на вѣчныя времена, скорѣе помогало ихъ интересамъ, чѣмъ ухудшало ихъ положеніе, крайне неудачно выбраны и невѣрно освѣщены, и предположеніе его, что колонаты легализированъ былъ для блага закрѣпощаемыхъ земледѣльцевъ и даль это благо, остается голословнымъ. Но нельзя ли бросить свѣтъ на вопросъ въ другомъ направленіи, то-есть, возразить ему не только отрицательно, но и положительнымъ образомъ, то-есть, показать, что колоны бѣдствовали. Конечно, мало имѣется относительно того времени, такъ сказать, бытовыхъ памятниковъ, вводящихъ насъ въ пониманіе повседневной жизни и интимныхъ чувствъ населенія. Но кое-что угадывать можно. И то, что виднѣется изъ-за неизвѣстности, скрывающей отъ насъ эти отдаленныя вѣка, тѣ немногіе отрывки источниковъ, которые сохранились, тѣ эпизоды изъ жизни трудящихся массъ того времени, о которыхъ мы что-нибудь знаемъ, свидѣтельствуютъ довольно ясно противъ Фюстель де Куланжа. Они говорятъ довольно краснорѣчиво о въ высшей степени неблагоприятныхъ условіяхъ быта низшихъ земледѣльческихъ классовъ имперіи.

Очень любопытную попытку разъяснить эту сторону дѣла представляютъ послѣднія страницы прекрасной статьи Юнга, о которой мы нѣсколько разъ упоминали. Онъ также ставитъ себѣ вопросъ: какъ жилось многочисленному земледѣльческому населенію имперіи, отданному законодателемъ подъ власть помѣщикамъ,—и старается найти отвѣтъ на него въ современныхъ источникахъ. Достаточнымъ доказательствомъ страшной бѣдности, въ которой жило тогда крестьянство, и невыносимости общественныхъ условій, отъ которыхъ ему приходилось страдать, можно видѣть въ указаніяхъ источниковъ на постоянныя возстанія земледѣльческаго населенія, періодически вспыхивавшія въ различныхъ мѣстностяхъ государства. Юнгъ представляетъ намъ нѣсколько живыхъ и интересныхъ очерковъ изъ исторіи этихъ возстаній преимущественно въ Галліи и Африкѣ,—и эти очерки хорошо выясняютъ положеніе колоновъ, ихъ отношеніе къ господамъ и проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на картину ихъ повседневныхъ бѣдствій. Они даютъ на поставленный вопросъ отвѣтъ, противоположный тому, который хочетъ установить Фюстель де Куланжъ и, намъ кажется, болѣе близкій къ истинѣ ¹⁾).

¹⁾ Zur Würdigung der agr. Verhältn... (*Hist. Zeitschr.*, XLII, 55 und. ff.).

VII.

Одною изъ любопытнѣйшихъ идей Фюстель де Куланжа, которую онъ постоянно стремится доказать, является тезисъ, что колонатъ есть учрежденіе частнаго права (*une institution d'ordre privé*). Мы видѣли, что во многихъ случаяхъ, къ которымъ онъ хочетъ примѣнить эту безспорную для него истину, аргументація его слаба или искусственна. Но есть одна сторона быта колоновъ, въ которой эта идея находитъ осуществленіе, въ которую ни законодательство, ни администрація почти не вмѣшивались и которая вся входила въ область частнаго и притомъ даже обычнаго права. Мы говоримъ объ установленіи обязанностей колоновъ къ помѣщикамъ, объ устройствѣ въ подробностяхъ отношеній этихъ двухъ классовъ. Законъ подробно до мелочей формулируетъ обязательства колоновъ передъ государствомъ, какъ членовъ податнаго класса, подлежащаго поземельному и подушному налогу и подчиненнаго различнымъ другимъ казеннымъ повинностямъ. Онъ точно опредѣляетъ ихъ сословное положеніе, на примѣръ, крѣпостничество, и налагаетъ наказаніе за превышеніе предоставленныхъ правъ и неисполненіе предписанныхъ правилъ. Но, „стоитъ замѣтить, что кодексы въ многочисленныхъ конституціяхъ, которыя посвящены колонату, никогда не говорятъ о томъ, каковы обязательства колоновъ къ ихъ помѣщикамъ; они ограничиваются требованіемъ ихъ постояннаго присутствія на землѣ и дальше не идутъ, никогда не устанавливаютъ, что должны они тамъ дѣлать ¹⁾“. Дѣйствительно, если императорскія конституціи и говорятъ о чемъ-нибудь въ этой области, такъ только о той административной и дисциплинарной власти или, отчасти, юрисдикціи, которая иногда предоставлялась помѣщику надъ колономъ ²⁾. Далѣе онѣ опредѣляютъ еще общій принципъ, что крестьяне платятъ барину постоянный оброкъ, который долженъ быть назначенъ разъ навсегда и оставаться неизмѣннымъ ³⁾. Онѣ запрещаютъ помѣщикамъ преступать это общее положеніе, запрещаютъ имъ также безъ нужды переводить колоновъ изъ помѣстья въ помѣстье или, на примѣръ, продавать ихъ безъ земли и предоставляютъ колонамъ право жаловаться на притѣсненія. Но, за всѣмъ тѣмъ, кодексы занимаютъ больше всего коло-

¹⁾ Recherches, p. 119.

²⁾ П. Г. Виноградовъ, стр. 26. — Rech., p. 118—121.

³⁾ С. J. XI, 50, 1.

нами бѣглыми, пытающимися уклониться отъ наложенной крѣпости. Это не особенно много; нѣкоторыя стороны остаются ими совсѣмъ не затронутыми. Чтобы хорошо понять колонатъ, „надобно изучить его, такъ сказать, въ нормальномъ состояніи, нужно попробовать проникнуть въ повседневную жизнь колона, мирно и незамѣтно пахавшаго свой надѣлъ ¹⁾“.

Фюстель де Куланжъ, обладающій такимъ сильнымъ „систематизирующимъ“ умомъ, конечно, не упустилъ этого важнаго элемента при описаніи строенія изучаемаго института: онъ посвятилъ ему цѣлую главу ²⁾. „Если кодексы молчатъ объ этихъ правилахъ, настоящая причина этого“, опять настаиваетъ Фюстель де Куланжъ, — „та, что колонатъ не былъ учрежденъ законодательствомъ. Обычай его выработалъ. Онъ также предписывалъ правила. Законодатель вмѣшался въ дѣло только, чтобы закрѣпить мѣстопробываніе колона на его землѣ. Во всемъ остальномъ онъ далъ обычаю полный просторъ. Вотъ почему мы такъ плохо знаемъ въ колонатѣ то, что наиболѣе важно. Недостаточно знать только голый фактъ, что положеніе колона было неизмѣнимо, хотѣлось бы видѣть, каково оно было. Его будничная жизнь, его дѣйствительный бытъ, его права и обязанности, степень тяжести его труда, отношеніе его работы къ его доходамъ—вотъ что составляетъ для историка самую любопытную сторону дѣла. Но это именно мы меньше всего знаемъ по той причинѣ, что ничего изъ всего этого не входило въ кругъ дѣятельности законодательной власти“ ³⁾.

Съ первыми словами приведеннаго отрывка („Le colonat n'avait pas été constitué par le législateur“) согласиться нельзя—мы это видѣли. Но послѣднія слова его („c'est là ce que nous savons le moins par la raison que rien de tout cela n'était matière législative“) вполне вѣрны. И такъ какъ въ данной главѣ Фюстель де Куланжу приходится говорить объ области, въ которой находить примѣненіе именно послѣдній принципъ, то она оказывается, благодаря правильности руководящей точки зрѣнія, не только въ высшей степени интересною, но и богатою цѣнными выводами. Къ сожалѣнію, мы уже не можемъ остановиться на ней: статья и безъ того очень затянулась. Въ этомъ, впрочемъ, отчасти виноватъ самъ авторъ, о которомъ намъ

¹⁾ Rech., p. 118.

²⁾ Chap. VIII. Obligations des colons envers les propriétaires. Devoirs et redevances. La coutume de la terre.

³⁾ Recherches, p. 121.

пришлось говорить. Не только своими достоинствами, но и ошибками Фюстель де Куланжъ затрогиваетъ такую массу вопросовъ и съ такой интересной и существенной стороны, что разбирать его въ короткихъ словахъ—задача непримѣрно трудная.

Скажемъ только, что въ указанной, седьмой, главѣ онъ стремится, пользуясь „каждымъ словомъ, попавшимся случайно въ текстъ закона“, „нѣсколькими строками надписи, къ счастью начертанной руками колоновъ“, представить эскизъ картины повседневной жизни колоновъ и ихъ постоянныхъ отношеній къ помѣщикамъ. Онъ говоритъ о занятіяхъ колоновъ, признавая ихъ исключительно земледѣльческими, о системѣ хозяйства колоновъ, ихъ повинностяхъ (*redevances*) и различныхъ возможныхъ видахъ ихъ (денежной рентѣ, натуральномъ оброкѣ и барщинѣ) и о нѣкоторыхъ другихъ очень любопытныхъ частностяхъ вопроса. Разборъ всѣхъ очень немногихъ—освѣщающихъ вопросъ источниковъ доказываетъ ему, что истинное законодательство о колонатѣ нужно искать не въ императорскихъ кодексахъ, а въ многочисленныхъ мѣстныхъ земельныхъ обычаяхъ (*coutume du domaine, consuetudo praedii*)¹⁾, которые создавались вѣками, всѣми уважались и поддерживались самимъ закономъ²⁾. Въ данномъ вопросѣ съ Фюстель де Куланжемъ нельзя спорить. Онъ болѣе или менѣе правъ, и намъ остается пожалѣть вмѣстѣ съ нимъ, что всѣ эти „кутюмы“ погибли навсегда и мы лишены возможности изучить эту важную сторону быта низшаго земледѣльческаго класса въ римской имперіи послѣднихъ вѣковъ, и сказать, что догадки, которыя онъ извлекаетъ изъ имѣющихся обрывковъ источниковъ³⁾, остроумны и вѣроятны, и глава, посвященная изслѣдованію обязанностей колона по отношенію къ помѣщику, принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ страницъ его книги. Можно сдѣлать ему здѣсь только одно замѣчаніе, что онъ слишкомъ много обращаетъ вниманія на формальную, внѣшнюю сторону быта, пренебрегая попытками освѣтить болѣе внутреннюю, такъ сказать, душевную его сторону. Впрочемъ, тутъ отчасти виною недостаточность источниковъ.

Послѣдняя глава этюда Фюстель де Куланжа посвящена обзору источниковъ позднѣйшаго времени, относящихся къ колонату. Изучая

¹⁾ Rech., p. 125—126.

²⁾ С. J. XI, 48; 5, 8, 23 § 2., Ibid., XI, 50, 1.—Ibid., XI, 68, 5. Rech., p. 125, 132.

³⁾ Онъ пользуется надписью Souk-el-Khmis, упоминаетъ также о Νόμοι γερουχιοί Византійской имперіи и приводитъ также нѣкоторые законодательные тексты.

это учрежденіе, нельзя, по его мнѣнію, ограничиться памятниками одной римской эпохи. Это значило бы лишить себя нѣсколькихъ путей изслѣдованія (*plusieurs sources d'information*). Нужно искать, говоритъ онъ, сохранился ли колонатъ послѣ имперіи. „Очень возможно, въ самомъ дѣлѣ, что новые (позднѣйшіе) сборники законовъ содержатъ постановленія, напоминающія о прежнемъ колонатѣ. Очень возможно также, что употребленіе земельныхъ регистровъ (*des registres terriers*) сохранилось очень долго, и что нѣкоторые позднѣйшіе изъ нихъ дошли до насъ. Такого рода документы могли бы не только доказать намъ, что колонатъ продолжалъ существовать (*la persistance du colonat*), но и показать нѣкоторыя его подробности и освѣтить такія стороны, которыя не открываются въ источникахъ болѣе древнихъ. Поэтому мы должны продолжать наши поиски. Мы не имѣемъ права оставить вопроса, не исчерпавъ всѣ средства для его изученія (*tous nos moyens d'investigation*)“¹⁾.

Результаты этой работы и излагаются въ послѣдней, довольно обширной (около 40 стр.) главѣ изслѣдованія Фюстель де Куланжа о римскомъ колонатѣ.—Онъ проводитъ передъ глазами читателя цѣлый рядъ памятниковъ уже собственно средневѣковаго времени, въ которыхъ ищеть слѣдовъ колоната, и описываетъ по нимъ подробности этого учрежденія, какими они сохранились въ продолженіи всей феодальной эпохи. Онъ разбираетъ отличительныя черты крѣпостнаго права, которыя обнаруживаются и въ письмахъ папы Григорія I, и въ Варварскихъ Правдахъ, и въ сводахъ римскаго права, изданныхъ германскими королями для своихъ римскихъ подданныхъ (*Lex Romana Wisigothorum* и др.), и въ формулахъ Мерovingскаго времени, и въ капитуляріяхъ Каролинговъ, и въ знаменитыхъ, дошедшихъ до насъ писцовыхъ книгахъ земельныхъ имуществъ аббатствъ *St-Germain des Près* и *St-Remi de Reims*.

Мы не будемъ слѣдить за изслѣдованіемъ блестящаго историка въ этой заключительной главѣ. Не будемъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что разборъ этого изслѣдованія, сдѣланнаго на основаніи совсѣмъ другихъ источниковъ, требуетъ иной постановки и подробной критики, для которой уже нѣтъ мѣста въ настоящей статьѣ. Во-вторыхъ, такой разборъ и не очень нуженъ, потому что доказательства Фюстель де Куланжа и тутъ направлены къ тому, чтобы оправдать раньше высказанныя положенія о сущности колоната, которыя мы уже имѣли возможность обстоятельно охарактеризовать

¹⁾ *Recherches*, p. 145.

при разсмотрѣніи предшествующихъ главъ. Притомъ же можно сказать, что приводимые имъ тутъ факты и разсужденія не даютъ ничего существенно новаго ни ему самому, чтобы утвердить его взгляды болѣе прочнымъ образомъ, ни его критикамъ, чтобы нанести его воззрѣніямъ болѣе рѣшительный ударъ. Мы хотимъ сказать, что въ этой главѣ Фюстель де Куланжъ выказалъ тѣ же положительныя и отрицательныя качества, которыми отличается и весь его этюдъ. Главная мысль, которую онъ проводитъ, состоитъ въ томъ, что колонаты продолжалъ существовать въ средневѣковой Западной Европѣ въ тѣхъ общественныхъ организмахъ, которые выросли на развалинахъ Римской имперіи, и что во все время своего существованія учрежденіе это сохранило всѣ существенныя черты, которыми оно отличалось въ римское время. Этотъ взглядъ, что средневѣковое крѣпостное право вышло изъ римскаго міра, можно признать безспорнымъ, но со многими частными пунктами, которые доказываетъ Фюстель де Куланжъ, согласиться трудно: они представляютъ такія же натяжки, такой же плодъ невѣрной точки зрѣнія и односторонней теоріи, какъ и тѣ мнѣнія и толкованія, на которыя мы выше въ различныхъ мѣстахъ указывали и пытались возражать.

„Наша задача окончена“, заключаетъ Фюстель де Куланжъ свое изслѣдованіе ¹⁾—„Мы стремились отыскать всѣ факты и разобрать всѣ тексты, которые могли разъяснить намъ римскій колонаты. Относительно перваго періода имперіи намъ удалось найти только нѣсколько словъ, случайно вырвавшихся у Варрона, Колумеллы и Плинія, и нѣсколько правовыхъ опредѣленій, только косвенно способствовавшихъ зарожденію колоната. Во второмъ вѣкѣ одна надпись раскрыла намъ нѣсколько важныхъ фактовъ. Она показала намъ добровольно-наслѣдственныхъ колоновъ, обязанныхъ натуральнымъ оброкомъ и барщинами; показала помѣстье, раздѣленное на двѣ части, изъ которыхъ одна—помѣщичья—обработывалась обязательнымъ трудомъ крестьянъ. Писатели 3 и 4 вѣковъ, сообщая свѣдѣнія о колонатахъ, привезенныхъ изъ Германіи, пояснили намъ, что колонаты такъ быстро распространялся въ ширь, что ему не удовлетворяло коренное населеніе имперіи. Отъ 4 и 5 вѣковъ у насъ сохранились законы. Они обнаружили намъ только нѣкоторыя изъ правилъ, которыми колонаты управлялся. Но намъ можно было, по крайней мѣрѣ, установить, что не законодателемъ былъ онъ созданъ. Мы не пренебрегли и памятниками послѣдующихъ вѣковъ. Они не только доказали намъ,

¹⁾ Rech., p. 185.

что колоната продолжалъ существовать за паденіемъ Римской имперіи, но и лучше освѣтили нѣкоторыя изъ древнихъ установленій. За недостаткомъ римскихъ писцовыхъ книгъ, мы изучили полиптихи IX в. и нашли въ нихъ потомковъ римскихъ колоновъ, занимающихъ дѣдовскіе участки и обязанныхъ приблизительно тѣмъ же повинностямъ, что и раньше. Такимъ образомъ намъ удалось прослѣдить развитіе колоната изъ вѣка въ вѣкъ по документамъ, которые, хоть и умножаются и дѣлаются лучше съ вѣками, но все же остаются недостаточными. Мы еще не знаемъ окончательно всѣхъ источниковъ происхожденія и всѣхъ правилъ колоната. Мы не разрѣшили всѣхъ вопросовъ, которые связаны съ этимъ замѣчательнымъ организмомъ. Мы скорѣе стремились ставить вопросы и указывать трудности“.

Закончимъ и мы нашъ разборъ. Мы пытались безпристрастно оцѣнить новый трудъ Фюстель де Куланжа. Намъ приходилось, конечно, отмѣчать въ немъ важные недостатки. Насъ часто смущала въ нашемъ авторѣ тенденціозность воззрѣній, затемняющая истину, препятствующая установкѣ правильнаго вывода. Насъ порою неприятно поражала предвзятая теорія, задавшаяся цѣлью оправдать большое историческое зло, показать его въ хорошемъ свѣтѣ.—Намъ приходится и теперь пожалѣть объ этихъ темныхъ сторонахъ работы Фюстель де Куланжа. Но на ряду съ этимъ, разставаясь съ нею, мы не можемъ еще разъ не отдать дани удивленія крупному таланту автора разобраннаго этюда и не признать первостепеннаго значенія многихъ положительныхъ результатовъ, къ которымъ онъ пришелъ, и которые рѣшительно подвигаютъ впередъ разработку вопроса. Мы скажемъ еще, что, не смотря на указанные несимпатичныя стороны воззрѣній Фюстель де Куланжа, чтеніе и изученіе его работъ (разобранной въ томъ числѣ) доставляетъ истинное удовольствіе: Оно будитъ мысль, наводя ее на множество плодотворныхъ вопросовъ, связанныхъ съ предметомъ изслѣдованія; оно своеобразно возбуждаетъ умъ, давая ему богатый матеріалъ для усиленной творческой и критической дѣятельности; оно производитъ необыкновенно сильное и положительно развивающее дѣйствіе. Вотъ почему, между прочимъ, труды Фюстель де Куланжа производятъ такое глубокое впечатлѣніе въ ученой литературѣ и оказываютъ большое и часто хорошее вліяніе на развитіе историческихъ изслѣдованій. — Критическое изученіе Фюстель де Куланжа особенно полезно также и для начинающихъ серьезно заниматься исторіею, если оно ведется при помощи знающаго и опытнаго руководителя.—Разборъ его сочиненій — отличное упражненіе какъ для ознакомленія съ истиннымъ методомъ историческихъ из-

слѣдованій, такъ и для изощренія критическихъ приѣмовъ при обнаруженіи неправильныхъ выводовъ и для приученія къ разумному пользованію источниками. Многія части его трудовъ и даже отдѣльныя главы могутъ послужить темами очень интересныхъ работъ и историко-критическихъ этюдовъ.

Оставляя интересную книгу Фюстель де Куланжа, будемъ ждать съ нетерпѣніемъ появленія будущаго его капитальнаго труда по исторіи феодальнаго строя, для котораго она только служитъ матеріаломъ.

Ив. Гревсъ.

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ОПИСАНІЯ МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА. Выпускъ V. Тифлисъ. 1886.

Слѣдя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ за этимъ полезнымъ изданіемъ Кавказскаго учебнаго округа, мы имѣли нѣсколько разъ случай указывать на обиліе и разнообразіе статистическо-этнографическихъ матеріаловъ, появлявшихся въ каждомъ новомъ выпускѣ этого сборника, который сдѣлался совершенно необходимымъ пособіемъ для всѣхъ интересующихся современнымъ бытомъ населенія обширнаго Кавказскаго края. Особенно отраднымъ явленіемъ слѣдуетъ считать то, что Сборникъ можетъ быть названъ коллективнымъ трудомъ кавказскихъ педагоговъ, этихъ скромныхъ тружениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, распространяя русскую культуру въ какихъ-нибудь рѣдко посѣщаемыхъ захолустьяхъ, напримѣръ, Кубанской или Терской областей, посвящаютъ свои досуги собиранію изъ первыхъ рукъ цѣнныхъ данныхъ о бытѣ окружающаго ихъ населенія. Не говоря уже о научномъ значеніи такихъ работъ, за которыя изслѣдователи Кавказа скажутъ кавказскимъ педагогамъ великое спасибо, онѣ несомнѣнно принесутъ не малую пользу и въ педагогическомъ отношеніи. Выходя изъ школьной комнаты и знакомясь въ сакляхъ, мазанкахъ, избахъ съ условіями быта, среди которыхъ живутъ его ученики и ихъ родители, школьный учитель, конечно, вынесетъ изъ этихъ наблюденій много полезныхъ указаній, которыя отразятся благотворно и на его педагогической практикѣ.

Разсматриваемый выпускъ (болѣе 500 стр.) содержитъ 14 большихъ статей статистико-этнографическаго характера. Онъ открывается интересною статьей г. Садовскаго о Посховскомъ участкѣ, Ардаганскаго округа, Карсской области, который „можетъ считаться лучшимъ и красивѣйшимъ уголкомъ въ малопривлекательной территоріи вновь

